

Номер 5

ISSN 0869-5873

Май 2025

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА

— 1727 —

ВСПЕВЕДАШНІ ДЕРЖАВ
НАУКОВИЙ ЦЕНТР

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 5, 2025

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

К.А. Залесский

Политическая борьба вокруг безоговорочной капитуляции нацистской Германии 3

Ф.О. Трунов

Значение победы в Великой Отечественной войне для судеб народов Европы и Северной Америки 16

Точка зрения

И.А. Шеремет, С.А. Матвеев

Оценка перспектив развёртывания орбитальной группировки спутниковой системы STARLINK 26

Организация исследовательской деятельности

А.А. Кравцов

Интернационализация исследований и разработок в XXI веке: международная статистика и основные тенденции 33

Этюды об учёных

Н.В. Корниенко

“Замысел или ошибка?”: финал романа “Тихий Дон” в оценках современников
К 120-летию со дня рождения академика АН СССР М.А. Шолохова 44

Обозрение

А.Н. Дмитриевский, В.Г. Кузнецов

Краткая история возникновения и развития эволюционного направления в литологии 58

Былое

А.Г. Цыпкина

“Нуждается Союз в общесоюзной академии...”
Выдержка из стенограммы заседания фракции РКП(б) 3-й сессии ЦИК СССР 2-го созыва
5 марта 1925 года 68

Официальный отдел

Награды и премии 83

CONTENTS

No. 5, 2025

For the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War 1941–1945

- K.A. Zalessky*
Political struggle around the unconditional capitulation of nazi Germany 3
- Ph.O. Trunov*
The significance of victory in the Great Patriotic War for the people of Europe and North America 16
-

Point of view

- I.A. Sheremet, S.A. Matveyev*
Assessment of the prospects for deploying the orbital group of the STARLINK satellite system 26
-

Organisation of research activity

- A.A. Kravtsov*
Internationalization of research and development in the 21st century: international statistics and key trends 33
-

Profiles

- N.V. Kornienko*
“Intention or mistake?”: The finale of the novel “And quiet flows the Don”
in the assessments of the contemporaries
On the 120th anniversary of the birth of Academician of the USSR Academy of Sciences M.A. Sholokhov 44
-

Review

- A.N. Dmitrievsky, V.G. Kuznetsov*
A concise history of the origin and development of the evolutionary trend in lithology 58
-

Bygone times

- A.G. Tsypkina*
“The Union needs an all-union academy...”
Excerpt from the transcript of the meeting of the RCP(b) fraction of the 3rd session of the Central Executive Committee of the USSR of the 2nd convocation on March 5, 1925 68
-

Official Section

- Awards and prizes 83
-
-

===== К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг. =====

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ БЕЗОГОВОРЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

© 2025 г. К.А. Залесский^{а,*}

^аАссоциация историков Второй мировой войны им. О.А. Ржешевского

*E-mail: ka_zet@mail.ru

Поступила в редакцию 15.03.2025 г.

После доработки 15.03.2025 г.

Принята к публикации 28.03.2025 г.

Статья посвящена драматическому моменту в истории Великой Отечественной и Второй мировой войн — событиям, предшествовавшим подписанию Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Вокруг этого события развернулась серьёзная борьба с участием руководства Германии, Великобритании, Соединённых Штатов Америки и Советского Союза. Руководство СССР делало всё возможное, чтобы не допустить заключения сепаратного мира между Германией и Великобританией, к чему стремилось правительство К. Дёница. Автор прослеживает все этапы этой военно-политической коллизии, в рамках которой речь шла не только о послевоенном статусе Германии, но и о новой системе международных отношений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Акт о капитуляции Германии, антигитлеровская коалиция, “Большая тройка”, полная капитуляция, частичная капитуляция, сепаратные соглашения, И.В. Сталин, У. Черчилль, Д. Эйзенхауэр, Г. Трумен, К. Дёниц, фельдмаршал Б. Монтгомери, генерал-адмирал Г.Г. фон Фридебург, генерал-полковник А. Йодль, генерал-майор И.А. Сулопаров.

DOI: 10.31857/S0869587325050012, EDN: EJXMTL

Победа СССР в Великой Отечественной войне — Победа над нацистской Германией — всегда будет оставаться в центре внимания широкой общественности и в России, и в странах СНГ, когда-то входивших в состав Советского Союза, и среди наших союзников по Антигитлеровской коалиции, и в странах, освобождённых войсками Красной армии или армиями союзников, и даже в проигравшей войну Германии. При этом государства, волею судеб никакого отношения ко Второй мировой войне не

имевшие, в лучшем случае занимают отстранённую “политически грамотную” позицию, но всё-таки занимают!

Охватить все аспекты Победы невозможно. Ведь даже на вопрос “Когда началась дорога к Победе?” нельзя ответить однозначно. Кто-то скажет, что это 1944-й, когда наши войска вышли на государственную границу СССР; кто-то вспомнит Курскую дугу, где был окончательно сломен хребет германских панцерваффе. Но ведь все знают: именно с разгрома под Сталинградом начался коренной перелом в войне. Однако нельзя забывать и о контрнаступлении под Москвой, когда рухнул миф о непобедимости вермахта и окончательно был похоронен блицкриг. А кто-то скажет, и будет прав, что долгая дорога к Победе началась непосредственно 22 июня 1941 г., когда немецкие войска не смогли, как планировалось, взять Брестскую крепость... Спорить нет никакого смысла.

Зато мы можем совершенно точно определить тот момент, когда Победа наступила. Ведь для всех нас День Победы — 9 мая — святой день. И здесь можно говорить не только о чём-то высоком, но

ЗАЛЕССКИЙ Константин Александрович — вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны им. О.А. Ржешевского.

и о формальной, скажем так, официальной победе. А что это такое? Всё просто: это момент, когда враг сложил оружие, прекратил сопротивление, признал своё поражение.

* * *

Адольф Гитлер — фюрер и рейхсканцлер, а также верховный главнокомандующий вермахта — настаивал на как можно более долгом сопротивлении советским войскам и ни о какой капитуляции и слышать не хотел. Свою позицию он сформулировал ещё 31 августа 1944 г., когда мало у кого возникали сомнения в том, что Германия проиграла войну. В этот день на оперативном совещании в восточно-прусской Ставке под Растенбургом (*Wolfsschanze* — “Волчье логово”) во время очередного монолога Гитлер обозначил дальнейшие планы войны: “Придёт время, когда трения между союзниками станут так велики, что приведут к разрыву. Все коалиции в истории раньше или позже распадались. Надо лишь ждать правильного момента, хотя это тоже тяжело” [1, S. 615, 617]. Этой позиции он придерживался до своей смерти.

В понедельник 30 апреля 1945 г. между 15:30 и 15:50 Гитлер покончил с собой, и политика немецкого руководства в отношении капитуляции несколько изменилась, но всё же отголоски гитлеровской идеи о расколе коалиции сохранились. Новый глава германского государства, назначенный предыдущим в его политическом завещании, гросс-адмирал Карл Дёниц в своём первом радиообращении к германскому народу в ночь на 2 мая 1945 г. выступил, скорее, именно как преемник фюрера, а не как некий “новый” руководитель страны. Однако, несмотря на стандартные фразы о героизме ушедшего вождя, о верности его принципам и о продолжении борьбы, тональность заявлений слегка поменялась: если большевизм по-прежнему представлял главным противником Третьего Рейха, то отношение к западным державам несколько смягчилось [2, с. 262, 263].

Формально к этому моменту германские войска ещё контролировали довольно большое пространство: даже на побережье Атлантики сопротивлялись гарнизоны Ла-Рошели, Сен-Назера, Лорьяна, Дюнкерка и Нормандских островов, а в Средиземном море германские войска оставались на Крите, Родосе и Додеканесских островах. И хотя военные действия уже вовсю шли на территории Германии, уже пал Берлин, части вермахта всё ещё присутствовали в Норвегии, Дании, Голландии, Хорватии, Италии, Австрии, Чехословакии, Латвии, Польше. Впрочем, в значительной степени это была фикция — везде фронт уже рушился без каких-либо перспектив, а там, где немцы оказывали сопротивление, это было сопротивление обречённых.

И тогда, и позже Дёниц и его окружение обособывали свои действия первоочередной задачей “спасения населения восточных территорий от орд

большевиков”. При этом главной задачей правительства Дёница было принятие любых мер, которые позволили бы легитимизировать его, превратить в действующее правительство послевоенной Германии, пусть и под контролем западных союзников СССР. Карл Дёниц в своих воспоминаниях, к которым следует относиться с большой осторожностью, достаточно чётко обрисовал свою позицию: «Хотя 1 мая я публично объявил, что сопротивление на Западном фронте будет продолжаться ровно столько, сколько потребуется для осуществления наших планов на востоке, тем не менее я отлично понимал, что могу положить конец противостоянию с англичанами и американцами только после капитуляции на поле боя. Но я не знал, удастся ли нам убедить их принять частичную капитуляцию, учитывая провозглашённый во всеуслышание лозунг о “безусловной капитуляции”» [3].

Приемлемой для Германии ситуацией была бы капитуляция на Западе и продолжение сопротивления на Востоке. Однако, поскольку стало ясно, что англо-американцы в тот момент ещё не были готовы пойти на нарушение имеющихся с СССР договорённостей, было решено проводить политику частичных капитуляций. Что имелось в виду? Капитуляция обставлялась не как полная, а как сдача вооружённых сил на конкретном театре военных действий, то есть мероприятие не политическое, а чисто военное: исходя из сложившейся обстановки командующий решает прекратить сопротивление. В этом случае можно было бы частями сдаваться на Западе, продолжая сопротивление на Востоке и постепенно отводя войска и население в зону ответственности западных союзников, формально не подписывая полной капитуляции. Предполагалось, что если такой процесс затянется, возникнет ситуация, когда правительство Дёница станет приемлемым партнёром для союзников и у него появится шанс претендовать на некое представительство немецкого народа, пусть и в усечённой форме.

Дёниц отправил приказ командующему войсками в Гамбурге: на следующий день, 3 мая, в 8:00 направить к англичанам парламентёра, предложить им сдачу города без боя, а также сообщить, что к британскому фельдмаршалу Бернарду Монтгомери вскоре прибудет немецкая делегация во главе с генерал-адмиралом Хансом Георгом фон Фридебургом. Фридебург должен был в качестве пробного шара предложить капитуляцию немецких войск, стоявших против британской 21-й группы армий, и, если всё пройдет удачно, обратиться к президенту Эйзенхауэру с предложением капитуляции на всём западном театре военных действий.

Штаб Монтгомери размещался на холме Тимелоберг в 3 км юго-восточнее Люнебурга. Фельдмаршал разместился в собственном автокараване, в течение получаса был развернут временный, но очень комфортабельный лагерь. Утром 3 мая немецкая деле-

гация, возглавляемая фон Фридебургом, прибыла в Тимелоберг около 11:30. На вопрос Монтгомери “Чего они хотят?” [4, с. 356] фон Фридебург зачитал письмо, подписанное начальником Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем, в котором речь шла о возможной капитуляции *англичанам* войск группы армий “Висла” (около 500 тыс. человек), которая вела военные действия к северу от Берлина *против советских войск*. Монтгомери так описал происходившие события: «Я сказал фон Фридебургу: “Вы согласны сдать мне все германские силы на моих западном и северном флангах, включая все силы в Голландии, Фрисланде с Фризскими островами, в Гельголанде, Шлезвиг-Гольштейне и Дании?”... Он ответил, что не может согласиться на эти условия... Потом я сказал, что, если немцы отказываются от безоговорочной капитуляции всех сил в указанных мною областях, я отдам приказ о продолжении боёв; в этом случае будет убито множество немецких солдат, не исключена и гибель гражданских лиц от артиллерийского огня и воздушных налётов» [4, с. 357, 358]. Фридебург отбыл для консультаций и уже около 0:00 явился к Дёницу с докладом. Дёниц вспоминал: “Монтгомери, объявил он [Фридебург], готов принять сепаратную капитуляцию Северной Германии, но потребовал, чтобы туда же были включены Голландия и Дания... Монтгомери ответил, что не станет чинить препятствий отдельным солдатам, пожелавшим сдаться, но ни при каких обстоятельствах не будет принимать сдачу организованных воинских подразделений” [3]. После короткого совещания было принято решение о наделении Фридебурга соответствующими полномочиями на подписание капитуляции. Причём не было сомнений — ни тогда, ни сейчас, что Дёниц и его соратники рассматривали эту капитуляцию как очень важный первый шаг на пути к общей сепаратной капитуляции перед западными союзниками при продолжении сопротивления на Восточном фронте. Дёниц записал в своих мемуарах: “Утром 4 мая я предоставил Фридебургу право принять все условия Монтгомери. Он вернулся в штаб Монтгомери, имея приказ после урегулирования всех формальностей с англичанами направиться в Реймс к Эйзенхауэру и сделать ему аналогичное предложение — *о сепаратной капитуляции* [курсив мой — К.З.] всех наших сил в американском секторе” [3].

По возвращении в лагерь Монтгомери Фридебург и другие члены немецкой делегации где-то после 18:00 4 мая подписали Акт о частичной капитуляции. Все наступательные действия британская армия прекратила ещё 3 мая, когда немцы провели переговоры с Монтгомери, теперь же фельдмаршал отдал официальный приказ о прекращении огня на всей линии фронта с 8:00 утра субботы 5 мая 1945 г. Бернард Монтгомери немедленно озвучил послание командирам подчинённых ему частей, оно было стандартным: “хочу выразить благодарность”, “вы-

полнили великую задачу”, “горжусь тем, что командовал”, “от всего сердца благодарю”. А в обращении ко всей 21-й группе армий среди прочих патетических фраз были и такие слова: “Мы победили в германской войне” [4, с. 364, 365].

После подписания акта немцы покинули ставку Монтгомери: как и было предусмотрено, Фридебург и генерал пехоты Эбергард Кинцель отправились в Реймс, в ставку генерала Эйзенхауэра, чтобы попытаться добиться такого же успеха, что и в Люнебургской пустоши.

Во Фленсбурге, последнем центре нацистского правительства, тот факт, что немцам разрешили подписать акт о капитуляции, вызвал чуть ли не эйфорию. Новому правительству Германии стало казаться, что всё получается и их идея о мире с западными державами при сохранении противостояния с Советским Союзом становится реальностью. Дёниц писал: “Сообщение Фридебурга, переданное 4 мая, принесло нам огромное облегчение. Первый шаг к сепаратной капитуляции перед Западом был сделан, и нам не пришлось бросать своих соотечественников на милость русских” [3].

Описанные выше переговоры не были ни в коем случае тайной для советского руководства. Наши союзники держали в курсе Москву. Как указывает в своей работе официальный историк Армии США, исполнительный директор Фонда Джорджа К. Маршалла Форрест Погью, “объединённый штаб 21 апреля информировал Советское правительство, что капитуляция крупных сил противника становится всё более вероятной, и предложил, чтобы при верховных штабах как на Западном, так и на Восточном фронтах находились представители всех трёх союзников для ведения переговоров о капитуляции. Объединённый штаб просил, чтобы Советский Союз назначил представителей как к Эйзенхауэру, так и на Средиземноморский театр” [5, с. 488].

* * *

Немецкому командованию была известна согласованная общая позиция союзников, договорившихся не заключать сепаратных соглашений, но оно надеялось, что принципиальные идеологические противоречия между большевиками и западными демократиями дадут ему шанс. С англичанами вариант частичной капитуляции прошёл в целом нормально. Теперь, если такую же удастся подписать с американцами, то можно сколь угодно долго игнорировать ситуацию на Восточном фронте, ссылаясь на некие военные обстоятельства, — вплоть до отказа подписывать акт о капитуляции. Таким образом, Дёниц старался де-юре обойти существующие договорённости союзников и с помощью частичных капитуляций добиться де-факто сепаратного мира.

Ещё более важно, что Дёниц и его окружение надеялись при подписании капитуляции только на британском и американском театре военных дей-

Британский фельдмаршал Б. Монтгомери зачитывает Акт о капитуляции, штаб 21-й группы в Люнебургской пустоши, 4 мая 1945 г.

Сидят (слева направо): майор Й. Фридель, контр-адмирал Г. Вагнер, генерал-адмирал Г.Г. фон Фридебург, фельдмаршал Б. Монтгомери. *Стоят* (слева направо): подполковник Т. Уоррен, полковник К.П. Доуни, полковник Дж. Эварт, подполковник Ф. Вайдман

ствий остаться в статусе легитимного правительства Германии. И это было не только вопросом власти — то есть, кто будет руководить побеждённой страной, но и вопросом о статусе Германии: в этом случае она бы формально сохраняла суверенитет. Таким образом, осуществление планов о частичной капитуляции и блокирование всеми силами капитуляции безоговорочной было жизненно необходимо правительству Дёница. В связи с этим миссия фон Фридебурга приобретала чрезвычайно важное значение.

Примерно к 17:00 5 мая Фридебург прибыл в ставку Главного командования экспедиционными силами союзников (*Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force*, сокращенно SHAEF), а вернее — в штаб-квартиру Верховного главнокомандующего генерала Дуайта Эйзенхауэра. Она располагалась в древнем городе Реймсе.

Если в штабе Монтгомери всё прошло вполне приемлемо для немцев, то с Эйзенхауэром ситуация оказалась сложнее. С одной стороны, американцев вполне устраивало подписание капитуляции противостоящих им немецких войск, с другой стороны, Эйзенхауэр был политиком в значительно большей степени, чем Монтгомери. Последний был кадровым военным, который всеми силами стремился делать именно военную карьеру, добиться на этом

поприще всеобщего признания и не помышлял о большой политике, в то время как Эйзенхауэр был скорее штабистом, администратором и вообще политиком, который лучше разбирался не в военном искусстве, а в политической подоплёке событий. Для военных решений у него были соответствующие советники. Эйзенхауэр прекрасно понимал, какое колоссальное историческое значение имеют проходящие в Реймсе переговоры, и то, как они будут проведены, может во многом определить ход его дальнейшей — и он не без оснований надеялся, что успешной — карьеры.

Надо отметить, что ситуация, в которой находился Эйзенхауэр, была значительно более комфортной, чем та, в какой неизбежно оказывалось советское командование. На своём посту верховного командующего в Европе он, в рамках своей компетенции, обладал широчайшими полномочиями и мог самостоятельно решать в том числе и вопрос о капитуляции, не получая на это добро или какие-либо указания от политического руководства США и Великобритании. Он принимал решения исходя из военной целесообразности, с учётом политических аспектов, о которых его информировали заранее. Эйзенхауэр предпочёл лично в переговорах не участвовать, формально потому, что Фридебург явно не соответствовал ему по рангу. Он возложил

эту работу на своего ближайшего помощника, начальника штаба SHAEF генерал-лейтенанта Уолтера Б. Смита (англичанин представлял кадровый разведчик, начальник разведки SHAEF генерал-майор Кеннет У.Д. Стронг).

В отличие от Люнебурга переговоры для немцев в Реймсе с самого начала не заладились, поскольку Эйзенхауэр занял не предусматривавшую никаких иных вариантов позицию: безоговорочная капитуляция должна происходить на всех фронтах одновременно, а это было именно то, чего старалась всеми силами избежать немецкая сторона. Фридебург сразу же объявил Смигу, что его руководство предлагает немедленную капитуляцию всех вооружённых сил Германии, которые противостоят войскам, находящимся под командованием Эйзенхауэра, а также вообще на Западе, то есть фактически это было предложение сепаратного мира. В ответ Смит, имевший чёткие указания своего шефа и не располагавший полномочиями решать какие-либо принципиальные вопросы, заявил, что он готов обсуждать только вопрос о капитуляции вермахта на Западном театре военных действий, но исключительно при одновременной безусловной капитуляции и на Восточном фронте.

Смит вручил Фридебургу текст Акта о капитуляции, который принципиально отличался от того, что был подготовлен Европейской консультативной комиссией и который был в распоряжении и Эйзенхауэра, и Смита. Позже никто из действующих лиц с американской стороны не давал объяснений того, почему не был использован утверждённый правительствами стран Антигитлеровской коалиции текст, а написан новый. Что сделано — то сделано. Однако надо заметить, что определённая логика в этом решении всё же была, то есть нельзя исключать определённый умысел: при подписании текста Европейской консультативной комиссии (ЕКК) Эйзенхауэр оказывался бы просто рядовым исполнителем воли условной “Большой тройки”, здесь же он становился самостоятельной фигурой, как и было на самом деле, — человеком, который принимает решения и отдаёт приказы. При составлении собственного текста Акта о капитуляции он, с одной стороны, полностью выполнил решения, принятые политическим руководством Антигитлеровской коалиции, а с другой — показал, что именно он отвечает за действия вверенных ему войск и именно благодаря его действиям капитуляция была подписана.

Есть и второй момент. И он подразумевает некий компромисс. Если мы обратим внимание на текст Акта о безоговорочной капитуляции ЕКК, то увидим там множество чрезвычайно важных пунктов, в той или иной степени явно выходящих за рамки компетенции военных властей и имеющих отношение, скорее, к политическому устройству Германии. Все вопросы политического устройства и будущего

управления Германией Эйзенхауэр проигнорировал, оставив их политикам, — он только военный и отвечает за военную сторону вопроса.

Генерал Смит доложил о результатах первого раунда переговоров Эйзенхауэру, который сразу же приказал проинформировать о ходе переговоров всю “Большую тройку”, однотипные телеграммы ушли в Вашингтон, Лондон и Москву: “Адмирал Фридебург имеет полномочия только на сдачу остатков немецкой армии на Западном фронте. Обсуждение этого ограниченного предложения было отвергнуто. Учитывая, что адмирал расположен обсуждать вопрос о полной капитуляции, если будет на это уполномочен, ему было предложено запросить разрешение германского правительства” [6]. Сам Эйзенхауэр в своих воспоминаниях также упомянул, что связался с руководством СССР: “Я сразу же сообщил обо всём этом советскому Верховному главному командованию и просил назначить офицера в качестве русского представителя на возможных переговорах с Дёницем. Я информировал русских, что не приму никакую капитуляцию, если она не будет предусматривать одновременную капитуляцию повсюду” [7, 482].

Выдвинутые американской стороной условия в принципе Дёница не устраивали, поскольку все его действия были направлены именно на то, чтобы избежать капитуляции на Восточном фронте. Однако Дёниц и его окружение разглядели в позиции американцев некую надежду на лучший исход. Почему? Дело в том, что из заявлений Эйзенхауэра следовало, что он в принципе готов *вести переговоры*, а затем и *санкционировать* подписание пусть и безоговорочной, пусть и общей (то есть на Западе и на Востоке) капитуляции вермахта. В этом случае правительство Дёница избегало капитуляции перед Красной армией, и разговоры о будущем Германии можно было бы вести с западными союзниками, что обещало немцам определённые перспективы. Второй момент: новый текст капитуляции, касавшийся исключительно военных вопросов, давал впоследствии возможность правительству Дёница заявить (чего и хотели избежать союзники, утверждая текст Акта о капитуляции ЕКК), что капитулировал вермахт, но не германское государство. В результате у Дёница и его советников могло сложиться впечатление (пусть и ложное), что заявление американцев не последнее, и можно ещё раз попытаться их убедить.

Однако для этого требовался более искушённый переговорщик, чем Фридебург, и выбор пал на генерал-полковника Альфреда Йодля, начальника Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта (ОКВ). Дёниц так охарактеризовал задачи, поставленные перед Йодлем: “Попробуйте ещё раз объяснить причины того, почему мы делаем это предложение о сепаратной капитуляции американцам. Если договориться с Эйзенхауэром не удастся, Фридебург должен

предложить одновременную капитуляцию на всех фронтах, но выполненную в два этапа. На первом этапе будут прекращены все враждебные действия, но немецким войскам будет предоставлена свобода передвижения. На втором этапе передвижение будет прекращено. Постарайтесь как можно больше растянуть первый этап и отсрочить наступление второго, уговорите Эйзенхауэра, чтобы отдельным немецким солдатам было в любом случае разрешено сдаваться американцам. Чем значительнее будет ваш успех, тем больше немецких солдат и беженцев найдут спасение на Западе” [3].

К 6 мая 1945 г. относится информирование советской стороны о событиях, происходивших в Реймсе. Эйзенхауэр писал: “Советское Верховное главное командование назначило генерал-майора Суслопарова своим представителем” [7, с. 483]. Всё было достаточно просто: вечером этого дня к Ивану Суслопарову прибыл адъютант Эйзенхауэра и “передал приглашение главнокомандующего срочно прибыть в его штаб” в Реймс [8, с. 517]. Ещё раньше Эйзенхауэр проинформировал телеграммой о состоянии дел начальника Генерального штаба РККА генерала армии Алексея Антонова, фактически — что было всем понятно — это было обращение к И.В. Сталину. Причём это сообщение было отправлено не после, а до начала переговоров в Реймсе, 4 мая, когда штаб Эйзенхауэра только получил известие о прибытии Фридебурга и на тот момент формально ничего не знал о предложении немцев.

Переговоры Смита и Йодля шли с переменным успехом. Убедить американцев в целесообразности частичной капитуляции немцам не удалось. Кроме того, идея подписания капитуляции через какое-то время насторожила Эйзенхауэра, который вполне логично усмотрел в этом попытку затянуть процесс и выгадать время. Он решительно отклонил эти предложения, показав себя “непреклонным” и “резким”, и дал Смиту указание настаивать на немедленном подписании Акта о капитуляции, но, так и быть, заложить в него оговорённую отсрочку. Англо-американская сторона посчитала, что 48 часов — это стандартный срок, когда речь идёт о столь серьёзных вопросах. Сам Эйзенхауэр так охарактеризовал свою позицию: “Нам было ясно, что немцы стремились выиграть время, с тем чтобы перевести за нашу линию фронта как можно больше немецких солдат. Я сказал генералу Смит, чтобы он передал Йодлю, что если они немедленно не прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою весь фронт союзников, чтобы впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта. Я не потерплю дальнейшего промедления... Немцы могли найти ту или иную причину, чтобы отсрочить капитуляцию и тем самым получить дополнительное время для себя. Поэтому через генерала Смита я информировал их, что капитуляция вступит в силу через 48 часов, начиная с нынешней полуночи; в противном случае моя угроза закрыть Западный фронт бу-

дет немедленно осуществлена” [7, с. 483]. Выбора у немцев не осталось, и в 21:00 6 мая американцы прервали переговоры. В 2:41 7 мая Акт о капитуляции был подписан.

Чрезвычайно важным аспектом подготовки подписания капитуляции стало получение согласия советской стороны. В принципе этого не требовалось: документ априори подписывает только та сторона, которая, собственно, капитулирует. То есть это одностороннее действие. Тем более если капитуляция безоговорочная. Представители противной стороны лишь фиксируют факт капитуляции, ведь в подобном документе какие-либо гарантии для сдавшегося противника не предусмотрены — формально они определяются положениями Женевской конвенции, да и то необязательно.

Находившийся в Москве и, таким образом, не являвшийся свидетелем происходивших в Реймсе событий, но имевший к ним непосредственное отношение генерал Сергей Матвеевич Штеменко писал: “Д. Эйзенхауэр принял И.А. Суслопарова в своей резиденции. Улыбаясь, он сказал, что прибыл гитлеровский генерал Йодль с предложением капитулировать перед англо-американскими войсками и воевать против СССР.

Что вы, господин генерал, на это скажете? — спросил Д. Эйзенхауэр. И.А. Суслопаров тоже улыбался... Начальник советской военной миссии ответил главе англо-американского командования, что существуют обязательства, совместно принятые членами антигитлеровской коалиции, относительно безоговорочной капитуляции противника на всех фронтах, в том числе, конечно, и на восточном” [8, с. 517].

Из приведённого текста следует, что советское командование было проинформировано постфактум. Судя по всему, именно Штеменко по линии Генерального штаба отвечал за контакты с Суслопаровым и докладывал Сталину о происходящем в Реймсе. Из журнала посещения кабинета Сталина следует, что 6 мая Штеменко вошёл в кабинет первым — в 19:25, его сообщение было настолько важным (скорее всего, именно тогда он докладывал о полномочиях Суслопарова и реакции на переговоры в Реймсе), что уже через 5 минут в кабинет вошли срочно вызванные члены Государственного комитета обороны СССР Лаврентий Берия, Георгий Маленков и Николай Булганин, ещё через 5 минут (в 19:35) прибыл и заместитель наркома иностранных дел Андрей Вышинский, который курировал вопросы капитуляции и будущего устройства Германии. Штеменко с Булганиным ушли, видимо, получив какие-то задания, в 21:45, Вышинский — в 22:00, Берия с Маленковым — в 22:05. Нельзя утверждать, что позже, вечером того же дня, не было ещё одного совещания — уже не в кабинете, а в квартире Сталина, но это недоказуемо. Нам остаётся только верить Штеменко: “Начальнику советской военной миссии оставалось весьма немного времени, чтобы полу-

чить инструкции своего правительства. Не мешкая, он передал телеграмму в Москву о предстоящем акте подписания капитуляции и текст протокола; просил указаний. Пока телеграмма И.А. Суслопарова была доложена по назначению, прошло несколько часов. В Реймсе перевалило за полночь, и наступило время подписывать капитуляцию. Инструкции же из Москвы не приходили. Положение начальника советской военной миссии было весьма сложным. Всё теперь упиралось в него. Ставить свою подпись от имени Советского государства или отказаться?

И.А. Суслопаров отлично понимал, что манёвр гитлеровских последышей с капитуляцией только перед союзниками мог обернуться в случае какого-либо недосмотра с его стороны величайшим несчастьем. Он читал и перечитывал текст капитуляции и не нашёл в нём какого-либо скрытого злого умысла. Вместе с тем перед глазами генерала вставали картины войны, где каждая минута уносила множество человеческих жизней. Начальник советской военной миссии принял решение подписать документ о капитуляции. В то же время он, обеспечивая возможность для Советского правительства повлиять в случае необходимости на последующий ход событий, сделал примечание к документу. В примечании говорилось, что данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство.

Д. Эйзенхауэр и представители других держав при его штабе с примечанием И.А. Суслопарова согласились» [8, с. 517, 518].

Таким образом, можно сделать вывод, что Эйзенхауэр попросил Суслопарова передать в Москву текст акта и затем поставить свою подпись под ним в качестве законного представителя Советского Союза. Конечно, никакого “примечания” к Акту о капитуляции не существовало — это не принято. Скорее всего, имеется в виду п. 4 акта, где говорилось о возможности подписания нового документа, или же речь шла о подписанном Йодлем одновременно с актом “Обязательстве”. В этом документе германское командование гарантировало, что “нижеперечисленные германские офицеры придут в место и время, установленные Верховным Главнокомандующим Союзнических Экспедиционных Сил и Советским Главным Командованием, с соответствующими полномочиями для осуществления официальной ратификации от имени Германского верховного командования этого Акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил” [9, р. 30].

С указанным п. 4 и “Обязательством” позже возникнут большие проблемы: советская сторона, основываясь на них, будет считать реймский акт предварительным, а берлинскую капитуляцию — единственной, а наши союзники назовут последующие события в Берлине всего лишь ратификацией. (На самом деле, ратификация — это конкретное действие, подразумевающее утверждение некой верховной властью международного акта, заключённого её представителями. Таким образом власть подтверждает, что представитель действовал по её указанию, и она его действия одобряет и под ними подписывается. При этом участие какой-либо другой стороны в этом процессе не предусмотрено

Генерал-майор И.А. Суслопаров и старший лейтенант И. Черняев во время церемонии подписания Акта о капитуляции. Реймс, 7 мая 1945 г.

Генерал-полковник А. Йодль подписывает Акт о капитуляции. Реймс, 7 мая 1945 г.

априори, в этом просто нет никакой необходимости. Сам термин “ратификация” протащили англо-американцы, зафиксировав его в “Обязательстве”. Несмотря на формальный повод называть церемонию подписания Акта о безоговорочной капитуляции в Берлине “ратификацией”, это не более чем попытка повысить собственную значимость. С другой стороны, а что ещё оставалось делать союзникам? Не могли же они официально признать, что занимались лишь подготовкой капитуляции, и отдать все политические дивиденды СССР!

По словам Штеменко, уже после подписания акта Суслопаров получил телеграмму из Москвы — ничего не подписывать: “Д. Эйзенхауэр поздравил И.А. Суслопарова с подписанием акта. Последний направил свой доклад в Москву. А оттуда между тем уже шла встречная депеша, где указывалось: никаких документов не подписывать!” [8, с. 518]. Текст этой телеграммы так никогда и не был опубликован, что удивительно, учитывая важность документа, с одной стороны, а с другой — отсутствие какой-либо секретности её содержания и необходимости его скрывать в интересах СССР. Мало того, не зафиксирован её приход, всё ограничивается ничем не подтверждёнными сведениями, что примерно через шесть часов после подписания из Москвы пришёл ответ, в котором говорилось, что Акт о капитуляции неприемлем, так как его текст отличался от согласованного Европейской консультационной комиссией, а также потому, что Суслопаров не был официально уполномочен подписывать его. Впрочем, вполне возможно, что такая телеграмма и была, только она была заведомо отправлена так, чтобы пришла уже после подписания акта. Почему мы

ставим под сомнение факт отправления подобной телеграммы или считаем, что она была немеренно отправлена позже? Дело в том, что, зная подозрительность Сталина, а также учитывая его опыт политической деятельности, можно предположить, что он принял решение в пользу именно такого варианта: не давать никаких указаний, а оставить вопрос на усмотрение Суслопарова. Этим руководитель СССР оставлял себе полную свободу рук, в случае необходимости можно было заявить, что Суслопаров свои полномочия превысил, и его подпись дезавуировать — исходя из того, что выгоднее и как дальше будут развиваться события. Тем более что п. 4 давал возможность переподписать Акт о капитуляции.

Как показали дальнейшие события, подобное решение было правильным и позволяло учитывать любые возможные осложнения (которых не было). Отказ же от подписания капитуляции в этой ситуации не дал бы ничего, кроме совершенно ненужного конфликта, и мог привести к тому, что наши союзники подписали бы документ, но уже не как некий предварительный, а как окончательный. Не говоря уже о том, что отказ Москвы в полномочиях Суслопарову мог привести к подписанию частичной капитуляции, на что Эйзенхауэр имел полное право. Тем самым был бы сделан колоссальный подарок правительству Карла Дёница. Утверждать, что Сталин и его окружение этого не понимали, значит считать, что руководители огромной страны, имевшие большой опыт, в том числе приобретённый в ходе тяжелейшей войны, ничему так и не научились. Следует учитывать, что они имели ещё и опыт сотрудничества с чрезвычайно сложными союзниками, которые были союзниками исключительно в силу

Во время подписания Акта о капитуляции в Реймсе.

Спиной (справа налево): майор В. Оксениус, генерал-полковник А. Йодль, генерал-адмирал Г.Г. фон Фридебург. *Лицом* (слева направо): генерал-лейтенант Ф. Морган, генерал Ф. Севе, адмирал Г. Барроу, радиокomentатор Г. Бутчер, генерал-лейтенант У.Б. Смит, старший лейтенант И. Черняев, генерал-майор И.А. Суслопаров, генерал К. Спаатц, кинооператор Г. Булл, маршал авиации Дж. Робб, полковник И.И. Зенкович

наличия общего врага, являясь на самом деле последовательными противниками СССР и убеждёнными антикоммунистами. Можно предположить, что принятое руководством СССР решение было не случайным, а продуманным: у Сталина были обсуждены различные варианты (что следует из довольно длительного совещания) и принято единственное возможное решение, которое одновременно являлось основанным на реалиях разумным компромиссом. В пользу того, что упомянутой телеграммы не существовало (либо она сознательно была отправлена уже после подписания Акта о капитуляции), говорит и тот факт, что каких-либо серьёзных мер в отношении Суслопарова принято не было, — учитывая какие серьёзные «оргвыводы» могли последовать, и он ещё на несколько слет остался на службе в системе Главного разведывательного управления.

* * *

После подписания ряда частичных капитуляций стало понятно, что до конца войны остались считанные дни. Руководители стран «Большой тройки» это осознавали, как и то, что раз война ведётся коалицией, то и объявить своим народам о её прекращении и победе также должны все вместе или, как вариант, одновременно. 6 мая Иосиф Сталин получил отправленные накануне (датированные 5 мая)

послания Гарри Трумэна и Уинстона Черчилля, целью которых было урегулировать этот вопрос. Последний писал: «Я предлагаю согласиться с американским мнением, и я устанавливаю время 3 часа после полудня по британскому летнему времени, что означает 4 часа после полудня по Вашему нынешнему времени. Это даст возможность Президенту сделать заявление в 9 часов утра по вашингтонскому времени» [11].

Это предложение было принято советской стороной с упоминанием того, что победа общая, а значит, общей должна быть и капитуляция, как было предусмотрено ранее. Никаких принципиальных возражений предложение союзников не вызвало, о чём Сталин в тот же день им сообщил: «У меня нет возражений против Вашего предложения о 3 часах по британскому летнему времени, что соответствует 4 часам после полудня по московскому времени. Президента г-на Трумэна я также об этом уведомил» [11, № 458].

Тем временем, как уже было сказано, в ночь на 7 мая, через полтора часа после полуночи, Акт о капитуляции был подписан, какой-либо возможности отказа немецкой стороны от подписи предсмотрено не было. Следовательно, с точки зрения Великобритании и США можно было говорить о победе как о событии, которое теперь уже неминуемо наступит

8 мая в 23 часа 01 минуту по средневропейскому времени. Предстоящее подписание акта в Берлине наши Союзники изначально рассматривали как уступку СССР и в общем ничего не значащую церемонию, которая должна была бы удовлетворить амбиции союзника, с которым в то время они ссориться не планировали. Тем не менее позиция СССР была аргументированной: именно факт победы должен был фиксироваться не предварительным актом, а окончательным. (Даже в случае некой умозрительной “ратификации”, именно после неё документ считался бы вступившим в силу.) Таким образом, официальное объявление о победе следует связывать именно с подписанием Акта о безоговорочной капитуляции в Берлине.

Тем временем консультации между союзниками продолжались на самом высоком уровне. Советская сторона всё ещё пыталась добиться того, чтобы сообщение о подписании Акта о капитуляции было отложено до новой церемонии в Берлине: в этом случае можно было бы на вполне законных основаниях объявить реймский документ ничего не значащей предварительной договорённостью. Такой вариант полностью устроил бы советскую сторону, но, естественно, абсолютно не подходил англо-американцам, которые — хотя на словах они были предельно корректны — не собирались отдавать СССР пальму первенства. Не для того они протаскивали словечко “ратификация”, чтобы потом дать возможность Сталину ещё раз подтвердить главный вклад в Победу нашей страны. Они были готовы разделить с ним лавры победителя. На первый план, как обычно, выступил Уинстон Черчилль. После обмена мнениями на самом высоком уровне британский премьер-министр сообщил Сталину: “Ввиду трудности согласования более раннего времени для опубликования я решил, с большим сожалением, отложить моё заявление по радио до того времени, которое было условлено первоначально, то есть до завтра, до вторника [8 мая] до 3 часов после полудня, что соответствует 4 часам после полудня московского времени” [11, № 461].

В Москве отреагировали быстро, в тот же день была предпринята очередная попытка аргументировать позицию Советского Союза. Вполне логично указывалось, что в соответствии с подписанным актом режим капитуляции пока что в силу не вступил — его надо было ждать до 23:01 по средневропейскому времени. Конечно, можно говорить, что Сталин был человеком недоверчивым и подозревал союзников в не совсем честной игре (о чём он, кстати, имел много косвенных сигналов). В то же время надо заметить, что когда речь идёт о завершении — и завершении победоносном — тяжелейшей кровопролитной войны, объявить о нём стоит именно тогда, когда война реально закончится, а не когда кто-то об этом договорился. Если страна сражается уже больше 3 лет 10 месяцев и 2 недель, то можно подождать еще 1–2 дня, но уже объявить о Победе

окончательно и бесповоротно. Именно таким был смысл очередного послания Сталина Черчиллю, выдержанного в корректной и уважительной форме: “У Верховного Командования Красной Армии нет уверенности, что приказ главного германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на восточном фронте. Поэтому мы опасаемся, что в случае объявления сегодня правительством СССР о капитуляции Германии, *мы окажемся в неловком положении и введём в заблуждение общественное мнение Советского Союза* [курсив мой. — К.З.]. Надо иметь в виду, что сопротивление немецких войск на восточном фронте не ослабевает, а, судя по радиоперехватам, значительная группа немецких войск прямо заявляет о намерении продолжать сопротивление и не подчиняться приказу Дёница о капитуляции.

Поэтому Командование советских войск хотело бы выждать до момента, когда войдёт в силу капитуляция немецких войск, и, таким образом, отложить объявление Правительств о капитуляции немцев на 9 мая, в 7 часов по московскому времени” [11, № 462].

Хотя аргументы СССР были вполне логичными и имели право на существование, говорить об их принятии было просто невозможно. Союзники пошли на определённый компромисс, отложив на 8 мая объявление о подписании Акта о капитуляции. Однако эта частичная уступка, как и фактически официальное признание если не необходимости (подобное слово не употреблялось), то неминуемости новой церемонии в Берлине, была самым большим, на что могли пойти в Лондоне и Вашингтоне. В связи с этим ответ Сталину Черчилля, который фактически говорил и от имени Трумэна, был хотя и велеречивый, но достаточно жёсткий и не подразумевающий дальнейшего обсуждения данного вопроса. Кроме того, ответ был отправлен уже 8 мая с таким расчётом, что возможная реакция на него неизбежно запоздает: “Я только что получил Ваше послание, а также прочитал письмо от генерала Антонова генералу Эйзенхауэру, в котором предлагается, чтобы объявление о капитуляции Германии было бы отложено до 9 мая 1945 года. *Для меня будет невозможно отложить мое заявление* [курсив мой. — К.З.] на 24 часа, как Вы это предлагаете” [11, № 463].

Трумэн решил вообще не вдаваться в детали, оставив их своему британскому коллеге, а просто сослался на то, что уже слишком поздно — самая простая и стандартная отговорка. Причём он ответил не напрямую, а через посла СССР в США Андрея Громыко: “Прошу Вас сообщить маршалу Сталину, что его послание на моё имя было получено в Белом доме сегодня в час ночи. Однако, когда послание поступило ко мне, приготовления продвинулись вперёд настолько, что оказалось невозможным рассмотреть вопрос об отсрочке объявления мною о капитуляции Германии”. А премьер-министр Великобритании во исполнение высказанной им позиции

в 15:15 по средневропейскому времени из студии ВВС выступил с радиообращением к соотечественникам, сообщив о капитуляции.

* * *

Подписанный в Реймсе 7 мая документ абсолютно не удовлетворил Иосифа Сталина, что было вполне логично и можно было с большой долей вероятности прогнозировать. Крайним был назначен генерал-майор Иван Суслопаров, который получил выговор за то, что не блокировал подписание Акта о капитуляции. Сегодня можно встретить довольно спекулятивные утверждения, апеллирующие к неким “общечеловеческим ценностям”, что, мол, “какая разница кто подписал, главное закончить эту кошмарную войну”. Действительно, вроде бы по факту подписания этого документа война завершается, и именно победой стран антигитлеровской коалиции — всех стран без исключения, и это под сомнение не ставится. Тот факт, что на документе нет подписи представителя Великобритании, а представитель Франции выступил лишь как свидетель, особой роли для этих стран не играл. Проблема заключалась в другом, и Сталин это прекрасно понимал. Возможно, здесь определённую

роль сыграла подозрительность лидера СССР: вождь был человеком недоверчивым и везде видел заговоры и злую волю. С другой стороны, особого доверия западные партнёры не заслуживали (как, кстати, и СССР, и Сталин, с их точки зрения): антигитлеровская коалиция была объединением против общего врага, но единые интересы входящих в неё стран ограничивались стремлением нанести поражение нацистской Германии и в значительно меньшей степени умозрительной идеей создания послевоенного мира, вернее, новой системы международных отношений. Однако главную роль здесь играло не недоверие или подозрения, а понимание Сталиным огромного значения официального подписания Акта о безоговорочной капитуляции не только для конкретной ситуации 1945 г., но и для будущего.

Вечером 7 мая, в 19:30, Сталин собрал совещание, на которое вызвали представителей Генштаба. Оно было довольно представительным — сразу три (кроме, естественно, Сталина) члена Политбюро ЦК ВКП (б) — В.М. Молотов, Л.П. Берия и Г.М. Маленков, кроме того, был приглашён 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, чуть позже — где-то в 20:10 — прибыл начальник

Немецкая делегация на церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции в Берлине. 8 мая 1945 г.

Сидят (слева направо): Г.Ю. Штурмф, В. Кейтель и Г.Г. фон Фридебург, *стоят* (слева направо): Л. Бюркнер, О. Зальман, К. Бём-Теттельбах, офицер люфтваффе

Главного разведывательного управления Наркомата обороны СССР генерал-лейтенант И.И. Ильичёв.

Штеменко вспоминал: “Обсуждалась капитуляция в Реймсе. Верховный главнокомандующий подводил итоги, размышляя вслух. Он заметил, что союзники организовали одностороннее соглашение с правительством Дёница. Такое соглашение больше похоже на нехороший стговор... Выходит, что перед нашей страной капитуляции не происходит, и это тогда, когда именно мы больше всего потерпели от гитлеровского нашествия и вложили наибольший вклад в дело победы, сломав хребет фашистскому зверю. От такой “капитуляции” можно ожидать плохих последствий...”

Договор, подписанный союзниками в Реймсе, — продолжал И. В. Сталин, — нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия, — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть её подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством.

Закончив говорить, И.В. Сталин обратился к нам и справился, может ли товарищ Жуков подыскать подходящее помещение для торжественного подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии в Берлине...

После этого Верховный Главнокомандующий потребовал соединить его по телефону с Берлином и сам сообщил Жукову, что Георгия Константиновича уполномочили принять капитуляцию фашистской Германии от имени СССР. Вслед за тем была составлена и тут же отправлена из аппаратной Ставки короткая записка в Берлин на ту же тему” [8, с. 522, 523].

На самом деле сложно сказать, какие соображения сыграли в решении Сталина главную роль, но можно с уверенностью утверждать, что сегодня, в случае если бы осталась только Реймская капитуляция, мы бы слышали множество спекуляций на тему, кому реально сдалась нацистская Германия и кого надо считать странами-победительницами. Кроме того, и тут надо признать правоту советского лидера, самая кровавая война в истории человечества обязательно должна была завершиться не каким-то проходным событием, в котором участвовало несколько генералов, причём отнюдь не первых лиц воюющих сторон, а торжественной церемонией, которая вошла бы в историю. Напомним: когда в сентябре 1945 г. американцы организовывали церемонию подписания Акта о капитуляции Японии, они превратили это в яркое зрелище, хотя как раз там им никто бы не помешал сделать это кулуарно, вроде того, что происходило в Реймсе.

Дальнейшие события хорошо известны. Церемония подписания Акта о безоговорочной капи-

туляции началась ровно в 24:00 по московскому времени (22:00 по средневропейскому или 23:00 по летнему германскому времени), то есть за 1 час и 1 минуту до вступления капитуляции в силу. Таким образом противоречие было разрешено. В этот момент представители Союзного командования во главе с маршалом Советского Союза Жуковым вошли в зал. Затем состоялась сама церемония. Зарубежные источники указывают, что это произошло в 0:16 по московскому времени 9 мая (22:16 по средневропейскому и 23:16 по летнему германскому времени 8 мая). Г.К. Жуков чётко зафиксировал время, но не подписания акта, а окончания церемонии: “В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта безоговорочной капитуляции Германии было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Heiber H.* (Hrsg.) *Hitlers Lagebesprechungen. Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945.* Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962.
2. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). М.: ТЕРРА, 1995.
Russian archive: The Great Patriotic War. Vol. 15 (4–5). Moscow: TERRA, 1995. (In Russ.)
3. *Дёниц К.* Десять лет и двадцать дней. Воспоминания главнокомандующего военно-морскими силами Германии. 1935–1945 гг. М.: Центрполиграф, 2004. http://militera.lib.ru/memo/german/doenitz_k/text.html#t22 (дата обращения 23.01.2025).
4. *Dönitz K.* Ten Years and Twenty Days. Memories of the Commander-in-Chief of the German Navy. 1935–1945. Moscow: Centerpoligraf, 2004. http://militera.lib.ru/memo/german/doenitz_k/text.html#t22 (accessed 23.01.2025). (In Russ.)
5. *Монтгомери Б.* Мемуары фельдмаршала. М.: Вагриус, 2006.
Montgomery B. Memoirs of a Field Marshal. Moscow: Vagrius, 2006. (In Russ.)
6. *Погю Ф.С.* Верховное командование / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1959.
Pogyu F.S. Supreme Command / Abridged translation from English. Moscow: Voenizdat, 1959. (In Russ.)
7. *Кынин Г.П., Морозова И.М.* Германия капитулирует безоговорочно // Историко-документальный департамент МИД России. https://idd.mid.ru/informational_materials/germaniya-kapituliruet-bezogovorochno/ (дата обращения 9.11.2024).
8. *Kynin G.P., Morozova I.M.* Germany capitulates unconditionally // Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. https://idd.mid.ru/informational_materials/germaniya-kapituliruet-bezogovorochno/ (accessed 9.11.2024). (In Russ.)

7. *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск: Русич, 2000.
Eisenhower D. Crusade to Europe. Smolensk: Rusich, 2000. (In Russ.)
8. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1981.
Shtemenko S.M. General Staff during the war. Moscow: Voenizdat, 1981.
9. Germany Surrenders Unconditionally. Facsimiles of the documents // National Archives publication (Washington, D.C.), 1945. (In Russ.)
10. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1958. https://www.hrono.ru/libris/stalin/sc45_05.html (дата обращения 18.11.2024).
Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the Presidents of the USA and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941–1945. Moscow: Politizdat, 1958. https://www.hrono.ru/libris/stalin/sc45_05.html (11/18/2024). (accessed 18.11.2024) (In Russ.)

POLITICAL STRUGGLE AROUND THE UNCONDITIONAL CAPITULATION OF NAZI GERMANY

K.A. Zalessky^{a,*}

^a*Association of Historians of the Second World War named after O.A. Rzheshevsky*

^{*}*E-mail: ka_zet@mail.ru*

The article is devoted to a dramatic moment in the history of the Great Patriotic War and the Second World War – the signing of the Act of Unconditional Surrender of Nazi Germany. A serious struggle unfolded around this event with the participation of the leadership of Germany, Great Britain, the United States of America and the Soviet Union. The leadership of the USSR did everything possible to prevent the conclusion of a separate peace between Germany and Great Britain, which the government of K. Dönitz sought. The author traces all the stages of this military-political collision, within the framework of which it was not only about the post-war status of Germany, but also about a new system of international relations.

Keywords: Great Patriotic War, Second World War, Act of Surrender of Germany, anti-Hitler coalition, “Big Three”, complete capitulation, partial capitulation, separate agreements, I.V. Stalin, W. Churchill, D. Eisenhower, H. Truman, K. Dönitz, Field Marshal B. Montgomery, General Admiral G.G. von Friedeburg, Colonel General A. Jodl, Major General I.A. Susloparov.

===== К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг. =====

ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ДЛЯ СУДЕБ НАРОДОВ ЕВРОПЫ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

© 2025 г. Ф.О. Трунов^{а,*}

^аИнститут научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

^{*}E-mail: ltrunov@mail.ru

Поступила в редакцию 17.03.2025 г.

После доработки 25.03.2025 г.

Принята к публикации 03.04.2025 г.

Россия настойчиво борется за создание более справедливого мира, стремясь дискредитировать ультра-радикальные силы (международный терроризм, нацизм/неонацизм). Это закономерное продолжение стратегии Советского Союза, который внёс решающий вклад в капитуляцию Третьего рейха, самого мощного агрессора в истории, тем самым обеспечив формирование Ялтинско-Потсдамского миропорядка. В статье предпринята попытка осмыслить значение Великой Отечественной войны для народов Европы и Северной Америки. На практических примерах показано, что именно масштаб задействованных на советско-германском фронте сил и потери вермахта на этом направлении позволил англосаксонским державам сохранить, а затем и усилить свои позиции. Противостояние в ходе Великой Отечественной войны жёстко ограничило размах и продолжительность боевых действий в Северной Африке (завершены в мае 1943 г., на два года раньше, чем в Европе), не позволило распространить их на Ближний и Средний Восток, объединить усилия нацистской Германии и милитаристской Японии. Прослежено искусственное преуменьшение либеральными демократиями решающей роли СССР в разгроме Третьего рейха, после того как Запад стал “коллективным”. Великой Победой Отечество обеспечило себе роль незападного полюса притяжения в рамках Глобального Севера.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, западные демократии, Европа, Глобальный Север, справедливый миропорядок.

DOI: 10.31857/S0869587325050021, **EDN:** EJYSLD

В современных реалиях Российская Федерация последовательно стремится выстроить более справедливый миропорядок. Создать его априори невозможно без критического ослабления ультрарадикальных сил, дискредитации их идей и экстремистских способов достижения. К этим силам относятся структуры международного терроризма и нацистские (неона-

цистские) политические режимы [1]. Они по своей природе деструктивны, жёстко подавляют и даже уничтожают всех, кто не разделяет их ультрарадикальные установки, представляют угрозу для конкретных людей, обществ, государств, человечества в целом.

Повышенную ответственность приняла на себя Российская Федерация. Её усилия, прежде всего использование Вооружённых Сил в Сирийской Арабской Республике в период с 30 сентября 2015 г. по 11 декабря 2017 г., привели к резкому ослаблению “Исламского государства”¹ (самоназвание с 2014 г.) [2], которое сумело создать обширную “чёрную зону” на территориях Сирии и Ирака, провозгласило своей целью создание мирового халифата. С 24 февраля 2022 г. Россия проводит специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины. Тем самым наша страна в очередной раз приняла на себя роль щита, ограждая мир от ультрарадикальных сил.

¹ Запрещённая в РФ экстремистская организация.

ТРУНОВ Филипп Олегович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Исторически наше Отечество неоднократно играло такую роль. Наиболее масштабно это проявилось в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Путём исключительного напряжения сил и огромных потерь советский народ сумел разгромить наиболее мощного агрессора в мировой истории. Именно Великая Победа стала основополагающим фактором, который обеспечил по итогам Второй мировой войны дерадикализацию на глобальном уровне, создание справедливого по своей сути Ялтинско-Потсдамского миропорядка.

В настоящей статье поставлена задача исследовать влияние Победы в Великой Отечественной войне на судьбы мира на примере Европы и Северной Америки. В работе нашли применение положения теории строительства вооружённых сил [3], историко-описательный метод и системный подход к изучению международных отношений.

* * *

В отечественной историографии постоянно расширяется корпус работ по Великой Отечественной войне. Прежде всего следует отметить два 12-томных издания: подготовленный в 1973–1982 гг. фундаментальный труд по Второй мировой войне с фокусом на Великую Отечественную (под общей редакцией министра обороны СССР А.А. Гречко, научный руководитель — член-корреспондент АН СССР, генерал-лейтенант П.А. Жилин) и созданный в 2011–2015 гг. выдающийся труд по Великой Отечественной войне (под общей редакцией министра обороны России С.К. Шойгу, научный руководитель — доктор исторических наук, генерал-майор В.А. Золотарёв). В каждом из двух изданий завершающий том посвящён итогам и урокам войны [4, 5]. Нельзя не упомянуть и опубликованное в 1998–1999 гг. под общей редакцией Г.Н. Севостьянова и В.А. Золотарёва 4-томное издание военно-исторических очерков о Великой Отечественной войне [6].

Большую ценность в качестве источников сведений о войне представляют воспоминания плеяды советских военачальников, которые занимали высшие и высокие посты в Рабоче-Крестьянской Красной Армии в годы войны [7–10]. Особенно велико значение для исследований 29-томного собрания источников “Русский архив” по Великой Отечественной войне, которое было подготовлено в 1993–1999 гг. в Институте военной истории, когда им руководил В.А. Золотарёв [11]. Важная составляющая этой масштабной работы — вторичная экспертиза ряда источников (например, материалов обсуждения ключевых стратегических вопросов в Генеральном штабе РККА, когда стенограмму вела слабо знакомая с военной спецификой машинистка, искажая суть документа).

В то же время сравнительно невелик корпус работ, посвящённых долгосрочным последствиям Великой Отечественной войны для различных частей мира.

Здесь следует отметить фундаментальный труд по итогам и урокам Второй мировой войны 1985 г. (под общей редакцией министра обороны СССР С.Л. Соколова), когда исследования в этой области в Советском Союзе достигли наивысшего уровня [12]. Для зарубежных исследований, особенно на Западе, характерно стремление принизить фактическую значимость Великой Отечественной войны [1], превратить её в российскую “домашнюю” тему, отрицая её значимость для судеб мира.

Великая Отечественная война стала решающей по масштабу, ожесточённости, значению составляющей Второй мировой войны. Существует понятие “квалифицированное большинство”, под которым имеется в виду 75% общего числа участников. Иными словами, показатель в 75% признаётся бесспорным доказательством для применения эпитета “решающий” и синонимичных ему. Так вот на долю Советского Союза из общих потерь, которые понёс Третий рейх, приходится: выведенной из строя живой силы вермахта — 73%, артиллерийских орудий и миномётов — 74%, танков и штурмовых орудий — до 75%, самолётов — свыше 75% [12, с. 121]. То есть вклад СССР в разгром военной машины нацистской Германии был именно решающим.

* * *

В преддверии Второй мировой войны в составе исторического Запада сложились две основные группы игроков — западные демократии (прежде всего Франция и Великобритания, страны Бенилюкс, а также США) и агрессоры (нацистская Германия и фашистская Италия); большинство других стран в Восточной, Северной, а также Южной Европе в основном ориентировались на первый из указанных полюсов влияния. Представители тогдашних западных элит, особенно в Париже и Лондоне, пребывали в иллюзии, что им удастся полностью избежать ударов со стороны нацистской Германии или оттянуть их, канализировав её захватнические устремления на восток. Подтверждениями тому стали “политика умиротворения агрессора”² (1936–1939) и “странная война”³ (3 сентя-

² Термин “политика умиротворения агрессора” зачастую употребляется для обозначения внешней политики британского правительства во главе с Н. Чемберленом, а также С. Болдуином и Дж. Р. Макдональдом в отношении нацистской Германии и отчасти фашистской Италии в 1933–1939 гг.

³ Названием “странная война” подчёркнут специфический характер боевых действий между враждующими сторонами — почти полное их отсутствие, за исключением боевых действий на море. Враждующие стороны вели только бои локального значения на франко-немецкой границе, в основном находясь под защитой оборонительных линий Мажино и Зигфрида. Изредка западные союзники вели бомбардировки промышленных центров Германии. Период “странной войны” в полной мере был использован немецким командованием в качестве стратегической паузы: Германии удалось успешно провести Польскую кампанию, захватить Данию и Норвегию, а также подготовиться к вторжению во Францию.

бря 1939 г. — 9 мая 1940 г.). А что в результате? Третий рейх оккупировал Австрию (март 1938 г.), большую часть Чехословакии (сентябрь—октябрь 1938 г. и март 1939 г.), разгромил Польшу (1 сентября — 5 октября 1939 г.), подчинил Словакию, включил в орбиту своей внешней политики Венгрию, Румынию и Болгарию.

Нет сомнений, что именно Советский Союз был для нацистского режима важнейшей *стратегической целью*. Однако сначала Третий рейх принял решение сокрушить мощь европейских держав, распространить свою власть на большей части исторического Запада, чтобы использовать дополнительные ресурсы для агрессии против СССР. Неспособность противостоять вермахту франко-британские союзники продемонстрировали сначала в Норвегии (9 апреля — 10 мая 1940 г.), а затем в континентальной Западной Европе: всего за 44 дня (10 мая — 22 июня 1940 г.) Третий рейх разгромил армии Франции, Голландии, Бельгии, нанёс крупный удар по Великобритании. Пример оккупированных стран Бенилюкс и Франции с созданием на её юге коллаборационистского режима Виши наглядно показывает, как перестраивала под себя обширные пространства исторического Запада нацистская Германия.

К июлю 1940 г. сообщество европейских государств сузилось до Великобритании и движения “Свободная Франция” Ш. де Голля, изначально обладавшего лишь минимальной частью потенциала Третьей республики. Британские острова при направляющей роли премьер-министра У. Черчилля готовились к обороне (примером служит воздушное сражение за Англию в июле — сентябре 1940 г.), однако едва ли были способны отразить натиск главных сил вермахта. США, вопреки ожиданиям У. Черчилля, не спешили вступать в войну для защиты Соединённого королевства, хотя его разгром открыл бы для нацистской Германии и милитаристской Японии широкие возможности агрессии против Соединённых Штатов. США не смогли бы опереться на должную поддержку ряда стран в Латинской Америке, которые симпатизировали Германии. Сложно было бы сотрудничать и с заморскими частями Британской колониальной империи, если бы она была дезорганизована в случае разгрома метрополии. Даже с учётом потенциала США (и соседней Канады) их борьба в одиночку с блоком агрессоров оказалась бы крайне сложной. Следует иметь в виду, что внутри Соединённых Штатов действовала сильная “пятая колонна” (прежде всего из представителей бизнес-кругов и граждан США немецкого происхождения), ориентированная на сотрудничество с гитлеровским режимом [13]. Однако этот трагический для западных демократий и мира в целом сценарий остался сослагательным наклонением прежде всего потому, что Третий рейх сосредоточился на борьбе с СССР.

Оттягивая на себя основную массу войск нацистской Германии, а также большинства её европей-

ских сателлитов, Советский Союз обеспечил весьма благоприятные условия для выживания западных стран, более того, их усиления. Следует подчеркнуть, что запоздалая военно-техническая помощь СССР со стороны Великобритании и США (ленд-лиз) фактически была их практическим вкладом в собственную оборону и безопасность. Советский Союз поддерживал англосаксонские державы самым действенным путём — использованием огромных контингентов Красной Армии для борьбы с общим врагом, в то время как западные союзники ограничивались лишь поставками вооружений и военной техники, оттягивая открытие Второго фронта. В целом эти поставки не превысили 5% от объёма военной продукции, произведённой СССР за годы войны [7].

С началом Великой Отечественной войны практически исчезла угроза вторжения вермахта на Британские острова. Отчётливое понимание этого У. Черчилль продемонстрировал в своей речи 22 июня 1941 г., обозначив готовность создать антигитлеровскую коалицию с Советским Союзом. Концентрация сил люфтваффе на советско-германском фронте резко ограничила возможность ВВС Германии продолжать массированные бомбардировки Соединённого королевства, а для США проблема отражения авиаударов в силу удалённости от Европы вообще не существовала. Агрессор не смог подвергнуть оккупации территории англосаксонских держав, в отличие от Советского Союза. Третий рейх сумел временно захватить все западные республики СССР, часть областей РСФСР, самые населённые до войны, обладавшие значительным промышленным и сельскохозяйственным потенциалом. Проведя в сложнейших условиях масштабную эвакуацию части производств и людей на восток, к ноябрю 1942 г., то есть в конце первого периода Войны, Советский Союз мог опираться в основном на ресурсы азиатской части страны (Урал, Сибирь, Средняя Азия и Дальний Восток), части Поволжья, европейского севера и московского региона. Трагизм ситуации, когда ресурсный потенциал СССР сократился до предела, отразил приказ наркома обороны № 227 “Ни шагу назад” от 28 июля 1942 г. В то же время целостность экономических систем ни Великобритании, ни тем более США не была нарушена, что позволило им без колоссального перенапряжения перестроить экономику на военный лад.

Борьба с Третьим рейхом — это прежде всего масштабные наземные боевые действия, требовавшие огромных масс сухопутных войск с мощной авиационной поддержкой. Советский Союз, несмотря на потери, особенно утрату существенной части довоенного состава кадровой армии летом — осенью 1941 г., неизменно обеспечивал наличие таких сил.

В свою очередь, стремительный разгром вермахтом в мае — июне 1940 г. сухопутных войск Франции, которые считались на Западе самыми мощными, явился для англосаксонских держав стратегическим

шоком. Они оказались перед необходимостью резко укрупнить свои наземные силы, сравнять их по бое- способности с силами вермахта. Условия для этого обеспечили масштабные боевые действия на совет- ско-германском фронте.

Во-первых, у англосаксонских держав появилось необходимое время, чтобы добиться *внутренней отлаженности развёртываемых сухопутных соеди- нений*. Так, подготовка пехотной дивизии в США занимала обычно 10–12 месяцев [12, с. 279], стрел- ковой дивизии в Советском Союзе — до 3–4 месяцев в условиях острой необходимости в подкрепле- ниях для фронта в 1941–1942 гг. [14, с. 6–8]. Извест- ны случаи, когда специализированные части — ряд бригад морской пехоты под Ленинградом (сен- тябрь 1941 г.) [15, с. 128–134] и противотанковых артиллерийских полков под Москвой (октябрь 1941 г.) [16, с. 210–280] — были сформированы в течение 2–3 суток.

Во-вторых, к моменту открытия Второго фрон- та (6 июня 1944 г.) вермахт в целом и основные рода его сухопутных войск в особенности уже *существенно деградировали* по качеству личного состава, по срав- нению с 1939–1941 гг. Речь в данном случае идёт именно о профессиональном уровне военнослужа- щих, снижение которого не могли компенсировать поставки более совершенных в плане огневой, удар- ной мощи вооружений. Точку невозврата в критиче- ском снижении военно-людского потенциала пехота вермахта прошла уже к лету 1943 г. [7, с. 456–463; 17, с. 207–230]. Если в кампаниях 1939–1941 гг. против европейских держав и их партнёров Герма- ния понесла минимальные потери, то в масштаб- ных наступлениях против СССР в 1941 и 1942 гг. — огромные, невосполнимые в кадровом отношении. То же можно сказать о немецких танковых войсках в результате провала наступления на Курский вы- ступ (с 5 июля 1943 г.) и в целом проигрыша сра- жения на Курской дуге (завершилось 23 августа 1943 г.). И.С. Конев (в 1943 г. генерал-полковник), чьи войска сыграли решающую роль в победе у Про- хоровки 12 июля 1943 г., считал, что это сражение стало лебединой песней танковых войск Третьего рейха [9, с. 5–45]. Тогда же началось критическое ослабление люфтваффе. Что касается артилле- рии, развитию которой нацистский режим уделял

меньшее внимание, чем танковым силам и ВВС, то её кадровый потенциал снижался как минимум с 19 ноября 1942 г., когда части РККА перешли в контрнаступление под Сталинградом [7, 8, 10].

В-третьих, масштаб борьбы и потерь на совет- ско-германском фронте вынуждал гитлеровскую Германию держать здесь почти все *наиболее бое- способные соединения сухопутных войск*, особенно танковые и моторизированные. Именно поэтому в Северной Африке (февраль 1941 г. — май 1943 г.) и на итальянском театре военных действий (с июля 1943 г.) вермахт мог задействовать всего лишь не- сколько (обычно от 4.5 до 8) сильных дивизий, в то время как на советско-германском фронте их коли- чество приближалось к 200. Например, в первом на- ступлении на Москву (30 сентября — конец октября 1941 г.) участвовали 74 отборные дивизии вермах- та [16, с. 212], под Курском (5–12 июля 1943 г.) — 50 дивизий [7, с. 475]. Всё это резко облегчало по- ложение американо-британских сил.

В условиях открытия второго фронта во Фран- ции (6 июня 1944 г.) число соединений вермахта, которые сражались на Западном фронте, заметно увеличилось. Однако оно всё равно количественно было в 1.8–2.8 раза меньше, чем на советско-гер- манском театре военных действий (табл. 1). Ещё более значима качественная разница. На Западном фронте вполне боеспособной была лишь небольшая часть соединений Третьего рейха, большинство же составляли второ- и третьеразрядные соединения: прежде всего так называемые стационарные диви- зии, которые формировались из личного состава старших возрастов, часто с серьёзными заболева- ниями, и были оснащены устаревшей, в том числе трофейной, техникой, имели значительный неком- плект транспортных средств [18, с. 270–274]. Крас- ной Армии противостоял несоизмеримо более силь- ный вермахт. Резко укрупнив свои вооружённые силы, особенно наземные войска, в условиях, когда основные силы Германии были сосредоточены на востоке, англосаксонские державы имели на втором фронте значительное преимущество над немецки- ми войсками. Например, при высадке в Нормандии превосходство по общему числу боевых самолётов составляло более 60 раз [12, с. 92], то есть было по- давляющим.

Таблица 1. Распределение дивизий* сухопутных войск нацистской Германии и её европейских союзников по действующим фронтам

Фронт	22 июня 1941 г.	Апрель 1942 г.	Ноябрь 1942 г.	Апрель 1943 г.	Январь 1944 г.	Июнь 1944 г.	Январь 1945 г.
Советско- германский	190	219	266	233	245	239.5	195.5
Другие фронты	9	11	12.5	14.5	21	85	107

* Распределение дано в расчётных дивизиях. Две бригады приравнены к одной дивизии.

Источник: [4, с. 217].

На Западном фронте вермахт сумел собрать достаточно мощные силы лишь однажды, для операции в Арденнах (декабрь 1944 г.). От танковых войск в ней были задействованы 7 дивизий и бригада, которые располагали менее чем 600 танками [18, с. 336–358]. Для сопоставления: на советско-германском фронте в сражении под Курском (июль 1943 г.) вермахт использовал 14 танковых дивизий, располагавших 2,7 тыс. танков [7, с. 475], а в последнем наступлении на оз. Балатон (март 1945 г.) против Красной Армии выступили 11 танковых дивизий с 900 танками [7; 14, с. 160–162]. Причём если советские войска самостоятельно успешно разбивали более сильные ударные группировки Третьего рейха, то союзники в условиях его наступления в Арденнах запросили помощи у СССР. Верный союзническому долгу, Советский Союз перенёс начало Висло-Одерской операции с 20 января на 12 января 1945 г., хотя это создавало для РККА серьёзные трудности. Так, 1-й Украинский фронт заметно сократил подготовку пополнения [9, с. 337], а на 2-м Белорусском — пополнение прибыло накануне наступления [10, с. 302]; погода 12 января и сразу после него не позволяла задействовать мощную советскую авиацию, в то время как к 20 января она могла использоваться полноценно. Начало масштабной Висло-Одерской операции (продвижение в ходе неё составило до 500 км) в сочетании с ударами РККА в Восточной Пруссии и Венгрии привело к свёртыванию вермахтом наступления в Арденнах и отходу здесь гитлеровских войск.

В этой ситуации правящие круги Третьего рейха стали искать возможность заключить сепаратный (без СССР) мир с западными державами (переговоры К. Вольфа — А. Даллеса в Швейцарии в марте 1945 г.), то есть предпринимались попытки сблизить два полюса исторического Запада. Однако эти контакты были прекращены во многом потому, что Советский Союз по официальным дипломатическим каналам заявил категорический протест в связи с попытками западных союзников вести сепаратные переговоры [12, с. 136–137]. Как показали план операции “Немыслимое” (разработан по инициативе У. Черчилля) и стремительное начало холодной войны (с 1946 г.), у элит англосаксонских держав была готовность использовать германский военный потенциал уже для противодействия СССР, но не до разгрома нацистского режима, а лишь после него, что открывало возможность включить как минимум часть немецких земель в сообщество западных демократий.

Следует подчеркнуть, что каждое продвижение своих войск в Европе англо-американцы использовали для расширения своего сообщества: в его состав вернулись Франция и страны Бенилюкс; происходило сближение с Италией (после падения фашистской диктатуры), а также с Данией и Норвегией. В две последние североευропейские страны до капитуляции Третьего рейха американско-британские

войска даже не вступили, но умело использовали ситуацию для расширения своего политического лагеря.

* * *

Достаточно быстрое, сопровождавшееся относительно небольшими потерями наступление в Европе американцы и британцы представляли как свою способность эффективно обеспечивать оборону и безопасность партнёров. Однако в действительности эти успехи были возможны только благодаря масштабу использования войск и потере вермахта на советско-германском фронте. Понимание этого важнейшего факта лидеры англосаксонских держав — прежде всего президент США Ф.Д. Рузвельт, но также премьер-министр Великобритании У. Черчилль — в должной мере продемонстрировали на Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.). В ходе неё советская делегация во главе с И.В. Сталиным достигла исключительных успехов, отстаивая объективные национальные интересы СССР, заложив основы справедливого миропорядка. Это отразилось в целях создаваемой Организации Объединённых Наций, составе её Совета Безопасности с правом вето у каждого из постоянных членов, что было особенно важно для СССР, имея в виду возможность отстаивать свои интересы в противостоянии с западными державами.

На Ялтинской конференции Советский Союз умело политико-дипломатически оформил свои громадные военные успехи по освобождению не только собственных территорий, но и стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Этот процесс начался 26 марта 1944 г., на 1009-й день войны, когда РККА впервые на одном из участков вышла к довоенной государственной границе СССР, перенесла борьбу за его пределы [9, с. 188–190]. Символично, что большинство присвоений звания маршала Советского Союза командующим фронтами происходило на фоне перехода их войсками государственной границы. В 1944–1945 гг. РККА освободила от власти гитлеровского режима территории 11 стран Восточной, Юго-Восточной, Северной, Центральной Европы, на которых до Второй мировой войны проживало 113 млн человек. В этой миссии приняли участие 7 млн военнослужащих Красной Армии [19], из которых около 1,2 млн человек погибли (табл. 2).

В то же время западные страны продемонстрировали неэффективность своих действий в Восточной Европе. Иллюстрацией служит провал Варшавского восстания (1 августа — 2 октября 1944 г.), которое организовала ориентированная на официальный Лондон и эмигрантское польское правительство Армия Крайова, всячески избегавшая контактов с РККА [10, с. 280–289]. В итоге Варшаву освободила 17 января 1945 г. именно Красная Армия и дружественная ей Армия Людова. Советский Союз, восстановление народного хозяйства которого требовало

Таблица 2. Безвозвратные потери Красной Армии при освобождении ряда стран Восточной, Центральной и Северной Европы, тыс. человек

Страна	Потери РККА при освобождении / занятии территории (убитых военнослужащих)
Австрия	свыше 26
Венгрия	свыше 140
Германия	102
Польша	600
Норвегия	около 3
Румыния	69
Чехословакия	140
Югославия	6.5

Источник: [19; 20, с. 111, 156, 226, 370, 412, 446].

огромного перенапряжения сил, несмотря на это, оказал большую помощь освобождённым странам, помогал в восстановлении их экономики, в создании регулярных вооружённых сил [12, с. 276–279].

Уже весной 1945 г., когда приближался крах Третьего рейха, истеблишмент западных стран предпринял первые попытки принизить геостратегическую роль Советского Союза. У. Черчилль был обеспокоен, как бы Красная Армия не овладела крупнейшими городами Центральной Европы, что стало бы неоспоримым символом её решающего вклада в борьбу с германским нацизмом. 5–13 апреля войска 2-го и 3-го Украинских фронтов заняли Вену, перед тем разгромили сильную группировку вермахта в Западной Венгрии. 6–9 апреля 1945 г. силы 3-го Белорусского фронта овладели сильно укреплённым Кёнигсбергом – центром Восточной Пруссии, гнездом прусского милитаризма.

В ходе Масс-Рейнской операции (8 февраля – 24 марта 1945 г.) силы западных союзников встретили минимальное сопротивление, что позволило им оказаться в центральной части Германии. Советские войска, выйдя ещё в начале февраля 1945 г. на среднее течение р. Одер, были вынуждены до начала апреля ликвидировать угрозу масштабных фланговых ударов: в Восточной Померании силами 1-го и 2-го Белорусских фронтов [7, с. 608–613; 10, с. 321–344], в Верхней Силезии – 1-го Украинского [9, с. 387–397]. Подготовка Берлинской операции проходила в весьма сжатые сроки, в то время как немецкая оборона была очень мощной, особенно в районе Зееловских высот в полосе продвижения 1-го Белорусского фронта. Начав наступление 16 апреля 1945 г., войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов уже к 21 апреля вышли на внешний обвод Берлина, разбив и окружив восточнее крупные силы вермахта; 25 апреля они опоясали весь город, соединились с войсками США на р. Эльбе [7, с. 620–656]. Гитлер снял с Западного

фронта недавно сформированную 12-ю армию, надеясь с её помощью разблокировать столицу Третьего рейха. Но благодаря 1-му Украинскому фронту план провалился [9, с. 457–472]. 2 мая 1945 г. Красная Армия полностью овладела главным центром нацистской Германии, огромный гарнизон капитулировал.

Единовременная численность гитлеровских войск на Западном фронте не превышала 1 млн военных. Красная Армия разгромила не менее чем одномиллионную группировку только в Берлинской операции [7, с. 623], а затем почти такую же в Пражской операции (6–11 мая 1945 г.) [9, с. 503–505], которая стала завершающей в Великой Отечественной войне. Как результат, все важнейшие города в Центральной Европе заняла именно Красная Армия, несмотря на огромную разницу в сопротивлении – мощном в отношении советских войск и весьма слабым – в отношении западных союзников.

Попыткой принизить решающий вклад СССР в победу над фашизмом стало принятие капитуляции у представителей вермахта 7 мая 1945 г. в Реймсе, ставке командующего американско-британскими силами. Однако СССР справедливо считал этот документ предварительным. Подписание Акта о безоговорочной капитуляции состоялось в Карлсхорсте (вблизи Берлина), на территории, занятой РККА, с участием Советского Союза (делегацию возглавлял маршал Г.К. Жуков), США, Великобритании и Франции.

Советско-германский фронт, крупнейший по масштабу, ожесточённости и значению, действовал 1 418 суток, в течение 1 320 из них происходили масштабные операции, а результатом стал разгром 507 дивизий вермахта и 100 дивизий сателлитов нацистской Германии. Второй фронт просуществовал всего 338 суток, в том числе 293 дня активных боестолкновений. Всего западные союзники сокрушили 176 дивизий, большинство из которых

составляли недостаточно боеспособные соединения Германии и Италии [21]. Таким образом, первый, советско-германский, фронт просуществовал в 4 раза дольше второго, а разница в общем числе разгромленных соединений противника составляла 3.5 раза, а в качественном отношении — ещё больше.

* * *

Свой несоизмеримо меньший, чем Советского Союза, вклад в борьбу с нацистской Германией англосаксонские державы объясняли сосредоточением сил на борьбе с Германией и Италией в Африке, а в особенности — противодействием милитаристской Японии. Однако потенциал Японии был значительно слабее, чем Третьего рейха [12, с. 284–291]. Но даже на Тихоокеанском театре военных действий западные державы остро нуждались в помощи СССР, чтобы достичь окончательной победы. Во многом именно это предопределило готовность делегаций США (уже при Трумэне, подход которого к Советскому Союзу в корне отличался от подхода Рузвельта) и Великобритании учитывать интересы СССР в ходе Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.). Эта встреча, как и Ялтинская, проходила на освобождённых именно Красной Армией территориях. Англосаксонские державы ещё весной — летом 1945 г. считали, что война на Дальнем Востоке может затянуться до конца 1947 г. Ситуацию коренным образом изменил стремительный разгром Квантунской группы войск — самого крупного объединения сухопутных войск Японии — в ходе Маньчжурской операции (9 августа — 2 сентября 1945 г.), которая стала серьёзным вкладом Советского Союза в капитуляцию Японии 2 сентября 1945 г. [8, с. 552–587].

Масштаб сосредоточения и потеря вермахта на советско-германском фронте предопределил невозможность для Третьего рейха развернуть агрессию в Азии и резко ограничил её размах в Африке. Народы Африки, Ближнего и Среднего Востока, а также Латинской Америки, то есть будущего Глобального Юга, избежали сколько-нибудь значительных человеческих потерь и разрушений хозяйства в ходе Второй мировой войны. Народы Китая и стран Юго-Восточной Азии, то есть будущего Глобального Востока, не могли самостоятельно справиться с масштабной японской агрессией и жестокой оккупацией. Несмотря на концентрацию крупных сил на Тихоокеанском ТВД, США и Великобритания весной и летом 1945 г. были далеки от полномасштабного освобождения оккупированных японцами территорий Китая. Положение боровшихся с милитаристской Японией народов Азии было бы ещё более тяжёлым, если бы она смогла в полной мере объединить усилия с нацистской Германией. Этому воспрепятствовало прежде всего поражение вермахта на Восточном фронте, благодаря которому официальный Токио не решился развернуть полномасштабную агрессию против СССР. Предупреждая такой сценарий, Советский Союз был вынуж-

ден держать вблизи своих дальневосточных границ крупную военную группировку в условиях острой потребности в войсках для борьбы на западных рубежах. Практически каждое перебрасываемое советское соединение заменялось вновь сформированным, причём роль сибирских и дальневосточных дивизий и бригад сложно переоценить, особенно в сражениях под Москвой и Сталинградом [8].

Влияние Великой Отечественной войны на боевые действия, а значит, и будущее Африки проявилось как минимум трижды.

Во-первых, в ноябре 1941 г., когда итальяно-германские войска были вынуждены прекратить осаду Тобрука и тем самым отказаться от прорыва в Египет. Резервы, которые могли бы сыграть решающую роль (прежде всего две танковые дивизии, размещённые на Балканах в готовности к переброске в Африку), были переброшены для участия в сражении под Москвой [16, с. 213].

Во-вторых, в августе–ноябре 1942 г., когда силы Э. Роммеля в составе 4.5 германских и 8 итальянских дивизий не получили необходимого подкрепления, чтобы прорваться к нижнему течению Нила. Резервы вермахта были направлены прежде всего под Сталинград. Это позволило британским войскам выиграть сражение под Эль-Аламейном [18, 140–152] и развить успех благодаря операции “Уран” РККА, в ходе которой оказались полностью разгромлены 32 дивизии Германии и её сателлитов [12, с. 79].

В-третьих, с февраля 1943 г., когда не получившая необходимых подкреплений итальяно-германская группировка в Тунисе была окружена и в итоге капитулировала 12–13 мая 1943 г. перед войсками Великобритании и её доминионов, а также США. Последние рассматривали это как свой исключительный успех. Но основную причину следует усматривать в сосредоточении ресурсов Германии на череде наступлений на территории СССР — от орловского выступления до Донбасса, особенно в подготовке Рейха к борьбе за Курский выступ [17, с. 155–174, 207–230].

Следствием указанных обстоятельств стало окончание боевых действий в ходе Второй мировой войны в Африке ровно на два года раньше, чем в Европе (12–13 мая 1943 г.). Для самосознания народов континента, который почти целиком находился в колониальной зависимости от европейских держав, это имело огромное значение. А ведь начиналось всё с успехов итальяно-германских войск над британскими (до битвы под Эль-Аламейном 1942 г.), с поражения Франции как метрополии в 1940 г. В ходе Второй мировой войны представители африканских народов были массово мобилизованы в британские части. Некоторые из них в последующем влились в антиколониальную борьбу на континенте. Например, в Египте армия по настоянию официального Лондона была увеличена с 11.5 тыс. до 60 тыс. человек, в офицерский корпус вошли многочисленные представители средних

слоёв [21, с. 11]. Именно они создали организацию “Свободные офицеры”, которая в 1952 г. пришла к власти, сбросив зависимость от Великобритании.

Военные из африканцев, особенно надевшие форму во Вторую мировую войну, составляли основу национально-освободительных сил во многих странах Сахеля, Тропической Африки. Для накопления критической массы военных в обществе весьма важным оказалось отсутствие крупных потерь местных уроженцев в ходе борьбы с нацистской Германией и фашистской Италией (потери составили всего 10 тыс. человек [12, с. 213]. Именно Советский Союз, который лишился 26.6 млн своих граждан, обеспечил условия для ограниченных боевых действий в Африке, которые охватили менее 5% территории континента. А ведь потенциальный удар даже 2–3 танковых и моторизованных дивизий вермахта с последующей оккупацией мог обрушить основы народного хозяйства в Сахаро-Сахельском регионе или зоне Африканского рога, резко усугубить проблемы голода и болезней в этих регионах. Можно с уверенностью утверждать, что Великая Отечественная война оказала большое влияние на последующую деколонизацию в Африке. Сам факт победы незападной державы над нацистской Германией, представительницей исторического Запада, на фоне нерезультативной борьбы с ней Великобританией и особенно Францией и Бельгией, то есть метрополий, имел огромное политическое значение.

Нельзя не напомнить, что Третий рейх вёл подготовку стратегических позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Однако Советский Союз совместно с Великобританией не позволил этим планам осуществиться — в Афганистане почти исключительно политико-дипломатическими способами, в Иране — вводом (август 1941 г.) и небоевым присутствием войск. Успешные контрнаступление советских войск под Сталинградом и оборона Кавказа предупредили весьма вероятное вовлечение Турции в войну на стороне Германии, предотвратив тем самым широкое распространение боевых действий на Ближний Восток [12].

Таким образом, успехи Красной Армии в ходе войны оказали заметное влияние на разгром агрессоров даже на тех театрах военных действий, где западные державы рассматривали себя как единственных участников и победителей, то есть в Северной Африке и на Тихом океане. На этих направлениях борьба на советско-германском фронте резко облегчала положение США и Великобритании, снижая их потери и в целом тяготы, связанные с ведением боевых действий.

* * *

Об огромной разнице в объёме и тяжести нагрузок в ходе Второй мировой войны свидетельствуют несоизмеримые потери Советского Союза и его западных союзников. Красная Армия в Ве-

ликую Отечественную войну безвозвратно лишилась 8 млн 668 тыс. военнослужащих. Ещё более страшными оказались потери мирного населения в результате нацистской агрессии и жесточайшей оккупации — почти 17.9 млн человек [22]. США безвозвратно утратили 405 тыс., Великобритания — 375 тыс., Канада и Австралия — 45 тыс. и менее 30 тыс. человек соответственно [22]. Суммарные потери перечисленных англо-саксонских стран более чем в 30 раз меньше, чем СССР.

Капитуляция нацистской Германии, невозможная без участия СССР, означала ликвидацию одного из полюсов исторического Запада. Однако в считанные месяцы по окончании Второй мировой войны Советский Союз стал объектом для “сдерживания” и “отбрасывания”. Западные демократии стали использовать свой сохранённый экономический потенциал для давления на СССР, демонстрируя преимущества в торгово-хозяйственной сфере. При этом предпринимались последовательные усилия, чтобы принизить в сознании собственных граждан и всего мира решающую роль СССР в победе над Третьим рейхом.

В результате Второй мировой войны исторический Запад стал *коллективным Западом*, особенно после самороспуска СССР и социалистического содружества (1991). Прослеживается настоятельное стремление государств-членов НАТО и ЕС добиться того, чтобы понятия “коллективный Запад” и “Глобальный Север” стали тождественными. Об этом свидетельствуют решение в интересах ФРГ и США “германского вопроса” (1990 г., ликвидация ГДР), расширение в 1990-е — 2000-е годы Североатлантического альянса и Европейского союза на входившие до 1991 г. в Организацию Варшавского Договора страны Восточной Европы, а затем и Балтии. В конце 2000-х — середине 2010-х годов отчётливо проявилось стремление западных демократий постепенно снижать роль России на постсоветском пространстве — в стратегически важном для неё регионе. Последовательно формируется образ России как врага и агрессора. Важнейшей составляющей этой стратегии стало попустительское распространению неонацизма на Украине после силовой смены власти в стране в феврале 2014 г. [1].

Победа в Великой Отечественной войне оказала огромное прямое и опосредованное влияние на все без исключения регионы мира, особенно заметное — на судьбы народов Европы и Северной Америки. Широкая потенциальная география агрессии Третьего рейха оказалась резко ограничена благодаря исключительным по напряжению усилиям советского народа. Понесённые потери, страшные по своим масштабам и долгосрочным негативным последствиям, Советский Союз сохранил миллионы жизней в Европе и Северной Америке, а также Азии и Африке. Возникший по результатам Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамский миропорядок

характеризовался очень высоким порогом применения силы и широкими возможностями для отстаивания интересов незападных игроков.

Ключевое значение здесь имел колоссальный рост стратегической мощи самого Советского Союза в ходе Великой Отечественной войны. В первом её периоде (22 июня 1941 г. — 18 ноября 1942 г.) срывом блицкрига СССР продемонстрировал дееспособность в борьбе с нацизмом. В ходе второго периода (19 ноября 1942 г. — конец 1943 г.) Советский Союз достиг коренного перелома в результате контрнаступления под Сталинградом, победы в Курской битве и форсирования Днепра, утвердившись в роли *региональной державы*. В третий, завершающий период войны роль СССР только возрастала. В результате десяти «сталинских ударов» в 1944 г. в основном было завершено освобождение временно оккупированных территорий Советского Союза и начато освобождение Восточной, Юго-Восточной и Северной Европы, что ознаменовало превращение СССР в *мировую державу*. Окончательный разгром нацистской Германии зимой—весной 1945 г. утвердил Советский Союз в роли сверхдержавы. Результаты Ялтинской (4—11 февраля 1945 г.) и Потсдамской (17 июля — 2 августа 1945 г.) конференций зафиксировали признание этого факта ключевыми западными государствами. Решающая роль нашего Отечества в дерадикализации мира в 1941—1945 гг. обусловила его положение как *незападного полюса* Глобального Севера, гаранта мира и процветания международной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации. 28.12.2024. <http://kremlin.ru/acts/news/76020>
Strategy for countering extremism in the Russian Federation. 28.12.2024. (In Russ.)
2. Владимир Путин посетил авиабазу Хмеймим в Сирии. 11.12.2017. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56351>
Vladimir Putin has visited the Khmeimim airbase in Syria. 11.12.2017. (In Russ.)
3. История военной стратегии России. М.: Кучково поле, 2000.
The history of Russia's military strategy. Moscow: Kuchkovo Pole, 2000. (In Russ.)
4. История Второй мировой войны. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки Второй мировой войны. М.: Институт военной истории Министерства обороны СССР, 1982.
History of the Second World War. In 12 vol. Vol. 12. Results and lessons of the Second World War. Moscow: Institute of Military History of the USSR Ministry of Defense, 1982. (In Russ.)
5. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки. М.: Кучково поле, 2014.
The Great Patriotic war. In 12 vols. Vol. 12. The results and the lessons. Moscow: Kuchkovo pole, 2014. (In Russ.)
6. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. Книга 3. Освобождение. М.: Наука, 1999.
The Great Patriotic War 1941—1945. Military-historical essays. Book 3. Liberation. Moscow: Nauka, 1999. (In Russ.)
7. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1969.
Zhukov G.K. Memories and reflections. Moscow: APN Publishing, 1969. (In Russ.)
8. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1976.
Vasilevsky A.M. Life's work. Moscow: Politizdat, 1976. (In Russ.)
9. Конеv И.С. Записки командующего фронтом. Харьков: Коммунист, 1981.
Konev I.S. Notes of the front commander. Har'kov: Communist, 1981. (In Russ.)
10. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1972.
Rokossovsky K.K. Soldier's duty. Moscow: Voenizdat, 1972. (In Russ.)
11. Русский архив. Великая Отечественная. <https://docs.historyrus.sia.org/ru/nodes/134706-russkiy-arhiv-velikaya-otechestvennaya>
Russian Archive. The Great Patriotic War. (In Russ.)
12. Вторая мировая война. Итоги и уроки. М.: Воениздат, 1985.
Second World War. The results and the lessons. Moscow: Voenizdat, 1985. (In Russ.)
13. Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. М.: Изд-во АПН, 1987.
Bezymensky L.A. Secret Front versus the Second Front. Moscow: APN Publishing, 1987. (In Russ.)
14. От волжских степей до австрийских Альп. Боевой путь 4-й гвардейской армии. М.: Воениздат, 1971.
From the Volga steppes to the Austrian Alps. The combat path of the 4th Guards Army. Moscow: Voenizdat, 1971. (In Russ.)
15. Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. М.: Вече, 2015.
Tributs V.Ph. Baltic sailors are fighting. Moscow: Veche, 2015. (In Russ.)
16. Исаев А.К. «Котлы» 41-го. М.: Яуза, Эксмо, 2006.
Isaev A.K. "Encirclements" of 1941. Moscow: Yauza, Eksmo, 2006. (In Russ.)
17. Штеменко С.М. Генеральный Штаб в годы Войны. Кн. 1. М.: Воениздат, 1975.

- Shtemenko S.M.* General Staff during the War. Book 1. Moscow: Voenizdat, 1975. (In Russ.)
18. Роковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. Смоленск: Русич, 2001.
Fatal decisions of the Wehrmacht. Memories of German commanders. Smolensk: Rusich, 2001. (In Russ.)
19. Освободительная миссия Красной Армии в Великой Отечественной войне. 2015. https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12279787@cmsArticle
The Liberation Mission of the Red Army in the Great Patriotic War. 2015. (In Russ.)
20. *Штеменко С.М.* Генеральный Штаб в годы Войны. Кн. 2. М.: Воениздат, 1977.
- Shtemenko S.M.* General Staff during the War. Book 2. Moscow: Voenizdat, 1977. (In Russ.)
21. *Примаков Е.М.* Ближний Восток. На сцене и за кулисами (вторая половина XX века — начало XXI века). М.: Российская газета, 2006.
Primakov E.M. The Middle East. On stage and behind the scenes (second half of the 20th century — beginning of the 21st century). Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 2006. (In Russ.)
22. Вторая мировая война: истоки и итоги (к 75-летию начала Второй мировой войны). 2015. https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11982000@cmsArticle
The Second World War: Origins and Results (on the 75th Anniversary of the Beginning of the Second World War). 2015. (In Russ.)

THE SIGNIFICANCE OF VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR FOR THE PEOPLE OF EUROPE AND NORTH AMERICA

Ph.O. Trunov^{a,*}

^a*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia*

^{*}*E-mail: ltrunov@mail.ru*

Russia persistently fights for the creation of a more just world, seeking to discredit ultra-radical forces (international terrorism, Nazism/neo-Nazism). This is a natural continuation of the strategy of the Soviet Union, which made a decisive contribution to the capitulation of the Third Reich, the most powerful aggressor in history, thereby ensuring the formation of the Yalta-Potsdam world order. The article attempts to comprehend the significance of the Great Patriotic War for the peoples of Europe and North America. Practical examples show that it was the scale of the forces involved on the Soviet-German front and the losses of the Wehrmacht in this direction that allowed the Anglo-Saxon powers to maintain and then strengthen their positions. The confrontation during the Great Patriotic War severely limited the scope and duration of military actions in North Africa (ended in May 1943, two years earlier than in Europe), did not allow them to spread to the Near and Middle East, or to unite the efforts of Nazi Germany and militarist Japan. The artificial underestimation by liberal democracies of the decisive role of the USSR in the defeat of the Third Reich is traced after the West became “collective”. With the Great Victory, the Fatherland secured for itself the role of a non-Western pole of attraction within the Global North.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, Western democracies, Europe, Global North, fair world order.

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВЁРТЫВАНИЯ ОРБИТАЛЬНОЙ ГРУППИРОВКИ СПУТНИКОВОЙ СИСТЕМЫ STARLINK

© 2025 г. И.А. Шеремет^{а*}, С.А. Матвеев^{**}

^аГеофизический центр РАН, Москва, Россия

^{*}E-mail: sheremet@rfbr.ru

^{**}E-mail: smatveyev@rambler.ru

Поступила в редакцию 19.03.2025 г.

После доработки 31.03.2025 г.

Принята к публикации 02.04.2025 г.

Представлены обобщённые статистические данные о запусках и выводе из эксплуатации космических аппаратов (КА) спутниковой системы Starlink и оценки реального срока их активного существования. Приведены результаты расчётов достижимого состава орбитальной группировки с учётом и без учёта досрочного вывода КА из эксплуатации. Рассмотрены возможности дальнейшего наращивания орбитальной группировки Starlink.

Ключевые слова: Starlink, спутниковая система, космический аппарат, орбитальная группировка, срок активного существования.

DOI: 10.31857/S0869587325050039, **EDN:** EKNHXA

С развитием технологий глобальной связи и мониторинга Земли низкоорбитальные многоспутниковые группировки [1–4] будут играть всё более важную роль в решении военных и социально-экономических задач. В настоящее время известен целый ряд проектов (Starlink¹, Starshield, OneWeb, Kuiper, Qianfan, Lynk Global, Hawkeye, “Сфера”, “Рассвет”) [5–7], которые находятся в разной степени готовности – от отработки базовых технологий до развёртывания и эксплуатации орбитальной группировки и объектов наземной инфраструктуры.

Так называемая “теорема существования” таких систем доказана компанией SpaceX в рамках развёртывания и эксплуатации спутниковой системы (СПС) высокоскоростного доступа в Интернет Starlink в составе орбитальной группировки (ОГ) на базе малых космических аппаратов, центра управления сетью, шлюзовых станций, абонентских терминалов, а также центра управления миссией для управления КА и оценки их работоспособности [8–10].

Прогноз функционирования многоспутниковых группировок из тысяч и десятков тысяч космических аппаратов (КА) на низких орбитах представляет собой нетривиальную задачу. С одной стороны, необходимо иметь в виду физическое старение КА, темпы которого определяются сроком их активного существования (САС). С другой – моральное старение космических систем может происходить ещё быстрее, причём неочевидно, что поддержание ком-

ШЕРЕМЕТ Игорь Анатольевич – академик РАН, главный научный сотрудник ГЦ РАН. МАТВЕЕВ Сергей Алексеевич – независимый эксперт.

¹ Starlink (от англ. *star* – звезда и *link* – соединение, связь) – планетарная система искусственных спутников, разрабатываемая компанией SpaceX для обеспечения доступа к высокоскоростному широкополосному спутниковому Интернету в местах, где он был ненадёжным, дорогим или полностью недоступным (в перспективе выход в сеть будет возможен из любой точки на поверхности земного шара).

мерческой привлекательности многоспутниковых группировок в течение десятков лет удастся обеспечить путём эволюционной модернизации без замены всей системы на что-то принципиально новое. Кроме того, не исключены различного рода форс-мажорные обстоятельства, которые не позволят поддерживать функционирование спутниковых систем в течение длительного времени. В связи с этим для каждой из создаваемых многоспутниковых систем актуальна оценка достижимого количества одновременно работающих КА в орбитальной группировке с учётом динамики их запусков и вывода из эксплуатации.

Рассмотрим основные результаты подобного прогнозирования применительно к спутниковой системе Starlink. Все приводимые далее обобщённые данные о ней, представленные в виде таблиц, диаграмм и графиков, получены авторами на основе анализа открытых данных.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ОРБИТАЛЬНОЙ ГРУППИРОВКИ СПУТНИКОВОЙ СИСТЕМЫ STARLINK

Перечислим основные достоинства СпС Starlink:

- глобальное покрытие, возможность использовать систему в труднодоступных местах, в районах с неразвитой или разрушенной телекоммуникационной инфраструктурой;
- высокая скорость передачи информации;
- простота установки абонентских терминалов, для которой не требуется специальных знаний и привлечения специалистов SpaceX;
- разнообразие применений (для государственных структур, домашних пользователей, бизнеса, сельского хозяйства, транспорта и др.);
- высокая живучесть (выход из строя целых групп КА не приводит к разрушению системы в целом);
- возможность дальнейшего развертывания и поддержания состава орбитальной группировки за счёт уникальных технологий серийного производства, которые позволяют изготавливать сравнительно недорогие КА в короткие сроки;
- постоянное развитие услуг, предоставляемых пользователям благодаря совершенствованию абонентской аппаратуры, освоению новых диапазонов частот, совершенствованию приёмо-передающих трактов, внедрению новых технологий (например, технологии Direct-to-Cell (D2C), обеспечивающей прямую связь сотовых телефонов с КА), использованию аппаратуры межспутниковой лазерной связи;
- масштабируемость технологических решений и возможность создания на основе Starlink спутниковых систем различного назначения, ориентированных на рынок B2G (Business-to-Government) (пример — спутниковая система во-

енного назначения Starshield, активная фаза развертывания которой началась в 2024 г.).

Наиболее характерные отличия СпС Starlink от других аналогичных систем сводятся к следующему:

- на околоземную орбиту в период 2018–2024 гг. выведено огромное (7632) количество КА (для сравнения: в составе СпС OneWeb — 657 КА);
- достигнутый годовой уровень количества КА, выводимых на околоземную орбиту, составляет порядка 2 тыс. в год, что обеспечило в 2024 г. запуск более 85% всех выведенных в этом году КА США, что более чем в 4.5 раза превысило суммарное количество КА, выведенных Китаем, Россией, Великобританией, Францией и Японией вместе взятыми;
- развертывание орбитальной группировки происходит поэтапно с наращиванием количества КА различных модификаций от года к году; запуск КА ранних версий прекращён (v1.0 в 2021 г., v1.5 в 2023 г.), начиная с 2024 г. производится запуск только КА v2.0 mini и v2.0 mini D2C; запланирована дальнейшая модернизация КА Starlink, в том числе выпуск КА v2.0 mini с уменьшенной массой;
- версии КА v0, v0.9, v1.0, v1.5, v2.0 mini (v2.0 mini D2C) отличаются по тактико-техническим характеристикам, в том числе по массе;
- вывод на орбиту всех КА в 2018–2024 гг. производился с использованием серийной ракеты-носителя Falcon 9², которая позволяет выводить 50–57 КА ранних версий и 20–27 КА v2.0 mini за один запуск.

Остановимся на основных характеристиках орбитальной группировки Starlink в период 2018–2024 гг. (Информационные материалы, приведённые в статье, — это результат обработки данных [1] и их сопоставления с [5–9, 11–13].) Динамика запусков по годам с учётом версий КА представлена в таблице 1 и на рисунке 1.

В период 2018–2024 гг. часть космических аппаратов по разным причинам выведена из эксплуатации или не введена в эксплуатацию, а общее количество работающих КА составляет примерно 89% от совокупности запущенных (табл. 2, рис. 2).

Досрочный вывод из эксплуатации КА Starlink (так называемая “детская смертность”) регистрируется начиная с первого года и увеличивается после третьего года эксплуатации. Часть КА версии v1.0 функционирует за пределами срока активного существования, КА версий v1.5, v2.0 mini — менее 5 лет, причём статистические данные об их реальном САС отсутствуют. Зависимость реального срока вывода из эксплуатации КА от времени в днях показана на рисунке 3. На рисунке 4 представлены статистические оценки отношения количества функционирующих и запущенных КА с 2018 по 2024 г.

² Falcon 9 (от англ. “сокол”) — семейство ракет-носителей тяжёлого класса с многоразовой первой ступенью серии Falcon американской компании SpaceX.

Таблица 1. Динамика запуска Starlink различных версий космических аппаратов, 2018–2024 гг.

Версия	Запущенные КА						Всего	Запуски КА
	v0	v0.9	v1.0	v1.5	v2.0 mini	v2.0 mini D2C		
Год						0		
2018	2	0	0	0	0	0	2	1
2019	0	60	60	0	0	0	120	2
2020	0	0	833	0	0	0	833	14
2021	0	0	785	204	0	0	989	19
2022	0	0	0	1722	0	0	1722	34
2023	0	0	0	1048	936	0	1984	63
2024	0	0	0	0	1593	389	1982	90
Всего	2	60	1678	2974	2529	389	7632	223

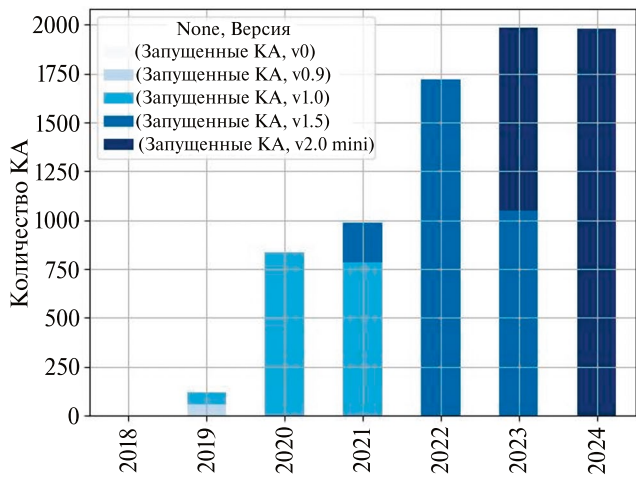

Рис. 1. Количество запущенных Starlink космических аппаратов, 2018–2024 гг.

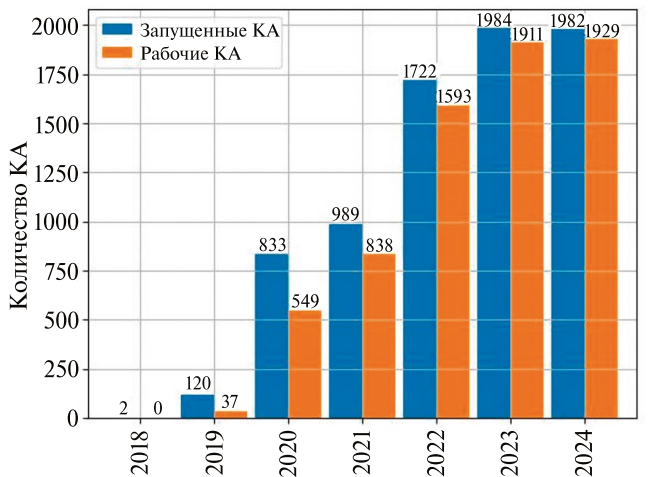

Рис. 2. Количество запущенных и работающих космических аппаратов, 2018–2024 гг.

Таблица 2. Соотношение запущенных Starlink и работающих космических аппаратов, 2018–2024 гг.

Год запуска	Запущенные КА	Рабочие КА
2018	2	0
2019	120	37
2020	833	549
2021	989	838
2022	1722	1593
2023	1984	1911
2024	1982	1929
Всего	7632	6857

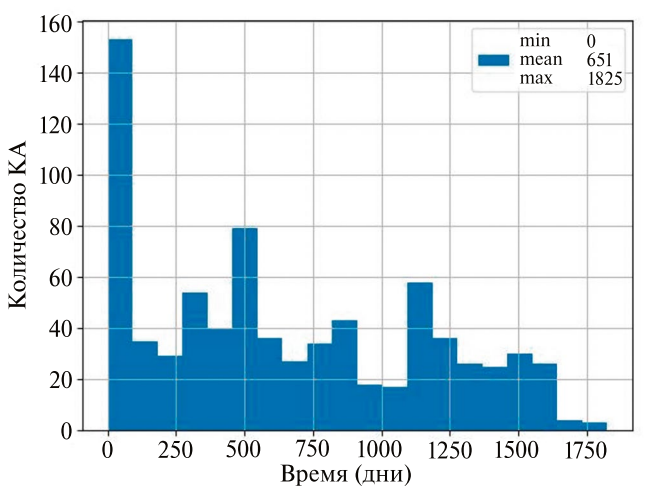

Рис. 3. Зависимость количества космических аппаратов Starlink, выведенных из эксплуатации, от времени

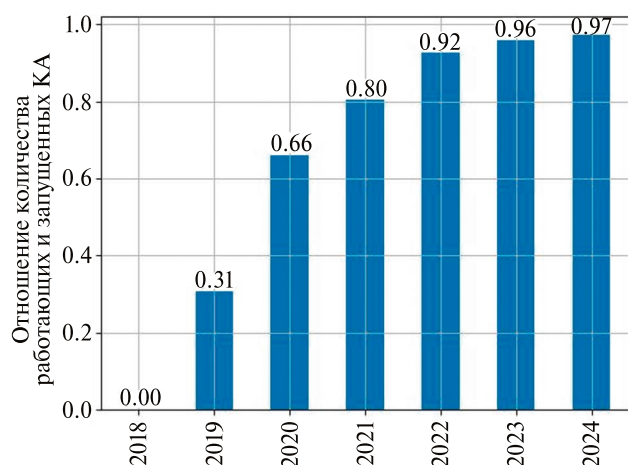

Рис. 4. Отношение количества функционирующих космических аппаратов Starlink к количеству выведенных на орбиту, 2018–2024 гг.

Хотя данные, представленные на рисунках 3 и 4, реально отражают результаты функционирования спутниковой системы Starlink, они носят оценочный характер, так как КА Starlink, несмотря на общие технологические решения, отличаются друг от друга, функционируют на разных (хотя и близких) орбитах, а часть аппаратов решает дополнительные задачи (межспутниковая лазерная связь, функции D2C и др.).

ОЦЕНКА МАКСИМАЛЬНО ДОСТИЖИМОГО КОЛИЧЕСТВА КОСМИЧЕСКИХ АППАРАТОВ В СОСТАВЕ ОРБИТАЛЬНОЙ ГРУППИРОВКИ

В работе [5] рассмотрена задача определения количества месяцев, необходимого для развертывания орбитальной группировки с заданным количеством КА с учётом среднего числа КА, запущенных и отказавших в течение месяца, а также времени от запуска группы КА до начала их штатной работы с учётом ограничений на срок активного существования аппаратов.

Оценка максимально достижимого количества КА в составе орбитальной группировки – по сути, двойственная задача по отношению к рассмотренной в [5] и может быть сформулирована следующим образом. Необходимо определить количество КА в ОГ после завершения развертывания с учётом интенсивности запуска КА и их вывода из эксплуатации при ограничениях на срок активного существования.

Количество КА в составе группировки в момент времени T может быть определено, как

$$N(T) = \int_0^T (\lambda(t) - \mu(t)) dt, \quad (1)$$

где $\lambda(t)$ – интенсивность производства КА и их запуска на орбиту, $\mu(t)$ – интенсивность их вывода из эксплуатации

Для расчёта числа КА в орбитальной группировке необходимо прежде всего иметь функции $\lambda(t)$ и $\mu(t)$ с учётом трудно формализуемых факторов, таких как возможности серийного производства разных типов КА, ограничения по выводу КА, отклонения от расчётного срока активного существования КА (аварии средств выведения, досрочный вывод из эксплуатации из-за технических неисправностей, необходимости частого маневрирования и влияния космической погоды, функционирование за пределами САС и др.).

Применительно к спутниковой системе Starlink выражение (1) может быть приведено к виду

$$N(T) = \sum_{0 \leq t_i \leq T} N_i(t_i) \omega(T, t_i, t_c + T_c), \quad (2)$$

где t_i – время запуска КА, $N_i(t_i)$ – количество КА, выведенных на орбиту за один запуск в момент времени t_i , T_c – срок активного существования КА; при этом $\omega(T, t_i, t_c + T_c) = 1$, если $t_i \leq T \leq t_c + T_c$, и $\omega(T, t_i, t_c + T_c) = 0$ в ином случае.

В предположении, что срок активного существования T_c является фиксированной величиной и все КА работоспособны в течение указанного срока, выражение (2) при выполнении условия $T > T_c$ позволяет определить оценку сверху количества КА в составе орбитальной группировки N_m . Фактически выражение (2) описывает систему массового обслуживания с бесконечным количеством обслуживающих элементов и временем обслуживания, равным T_c . В этом случае

$$N(T) \leq N_m = \lambda_m T_c, \quad (3)$$

где $\lambda_m = \sum_{T_2 \leq t_i \leq T} \hat{m}(N_i(t_i)) / (T_2 - T_1)$, $\hat{m}(N_i(t_i))$ – оценка математического ожидания количества КА, выводимых на орбиту за один запуск. Соответствующие зависимости N_m от λ_m и T_A приведены на рисунке 5.

Физический смысл выражения (3) состоит в том, что, если в год производится и выводится на орбиту m КА, а САС КА T_A равен n годам, то первые n лет происходит наращивание группировки до mn КА, а с года $n+1$ и далее производится только восполнение ОГ с учётом вывода из эксплуатации КА, запущенных n годами ранее. В соответствии с этим количество КА в орбитальной группировке не может превышать величину, равную количеству КА, запущенных за время, равное сроку активного существования. Основные характеристики расчётного потока запусков для КА Starlink v2.0 mini N_i (количество одновременно запускаемых КА) и $\tau_i = t_{i+1} - t_i$ (интервал времени между запусками) приведены в таблице 3.

Достигнутое к 2025 г. количество запусков составляет 90 в год при количестве N_i одновременно выводимых КА за один запуск 21–24 (табл. 3).

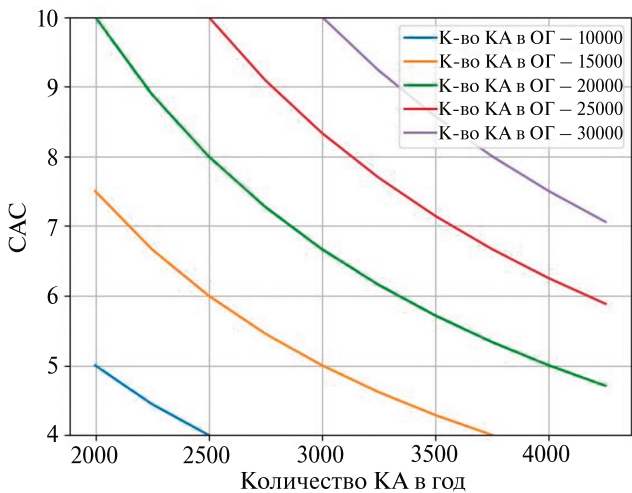

Рис. 5. Достижимое количество космических аппаратов в орбитальной группировке в зависимости от их срока активного существования и числа КА, запускаемых за год

В соответствии с этим количество потенциально выводимых на орбиту КА Starlink в год λ_m достигает примерно 2000.

Необходимость увеличения количества запусков, по сравнению с 2023 г., связана с переходом на КА v2.0 mini с большей массой, по сравнению с КА более ранних модификаций [5, 8, 9], с учётом того, что $\tau_i \ll T_c$, использование для оценивания λ_m в выражении (3) величин N_i и τ_i их математических ожиданий представляется обоснованным.

Заявленный срок активного существования КА Starlink составляет пять лет [5], в ряде источников — 5–7 лет. Этот срок — результат расчётов, основанных на массе рабочего тела, необходимого для манёвров на орбите без учёта неудачных запусков, выхода из строя КА из-за неработоспособности целевой и служебной аппаратуры и функционирования КА за пределами расчётного срока. То есть реальный САС

T_c^* является случайной величиной, которая описывается некоторой неизвестной функцией плотности вероятности (ФПВ). Статистика вывода из эксплуатации КА в период 2018–2024 гг. позволяет получить непараметрическую оценку ФПВ (табл. 4) и оценку математического ожидания реального САС (в годах) $m(T_c^*) = 5.32$, что превышает расчётный срок активного существования, равный пяти годам.

По этой причине для оценки сверху N_m в выражении (3) может быть использована величина $T_A = 6$, а для получения оценки с учётом вывода из эксплуатации КА до окончания срока активного существования — величина $T_c = \hat{m}(T_c^*)$. Достигнутые в соответствии с этим к 2025 г. показатели функционирования спутниковых систем позволяют развернуть и поддерживать орбитальную группировку в составе до 12000 КА при САС КА 6 лет (оценка сверху) и около 10700, если темпы вывода на орбиту и уровень потерь КА сохранятся в последующие годы.

На рисунке 6 показана возможная динамика развёртывания орбитальной группировки Starlink, начиная с количества работающих КА в составе ОГ в декабре 2024 г. (см. табл. 2), без учёта и с учётом потерь КА до истечения срока. Как видим, расширение орбитальной группировки до 15000–20000 КА потребует увеличения количества запускаемых аппаратов до 3500 и более и/или увеличения САС до 7–10 лет.

Производственный потенциал компании SpaceX делает возможным запуск до 3500 КА в год, но использование ракеты-носителя Falcon 9 для КА Starlink v2.0 mini потребует более 150 запусков в год или использования ракеты-носителя другого класса. Частично данную проблему решает разработка более лёгкой версии спутника v2.0 mini, что позволит ракете Falcon 9 выводить на орбиту больше (предположительно до 27–29) спутников за один запуск. Однако для следующих поколений КА ситуация усложняется вследствие устойчивой тенденции к уве-

Таблица 3. Характеристики расчётного потока запусков космических аппаратов

№ пп	Характеристика	Математическое ожидание	Среднеквадратичное отклонение	Диапазон изменения
1	N_i (шт.)	22,02	1,75	21–24
2	$\tau_i = t_{i+1} - t_i$ (дни)	4,03	3,35	0–5 для 90% значений

Таблица 4. Срок активного существования космических аппаратов и функция плотности вероятности

Диапазон САС КА, лет	0–1	1–2	2–3	3–4	4–5	5–6
Оценка ФПВ	0.028	0.014	0.034	0.122	0.144	0.659

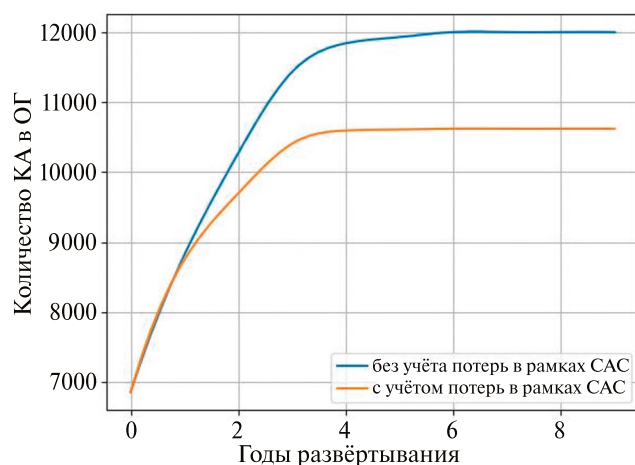

Рис. 6. Оценка динамики развертывания орбитальной группировки Starlink

личению их массы от версии к версии. Достижение срока активного существования КА в 7–10 лет для малых КА на низких орбитах требует обоснования, но статистических данных для оценки реального САС КА v2.0 mini в настоящее время недостаточно.

* * *

По состоянию на декабрь 2024 г. спутниковая система Starlink находилась в стадии развертывания. Уровень из примерно 12 тыс. КА версии v2.0 mini, одновременно функционирующих на орбите, может быть достигнут в короткие сроки даже при сроке активного существования КА, равном шести годам (реальный САС КА более поздних версий может быть увеличен). Нарращивание орбитальной группировки до 15–20 тыс. КА достижимо с учётом технологического потенциала компании SpaceX при условии увеличения интенсивности запуска КА и срока их активного существования.

Для других проектов необходимое условие создания подобных группировок — наличие технологий массового серийного производства КА и соответствующих ресурсов средств выведения. Исходя из этого появление на околоземной орбите других многоспутниковых систем аналогичной размерности (прежде всего СпС Китая и США) вполне реально.

Что касается активного вывода космических аппаратов Starlink на орбиты захоронения с последующим сгоранием в атмосфере, то этот процесс находится на начальной стадии, так как большая часть космических аппаратов функционирует менее расчётного срока.

Полученные оценки подтверждают необходимость комплексного анализа рисков создания многочисленных многоспутниковых систем на низких орбитах с учётом возрастающего количества работающих и выведенных из эксплуатации КА, присутствующих в околоземном пространстве. Кроме

того, необходимо оценить экологические риски, связанные со сгоранием большого количества КА в атмосфере. Только для СпС Starlink это несколько тысяч аппаратов массой 500–800 кг и более в год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урличич Ю.М. Старые и новые идеи в спутниковой связи // Первая миля. 2021. № 3. С. 14–21.
2. Бетанов В.В., Волков С.А., Данилин Н.С. и др. Проблемные вопросы создания многоспутниковых орбитальных группировок на базе малоразмерных космических аппаратов // Ракетно-космическое приборостроение и информационные системы. 2019. Т. 6. № 3. С. 57–65.
3. Балухто А.Н., Матвеев С.А., Хартон В.В. Основные принципы построения и организации функционирования интеллектуальных многоспутниковых систем на базе малых космических аппаратов // Космонавтика и ракетостроение. 2018. № 6 (105). С. 127–140.
4. Балухто А.Н., Матвеев С.А., Матюшин М.М., Твердохлебова Е.М. Технологии искусственного интеллекта в управлении многоспутниковыми группировками // Космонавтика и ракетостроение. 2020. № 3 (114). С. 64–73.
5. Урличич Ю.М. Анализ низкоорбитальных спутниковых систем широкополосного доступа на примере развития Starlink // Электросвязь. 2024. № 7. С. 14–18.
6. Jonathan's Space Pages. <https://planet4589.org/space/con/conlist.html> (дата обращения 30.01.2025).
7. Gunter's Space Page. https://space.skyrocket.de/doc_sat/usa_secr.htm (дата обращения 30.01.2025).
8. Пехтерев С.В., Макаренко С.И., Ковальский А.А. Описательная модель системы спутниковой связи Starlink // Системы управления, связи и безопасности. 2022. № 4. С. 191–256.
9. Урличич Ю.М. Легенды о Starlink // Первая миля. 2023. № 6. С. 64–71.
10. Пехтерев С.В. Энциклопедия StarLink // CommNews. 2020. <https://www.comnews.ru/projects/encyclopedia-starlink> (дата обращения 30.01.2025).
11. Макаренко С.И. Помехозащищённость наземных абонентских терминалов системы спутниковой связи Starlink // Системы управления, связи и безопасности. 2023. № 2. С. 81–100.
12. Starlink или OneWeb — какой из проектов лучше и перспективнее? // DNS клуб. <https://club.dns-shop.ru/blog/t-326-internet/69218-starlink-ili-oneweb-kakoi-iz-proektov-luchshe-i-perspektivnee> (дата обращения 30.01.2025).
13. Давайте разберёмся. Состояние спутниковой группировки Starlink. <https://habr.com/ru/articles/652467/> (дата обращения 30.01.2025).

ASSESSMENT OF THE PROSPECTS FOR DEPLOYING THE ORBITAL GROUP OF THE STARLINK SATELLITE SYSTEM

I.A. Sheremet^{a,*}, S.A. Matveyev^{a,**}

^a*Geophysical Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{*}*E-mail: sheremet@rfbr.ru*

^{**}*E-mail: smatveyev@rambler.ru*

The article presents generalized statistical data on the launches and decommissioning of spacecraft of the Starlink satellite system and estimates of their actual active life. The results of calculations of the achievable composition of the orbital grouping are given, taking into account and without taking into account the early decommissioning of spacecraft. The possibilities of further expansion of the Starlink orbital grouping are considered.

Keywords: Starlink, satellite system, spacecraft, orbital grouping, active life.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК В XXI ВЕКЕ: МЕЖДУНАРОДНАЯ СТАТИСТИКА И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

© 2025 г. А.А. Кравцов^{а,*}

^аНациональный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

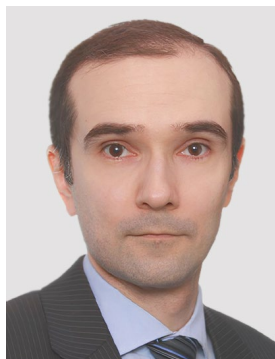
*E-mail: kravtsov@imemo.ru

Поступила в редакцию 05.03.2025 г.
После доработки 13.03.2025 г.
Принята к публикации 07.04.2025 г.

Цель исследования — на основании разносторонних статистических данных понять, имело ли место в первые два десятилетия XXI в. устойчивое усиление межстранового взаимодействия в сфере исследований и разработок (ИР), и выявить основных конкурентов стран-лидеров научно-технологического развития. С этой целью для стран-технологических лидеров и ряда развивающихся стран была проанализирована динамика иностранного финансирования ИР, патентования резидентов за рубежом и объемов международных платежей, связанных с использованием интеллектуальной собственности. Установлено, что в 2000–2020 гг. между рассмотренными странами наблюдался рост взаимосвязей в сфере ИР. Динамика платежей и поступлений от использования интеллектуальной собственности свидетельствует об ослаблении монополии мировых лидеров в сфере ИР вследствие постепенного распространения не только высокотехнологичных производств, но и ИР для них. Стагнация или спад зарубежного финансирования ИР, зафиксированные в большинстве рассмотренных стран, могут свидетельствовать не только о финансовых трудностях, но и о стремлении развивать передовые технологии внутри стран. Традиционных лидеров научно-технологического развития начинают теснить конкуренты из числа как развитых (Ирландия, Нидерланды), так и развивающихся стран (КНР). Причём если развитые страны конкурируют преимущественно в сфере производства и в отдельных высокотехнологичных отраслях, то Китай располагает потенциалом, который позволяет не только значимо присутствовать на многих отраслевых рынках, но и осуществлять собственные разработки.

Ключевые слова: технологическая глобализация, интернационализация исследований и разработок, расходы на исследования и разработки, патентование, сборы за использование интеллектуальной собственности.

DOI: 10.31857/S0869587325050046, EDN: EKIOLZ

КРАВЦОВ Александр Александрович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН.

Начало XXI в. отмечено стремительным распространением новых технологий, которое оказало мощное влияние на мировое экономическое развитие и международные экономические связи. Изменяются технологии производства товаров и оказания услуг, появляются новые продукты, происходит постепенная релокация производств и диверсификация внешнеторговых связей между странами, ранее нередко узконаправленных. Государства и коммерческие компании стремятся воспользоваться новыми возможностями, преодолеть отставание в применении новых технологий, которое чревато ослаблением конкурентоспособности на мировом рынке и снижением национальной безопасности.

Создаются новые международные производственные цепочки и целые производства в новых местах, изменяя динамику и характер международных экономических связей.

Наибольшее влияние на мировое экономическое развитие оказывают те страны, которые контролируют создание и распространение передовых технологий. Чтобы понять, насколько сильно может измениться мировая экономика, необходимо определить, возрастает ли взаимодействие стран в сфере новых технологий, расширяется ли круг игроков, причастных к их созданию.

История изучения технологической глобализации насчитывает несколько десятилетий. По мнению одних экономистов, глобализация способствует установлению на мировом рынке модели олигополистической конкуренции, которая ведёт к обострению конкурентной борьбы между её основными локомотивами — транснациональными корпорациями (ТНК), но одновременно и к их сотрудничеству в сфере науки и технологий, что снижает роль национальных институтов и политик в области исследований и разработок (ИР) [1]. Другие, напротив, утверждают, что влияние глобализации на национальные инновационные системы (НИС) преувеличено, так как крупные компании по-прежнему выполняют значительную часть своих ИР внутри стран, резидентами которых являются [2]. Третья группа авторов указывает на то, что обе точки зрения — технонационализм и техноглобализм — имеют под собой основания, поскольку очевидно, что глобализация меняет условия, в которых создаются и масштабируются инновации; в то же время роль национальных политик и институтов только возрастает вследствие усиления связей национальных рынков с мировым: увеличивается зависимость национального производства от конкуренции с иностранным, как на зарубежных рынках, так и внутри страны [3]. В последние годы изучение технологической глобализации концентрируется преимущественно на изучении её особенностей и последствий для фирм, в особенности ТНК [4, 5], либо отдельных её аспектов, таких как международное сотрудничество в области патентования [6] или трансграничный аутсорсинг ИР [7]. Изредка предлагаются инструменты исследования технологической глобализации как процесса, например индикаторы технологического сотрудничества [8], или изучается влияние глобализации на технологическое развитие отдельных стран [9].

В начале 2010-х годов на фоне обострения противоречий, связанных с зависимостью большинства государств от высокотехнологичных продуктов и технологий, производимых узким кругом стран — технологических лидеров, угол зрения на вопросы технологического развития стал меняться. Сформировалось новое направление исследований технологической глобализации, связанное с *концепцией технологического суверенитета*.

Изначально, с подачи европейских чиновников, исследователи концентрировали внимание на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), а основные усилия были направлены на обеспечение “безопасности критически важных приложений и архитектур ИКТ” [10, р. 5]. Позднее, с началом торговой войны между США и КНР, в ходе которой объектами соперничества стали высокотехнологичные рынки разных отраслей, концепцию технологического суверенитета начали трактовать расширительно [11], применяя её к разным отраслям, включая в неё, помимо прочих, исследовательский и производственный суверенитет, а также суверенитет знаний, суверенитет данных и суверенитет СМИ [10, р. 13]. Подчёркивается, что это скорее самостоятельность в действиях, чем контроль над какими-либо материальными объектами. Понятие технологического суверенитета теперь определяют как “способность государства... предоставлять технологии, которые оно считает критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности... и иметь возможность разрабатывать их или получать их из других экономических областей без односторонней структурной зависимости” [12].

Одновременно набирает популярность изучение международного технологического сотрудничества через призму *глобальных цепочек добавленной стоимости* (ЦДС, GVC — global value chains) — деятельности с целью разработки товара, его производства, продвижения и реализации на рынках [13, 14]. Анализируются в том числе последствия изменений в ЦДС, вызванные экономическим противостоянием США и КНР [15].

Таким образом, в зарубежной научной литературе технологическую глобализацию рассматривают преимущественно либо с точки зрения методологии её изучения, либо в отдельных её аспектах. Для экономической науки России и стран СНГ, напротив, характерно, исследование данной темы не только в конкретных аспектах, но и в комплексе, что позволяет оценить общее направление технологической глобализации. В частности, предпринимались попытки выделить основные мировые центры НИОКР [16] и основные особенности современного мирового научно-технологического развития с учётом радикально возросшей роли КНР [17]. Такой подход способствует более широкому восприятию общей картины происходящего. Однако присутствует один недостаток: в качестве статистической базы подобных исследований используются преимущественно данные о расходах на ИР, тогда как технологическая глобализация — многоаспектное явление, которое может быть оценено по разным показателям.

В настоящей работе предпринята попытка определить общее направление и основные особенности технологической глобализации на базе широкого набора статистических данных по разноплановым

показателям. В частности, цель исследования — установить на основе статистических данных, имело ли место в первые два десятилетия XXI в. усиление межстранового взаимодействия в сфере ИР, и определить потенциальных конкурентов стран-лидеров мирового научно-технологического развития. Для этого была поставлена задача изучить ряд показателей интернационализации ИР и диффузии технологий в странах, оказывающих наибольшее влияние на мировое технологическое развитие.

Отобраны в первую очередь страны, оказывающие наибольшее влияние на развитие высокотехнологичных производств и имеющие наибольший вес в мировой торговле их продукцией. Прежде всего это ведущие производители и экспортёры: США, КНР, Япония, Республика Корея (РК), Германия, Франция и Великобритания. Были рассмотрены и страны, которые не являются игроками глобального масштаба в сфере высоких технологий в целом, но занимают ведущие позиции в некоторых отраслях — Финляндия, Швеция, Израиль и Тайвань. Отдельную группу составили развивающиеся страны, способные стать бенефициарами нового этапа развития мировой экономики: Индия, Турция и Индонезия, активно развивающие высокотехнологические производства, а также Россия, Бразилия и ЮАР, предпринимающие усилия в данном направлении.

Применительно к каждой из стран проанализированы: финансирование ИР, патентная активность и масштабы национальных платежей, связанных с использованием интеллектуальной собственности (ИС). В финансировании ИР рассматривалась динамика объёмов затрат на ИР, а также доля в них иностранного капитала как отражение интернационализации технологического развития. Патентная активность стран изучалась с точки зрения динамики национального патентования (показатель отдачи от вложений в ИР), а также её интернационализации (доля патентных заявок, поданных за рубежом, в общем числе заявок резидентов страны). Платежи стран, связанные с использованием интеллектуальной собственности, оценивались по доле в общемировых трансграничных платежах и поступлениях, связанных с использованием ИС, учитывая, что межстрановое распределение таких доходов отражает географию основных мест разработки новых технологий. Напротив, распределение расходов на использование ИС характеризует, скорее, географию производств, использующих лицензируемые технологии, и тем самым распространение технологий по миру.

Все показатели анализировались в динамике, с 2000 г. по 2020–2022 гг., в зависимости от доступности исходных данных по конкретному показателю. Так, расходы на исследования и разработки рассмотрены по 11 странам за 2000–2020 гг. (по сведениям базы данных OECD.Stat., ныне — OECD Data Explorer), патентная статистика за 2000–2021 гг. — по

17 странам (информация базы данных IP Statistical Data Center, поддерживаемой Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС, WIPO); суммарно по патентным заявкам данные получены в национальных патентных ведомствах и в рамках Договора о патентной кооперации (РСТ). Платежи и поступления от использования прав интеллектуальной собственности рассматривались иначе: ввиду крайне низких (менее 2%) долей многих из интересующих стран в общемировом объёме платежей и поступлений от использования ИС на протяжении всего рассматриваемого периода изучалась динамика топ-10 стран по данному показателю, а для интересующих стран, не вошедших в число лидеров, кратко описана их тенденция. Данные по странам мира за 2000–2022 гг. взяты из базы данных World Bank Open Data, поддерживаемой Всемирным банком (World Bank)¹.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК

В целом в XXI в. все рассмотренные страны устойчиво наращивали финансирование ИР, несмотря на небольшое снижение в отдельные годы. Исключением явилась лишь Финляндия, которая после потери её ключевой высокотехнологичной компанией Nokia позиций на рынке всё ещё находится в поиске новой модели технологического развития и с 2012 г. демонстрирует постоянное снижение общих вложений в ИР.

Объёмы иностранных инвестиций в ИР также долгое время возрастали во всех рассмотренных государствах, кроме России, но во второй половине 2010-х годов (в Великобритании — с 2013 г.) начали сокращаться в ряде стран. Однако устойчивое уменьшение объёмов иностранного капитала в финансировании ИР испытывает лишь Россия. Китай сталкивается с некоторыми, пока что временными трудностями, но всё ещё привлекателен для инвестиций в ИР, хотя его собственные вложения растут быстрее. Повышательный тренд сохранился лишь у ведущих экономик мира и Европы — США и Германии, а также у наиболее экспортно ориентированных стран — Финляндии и Израиля, для которых опора на стороннее финансирование традиционна и, по-видимому, всё ещё безальтернативна.

В интернационализации финансирования ИР единой тенденции нет: динамика доли иностранных вложений в национальные ИР в разных странах неодинакова (табл. 1). Вероятно, единственная общая тенденция состоит в том, что большинство стран по-

¹ Выборка статистических данных, использованных в работе, представлена на интернет-странице баз данных отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (<https://www.imemo.ru/about/structure/science-innovation/documents>). К выходу статьи по указанному адресу будет выложена статистика, на основании которой написана работа.

Таблица 1. Динамика доли иностранного финансирования в расходах на ИР в странах мира

Страна	Доля иностранного финансирования, % (2000 г. → 2022 г.)	Тенденция	Примечания
Великобритания	Средняя (16.0 → 14.5)	Слабое снижение	Колебания до 2012 г., спад после
Германия	Низкая (2.1 → 7.3)	Устойчивый рост	Спады невелики и недолги
Израиль	Очень высокая (22.3 → 51.4)	Устойчивый рост	Особо резкий рост в 2009 г., более умеренный после
Китай	Очень низкая (2.7 → 0.4)	Устойчивый спад, небольшой рост в 2020 г.	Плавное снижение доли из-за отставания от общего объема затрат
Республика Корея	Очень низкая (0.1 → 0.2)	Ускоряющийся рост с 2010 г., с 2019 г. — резкий спад	Резкий взлёт в 2014–2018 гг.
Россия	Низкая (12.0 → 1.8)	Упорный спад	Периодически случался рост, но небольшой и недолгий
США	Низкая (3.9 → 7.2)	Уверенный рост, но данные лишь с 2008 г.	Спады невелики и недолги
Турция	Низкая (1.2 → 2.0)	Неустойчивый рост, в 2017–2019 гг. — резкий спад	Резкий всплеск в 2015–2016 гг.
Финляндия	Средняя (2.7 → 13.9)	Упорный, но неустойчивый рост	Быстрый рост, но мощный спад в 2015–2017 гг. с восстановлением в 2018–2019 гг. и новым спадом в 2020 г.
Франция	Низкая (7.2 → 8.1)	Горизонтальный тренд	Затухание колебаний с 2010-х годов
Швеция	Средняя (3.3 → 11.0)	Предположительно рост до 2011–2012 гг. и спад после	Точный тренд выявить не удалось, так как данные даются через год, а за 2015 г. отсутствуют
Япония	Очень низкая (0.4 → 0.5)	Рост, с 2017 г. спад	Спады были и в 2017 г., но небольшие и недолгие

Источник: рассчитано автором по данным OECD.Stat [18].

казали падение объёма и доли иностранных вложений в ИР в кризис 2008–2009 гг., что закономерно. Рост в это время наблюдался лишь в КНР, Турции и Израиле, но в двух последних странах это может быть связано с изменением методологии подсчёта показателя в 2008 и 2009 гг.

Для одной из рассмотренных стран — Швеции — определить тенденцию интернационализации финансирования ИР оказалось затруднительно из-за высокой фрагментированности данных. Но остальные страны по типу тренда можно разделить на четыре группы.

Первая — страны с растущей долей иностранного финансирования — США, Германия, Финляндия и Израиль. В них наблюдалась устойчивая тенденция к увеличению как объёмов иностранного финансирования ИР, так и его доли в совокупных вложениях, хотя в 2020 г. заметно негативное влияние локдаунов, вызванных пандемией. В эту груп-

пу входят мировые технологические лидеры (США и Германия) и наиболее экспортно ориентированные страны (Финляндия и Израиль).

Вторая группа представлена единственной страной с относительно стабильной долей иностранного финансирования — Францией. Из всех рассмотренных государств это единственный пример практически горизонтального тренда. Несмотря на заметные колебания показателя во второй половине 2000-х годов, в 2010-х годах он стабилизировался на уровне около 8% от совокупных расходов на исследования и разработки. Объясняется это тем, что во Франции иностранные инвестиции в ИР медленно растут — примерно тем же темпами, что и общие национальные расходы.

Третья группа — страны с переломом тренда (Великобритания, Турция, Япония и Республика Корея). Общее их свойство — слабовосходящий тренд объёмов иностранного финансирования ИР в нача-

ле и середине рассматриваемого периода и резкое их падение в конце. Однако время начала падения и его масштаб различаются. В Великобритании тренд сменился в 2013 г., в Японии — в 2017 г., в Турции — в 2018 г., а в Корее — в 2019 г. Причём чем позже произошёл спад, тем масштабнее он был в абсолютных величинах: в Великобритании сокращение объёмов иностранных инвестиций в ИР составило всего 8.2%, в Японии — чуть менее 10%, в Турции — вложения сократились вдвое, а в Корее — в 7.5 раз (если только это не ошибка, вызванная неполной регистрацией данных последнего года). Схожим образом колеблется и доля иностранного финансирования ИР в этих странах, хотя масштаб колебаний несколько различается.

Четвёртая группа — страны с устойчиво снижающейся долей иностранного финансирования ИР (КНР и РФ). Несмотря на сходство в динамике, ситуация в этих странах различная. В России на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдался достаточно устойчивый рост общих расходов на ИР, но с 2012 г. прослеживается стабильное падение объёмов иностранных вложений в эту отрасль, изначально достаточно значимых (12% от совокупных вложений), что однозначно указывает на постепенный отрыв отечественного сектора исследований и разработок от мирового рынка инвестиций. В КНР иностранные расходы на ИР хоть и не превышали 3%, но до 2012 г. в абсолютном значении росли так же бойко, как и национальные, а после некоторого спада в 2012 г. лишь застыли примерно на одном уровне. И только с 2018–2019 гг. из-за санкций США произошёл их масштабный (пятикратный) спад, в значительной степени отыгранный в 2020 г. Отсюда можно заключить, что в КНР, в отличие от России, в привлечении иностранного финансирования ИР пока что наблюдаются лишь временные, пусть и заметные трудности.

Таким образом, в отношении всех рассмотренных стран, кроме России, можно сделать вывод, что до середины 2010-х годов происходило усиление интернационализации финансирования ИР, но позднее в странах, которые не являются мировыми экономическими лидерами и не придерживаются экспортной ориентации, проявилась обратная тенденция. Это может свидетельствовать о стремлении инвесторов развивать передовые технологии в собственных странах. Однако утверждать, что в финансировании ИР наступает новый этап, представляется преждевременным, так как спад происходил в разное время, и пока что нет оснований утверждать, что он был вызван общими причинами. Так, в Республике Корея снижение иностранных вложений в ИР началось лишь в 2019 г., тогда как в Великобритании и Японии — на несколько лет раньше.

ПАТЕНТОВАНИЕ

В среднем в патентных ведомствах мира патенты чаще запрашиваются резидентами, чем иностранцами. Эта тенденция усилилась после кризиса 2008 г. До него доля зарубежных патентных заявок колебалась на уровне 35–40% с тенденцией к росту. Однако с 2009 г., с началом мирового финансово-экономического кризиса, наметился явный спад числа и доли патентных заявок за рубежом, продолжавшийся вплоть до 2019 г., когда тренд стал примерно горизонтальным. Однако следует учесть, что указанная тенденция в значительной степени определялась динамикой патентования в КНР. Стремительный и устойчивый рост патентных заявок в Китае, превратившийся лишь в 2019 г., вывел эту страну на первое место в мире по общему числу поданных патентных заявок, что серьёзно изменило мировой патентный ландшафт. В 2021 г. в КНР было подано 1.5 млн заявок, что в 30.5 раза больше, чем в 2000 г. Доля КНР в общемировом числе патентных заявок в 2000–2021 гг. выросла в 3.8 раза — до 46.6%.

В большинстве рассмотренных стран заявители патентовали свои изобретения в основном внутри страны (табл. 2). Преимущественно за рубежом долгое время патентовались лишь резиденты стран ЕС, для которых традиционно очень значим общеевропейский рынок, а также Израиль и ЮАР, ориентированные на внешние рынки. В динамике показателей патентования единая тенденция не прослеживается. Во многих странах отмечены изменения трендов в 2008–2009 гг. (начало мирового финансово-экономического кризиса) и в 2019 г. Особые случаи являют собой Турция и Китай, которые явно перешли от зависимости от иностранных инноваций к собственным разработкам как минимум в некоторых отраслях с 2003 и 2006 гг. соответственно. В КНР взлёт доли собственных заявителей (с 54 до 90%) пришёлся на 2006–2016 гг., но в целом эта доля возрастала на протяжении всего рассматриваемого периода исключительно за счёт опережающего роста патентования в своей стране (число заявок за рубежом также увеличивалось). В Турции пик ещё более впечатляющего роста (на 85 п.п.) пришёлся на 2001–2010 гг. и сопровождался радикальным (в 20 раз) падением числа иностранных заявок, после чего доля заявок в собственной стране стабилизировалась на уровне около 97%.

По степени интернационализации патентования можно выделить пять групп стран в порядке убывания доли патентования за рубежом.

Первая группа — активно глобализирующиеся страны, ориентированные на внешние рынки, — Израиль, Финляндия, Швеция. В этих странах доля зарубежного патентования резидентов была высока изначально (58% и более) и возрастала и далее, до 2005–2010 гг., превысив 70%. Израиль представляет собой крайний случай: с 2012 г. порядка 90% его патентных заявок подаются за рубежом. Финляндия

Таблица 2. Тенденции патентования в странах мира, число запросов на получение патента

Страна	Преобладающее место патентования резидентов	Тенденция
Бразилия	в стране	устойчивое снижение
Китай	в стране	горизонтальный тренд
Финляндия	за рубежом	снижение с 2017 г.
Франция	за рубежом	повышение в 2004–2016 гг.
Германия	за рубежом с 2004 г.	повышение
Индия	в стране	повышение с 2017 г.
Индонезия	в стране	повышение
Израиль	за рубежом	повышение до 2015 г.
Япония	в стране	устойчивое снижение
Республика Корея	в стране	снижение
Россия	в стране с 2004 г.	снижение
ЮАР	за рубежом с 2005 г. до 2021 г.	сильные колебания
Турция	в стране	горизонтальный тренд
Великобритания	за рубежом с 2005 г.	повышение
США	в стране	снижение

Источник: рассчитано автором по данным ВОИС [19].

и Швеция показали более спокойный рост, их уровень зарубежного патентования стабилизировался с 2008 г. и остаётся высоким (около 73–76%).

Вторая группа – интернационализирующиеся экономически развитые страны – Великобритания и Япония. Обе входят в число мировых лидеров по уровню развития и отраслевой диверсификации промышленности, а также по высокотехнологичным разработкам. Поэтому в 2000 г. доля зарубежного патентования в них была гораздо ниже, чем у стран предыдущей группы: 45% в Великобритании и 22% в Японии. Однако в течение всего рассматриваемого периода этот показатель стабильно рос и к 2021 г. достиг 68 и 46% соответственно: занимая сильную конкурентную позицию, эти страны стремились воспользоваться преимуществами интернационализации.

Третья группа – развитые страны с замедленной интернационализацией – Франция, Германия, Республика Корея. Участники этой группы располагают мощным промышленным и научно-техническим потенциалом и демонстрировали устойчивый рост зарубежного патентования на 10–15 п.п. в год примерно до 2014 г., после чего их тренд стал горизонтальным (ни роста, ни спада). Причём если во Франции и Германии как членах глубоко интегрированного Евросоюза 60% заявок и более было подано за рубежом, то в РК доля зарубежных заявок куда скромнее – чуть более 30% даже в конце периода.

Четвёртая группа – умеренно интернационализирующиеся страны – ЮАР, Россия, Бразилия. В начале XXI в. данная группа имела весьма низкий уровень интернационализации, но значительно увеличила его к 2021 г. – с 3 до 23% у РФ и с 16 до 32% у Бразилии. Высокий рост обусловлен эффектом низкой базы: незначительный прирост выглядит существенным из-за скромного начального значения показателя.

Пятая группа – страны с неустойчивой динамикой – Индия, Турция, Индонезия. В этой группе уровень интернационализации патентования весьма различен, но их объединяет то, что все они не демонстрируют устойчивой динамики. В Индии наблюдался рост интернационализации до 2013 г. и спад после 2016 г., в Турции и Индонезии тренд почти горизонтальный.

Особое положение занимают КНР и США. В Китае абсолютно преобладает внутристрановое патентование (более 90%), но это вовсе не означает низкую интернационализацию результатов национальных ИР: это отражение государственной политики административного поощрения патентования, а также масштабов и привлекательности внутреннего рынка. США, будучи ведущей промышленной державой с огромным внутренним рынком, имеют примерно равные доли внутристранового и зарубежного патентования, значения которых со временем всё более сближаются.

Таким образом, статистика патентования резидентов рассмотренных стран позволяет заключить,

что интернационализация патентования продолжается, хотя и с разной интенсивностью, всюду, кроме Турции и Индонезии, где колебания не обнаруживают устойчивого тренда. Заметное исключение составляет Индия, где после более чем двукратного роста интернационализации патентования с 2016 по 2020 г. наблюдалось снижение доли зарубежных заявок с 49 до 39%.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЛАТЕЖИ И ПОСТУПЛЕНИЯ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Трансграничные платежи за использование ИС в 2000–2022 гг. стремительно увеличивались в объеме: более чем в 6.5 раза — с 76.2 млрд долл. до 515.7 млрд долл. в текущих ценах. Тогда как мировой ВВП, по данным Всемирного банка, за тот же период и в тех же ценах вырос менее чем вдвое (с 33.8 трлн до 100.6 трлн долл.). Это отражает рост значения результатов интеллектуальной деятельности в мировой экономике. Одновременно за то же время произошло некоторое снижение географической концентрации данных платежей: на 10 стран-лидеров в 2000 г. приходилось 79.0% платежей, а в 2022 г. — 71.8%.

Значительно изменился состав этой десятки. В 2000 г. лидерами были ведущие экономически развитые страны мира — США (16.1 млрд долл. в текущих ценах, 21.2% общемирового объема), Япония (11.0 млрд долл.), Великобритания (7.1 млрд долл.), Франция и Германия (по 4.4 млрд долл.), а также Канада (3.6 млрд долл.) и восточноазиатские тигры: Сингапур (5.1 млрд долл.) и Республика Корея (3.3 млрд долл.) (рис. 1). Доля Бразилии составляла всего 1.9% (1.4 млрд долл.), а Индия, Индонезия, Израиль, Россия и Турция не производили даже 0.5% от общемирового объема платежей за использование ИС каждая.

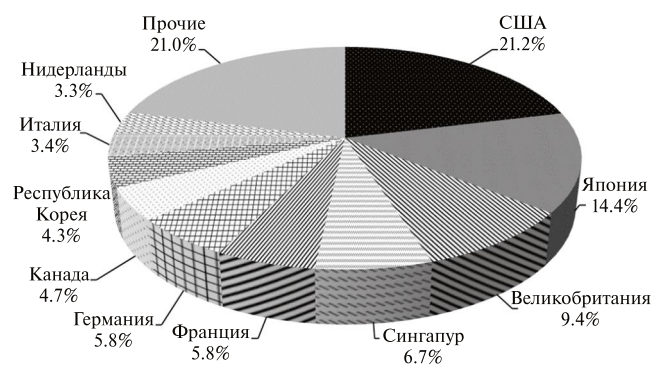

Рис. 1. Платежи за использование интеллектуальной собственности в 2000 г., % общемирового объема
Источник: построено автором по данным Всемирного банка [20].

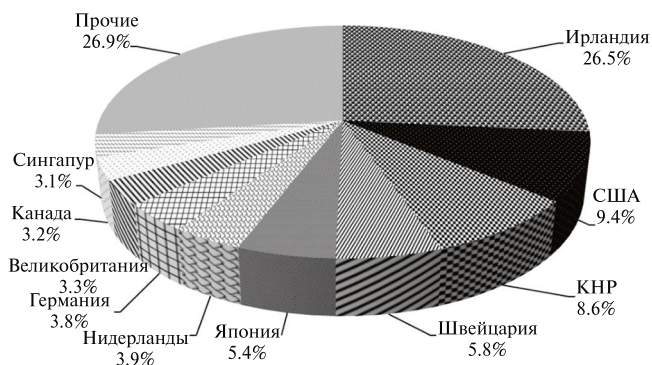

Рис. 2. Платежи за использование интеллектуальной собственности в 2022 г., % общемирового объема
Источник: построено автором по данным Всемирного банка [20].

К 2022 г. картина сильно изменилась (рис. 2). США уступили первое место Ирландии (136.9 млрд долл., или 26.5%), но сумели удержать второе место (48.5 млрд долл.). На третье и четвертое места вышли КНР и Швейцария (44.5 и 30.0 млрд долл. соответственно), тогда как Япония и Великобритания опустились на пятое и восьмое места (27.8 млрд долл. и 17.2 млрд долл.), а Франция и вовсе вышла из десятки лидеров. Германия также ослабила свои позиции, к 2010 г. она даже вышла из топ-10, но к 2022 г. вернулась на седьмое место (19.8 млрд долл.). Драматически изменялась доля Нидерландов: с середины 2000-х годов она стремительно возрастала и к 2010 г. стала второй в мире (32.8 млрд долл., 12%), но после 2015 г. сократилась, и в 2022 г. страна оказалась лишь на шестом месте (20.2 млрд долл., 3.9%). К этому времени также несколько уменьшились доли Канады (16.2 млрд долл.) и Сингапура (15.8 млрд долл.).

Страны, представляющие интерес для настоящего исследования и не упомянутые выше в данном разделе, не обладали заметными долями в общемировых платежах за использование ИС и в большинстве своём не показали значительного их роста. Лишь Индия сумела добиться заметного успеха, пятикратно нарастив свою долю — до 2.0% общемирового объема. Россия, поначалу показывавшая хорошую динамику (5.6 млрд долл., или 2.5% в 2013 г.), к 2022 г. утратила свои позиции, опустившись до 0.9% (4.5 млрд долл.). Бразилия, Израиль, Индонезия и Турция выраженной динамики не продемонстрировали.

Таким образом, несмотря на то, что традиционные лидеры всё ещё сохраняют места в первой десятке, они уступили лидирующие позиции Ирландии, КНР и Швейцарии; лишь США сумели удержать вторую позицию в рейтинге вместо прежней первой. Данная тенденция свидетельствует о том, что за 2000–2022 гг. в Ирландии, КНР и Швейцарии было создано (либо перемещено в них) большое

количество высокотехнологичных производств или некоторое количество очень масштабных высокотехнологичных производств, благодаря которым значительно увеличились платежи за использование ИС. Впечатляющий рост таких платежей, поступающих из Ирландии, не мог быть обеспечен оплатой торговых франшиз; его можно объяснить только быстрым расширением в стране высокотехнологичных производств, в первую очередь программного обеспечения, компьютерной техники и фармацевтической продукции. Схожая ситуация сложилась в Нидерландах, которые в 2004–2015 гг. соперничали с Ирландией за первое место в рейтинге плательщиков за использование ИС. Однако в 2016 и в 2021 гг. объём нидерландских платежей дважды резко упал (в общей сложности в 4 раза — с 72.2 млрд до 17.7 млрд долл.), поэтому в 2022 г. страна заняла лишь 6 позицию в топ-10. Состав отраслей, обеспечивавших конкуренцию Нидерландов с Ирландией на протяжении 11 лет, неочевиден. Наиболее вероятно, что это производство электроники, включая микро- и нанотехнологические предприятия и выпуск полупроводников.

Денежные поступления от использования ИС за 2000–2022 гг. увеличивались не столь впечатляюще, как платежи, — в пять с лишним раз (с 82.3 млрд до 425.5 млрд долл. в текущих ценах) — тенденция, отчасти схожая с динамикой платежей (рис. 3). В 2000 г. более половины всех доходов, поступавших по этой статье, приходилось на США: 43.5 млрд долл. в текущих ценах (52.8% общемирового объёма). Второе и третье места занимали Япония (10.2 млрд долл.) и Великобритания (8.1 млрд долл.). В десятку лидеров также входили ведущие страны ЕС — Франция, Швейцария, Германия, Нидерланды, Швеция, Италия — и Канада. Всего же на упомянутые топ-10 стран приходилось 95% зарубежных поступлений от использования ИС.

К 2022 г. произошли существенные изменения (рис. 4). Концентрация доходов от исполь-

зования ИС в десяти ведущих странах снизилась с 95.0 до 84.3%. США остались мировым лидером, но их доля значительно уменьшилась — до 29.5%, несмотря на рост поступлений в абсолютных значениях (до 125.7 млрд долл.). На второе место в рейтинге вышла Германия, нарастившая свою долю почти вчетверо — до 12.5% (53.3 млрд долл.). Великобритания и Франция устойчиво ослабляли свои позиции, хотя к концу периода доля Франции (13.7 млрд долл.) всё же несколько возросла, тогда как доля Великобритании (27.6 млрд долл.) продолжала сокращаться. Швейцария заняла четвёртое место с 7.1% (30.0 млрд долл.) поступлений, что в процентах от общемирового значения несколько меньше, чем в 2010 г. (7.5%), но намного больше в абсолютных значениях (16.2 млрд долл.) и чем в 2000 г. Схожую динамику показали Нидерланды: к 2010 г. доля страны увеличилась с 2.6% (2.2 млрд долл.) до 5.6% (25.0 млрд долл.), но к 2022 г. сократилась до 5.0% (21.2 млрд долл.). Вместе с тем в десятку лидеров вошли Ирландия (15.0 млрд долл.) и КНР (13.3 млрд долл.), тогда как Швеция и Италия, напротив, выбыли из неё.

В целом доходы от использования ИС за рассматриваемый период стали распределяться между странами мира более равномерно, и эта динамика более заметна, чем в распределении платежей, из-за значительного сокращения доли США. Однако список стран-лидеров изменился не столь существенно.

Усиление роли Ирландии, Швейцарии и КНР прослеживается и здесь, однако оно не столь заметно. Можно заключить, что эти страны хотя и весьма преуспели в размещении у себя высокотехнологичных производств, пока не могут претендовать на столь же значимую позицию в разработке высокотехнологичной продукции. Особенно это заметно в случае стран, долгое время опиравшихся (или опирающихся) на финансовые вложения и трансфер технологий со стороны иностранных компа-

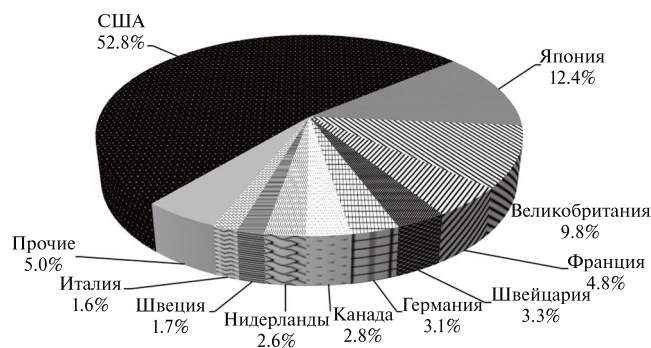

Рис. 3. Поступления от использования ИС в 2000 г., % общемирового объёма

Источник: построено автором по данным Всемирного банка [21].

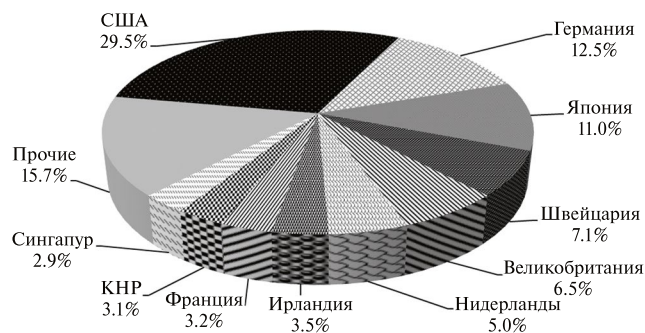

Рис. 4. Поступления от использования ИС в 2022 г., % общемирового объёма

Источник: построено автором по данным Всемирного банка [21].

ний (Ирландия, КНР). Обращает на себя внимание случай Нидерландов, резко и намного увеличивших объёмы как платежей, так и поступлений от использования ИС в 2004 г. Этот рост позволил стране выйти в лидеры по обоим этим показателям, но позднее произошёл их обвал: платежей — в 2016 и 2021 гг., поступлений — в 2015 г. Учитывая, что в 2021 г. спад поступлений от использования ИС в Нидерландах сопровождался равным по объёму его ростом в Германии, можно предположить, что в 2004 г. имело место создание или перенесение в Нидерланды высокотехнологичных производств, а в 2021 г. — его перемещение либо продажа в Германию.

Рассмотрев динамику географического распределения платежей и поступлений от использования интеллектуальной собственности, можно заключить, что данная сфера существенно интернационализируется. Несмотря на то, что разработка и производство высокотехнологичной продукции всё ещё сконцентрированы в относительно небольшом количестве стран, как доходы, так и расходы от использования ИС с течением времени распределяются между государствами всё более равномерно, что свидетельствует о растущей вовлечённости стран, не являющихся технологическими лидерами, в исследования и разработки, а также высокотехнологичное производство. Это особенно заметно в динамике поступлений за использование интеллектуальной собственности: за 22 года доля мирового лидера сократилась почти вдвое, в то время как доля прочих стран утроилась, увеличившись почти на 10 п.п. Состав десятки стран-лидеров также претерпевает некоторые изменения. Наибольшее впечатление производит рост доли Ирландии, вышедшей в мировые лидеры по платежам за использование ИС благодаря размещению высокотехнологичных производств. Не менее интересны случаи КНР и Швейцарии, сумевших значительно усилить свои позиции по обоим показателям, а также случай Нидерландов, которые в середине 2000-х годов смогли значительно нарастить высокотехнологичные производства, но, по всей видимости, утратили их к концу 2010-х годов.

* * *

Изученные выше разносторонние статистические данные дают основания утверждать, что в XXI в. между рассмотренными государствами наблюдалось усиление взаимосвязей в сфере исследований и разработок. Расширение зарубежного патентования заявителей из стран, являющихся технологическими лидерами, и увеличение платежей остальных стран за использование интеллектуальной собственности говорят о расширении географии передовых производств и диффузии технологий. Рост равномерности распределения поступлений от использования ИС между странами может свидетельствовать о развитии собственных

разработок в государствах, не являющихся технологическими лидерами. В то же время стагнация или спад в 2010-х годах иностранного финансирования ИР в большинстве стран на фоне стабильного роста общего финансирования почти везде может свидетельствовать не только о финансовых трудностях, но и об обострении конкуренции, когда основное внимание уделяется развитию передовых технологий на своей территории.

С точки зрения международной технологической конкуренции нынешний этап развития мировой экономики можно охарактеризовать как постепенное ослабление влияния мировых центров технологического развития вследствие географического распространения высокотехнологичных производств и исследований и разработок. Традиционных лидеров технологического развития, которые располагают значительным собственным научно-техническим потенциалом и мало зависят от иностранного финансирования, начинают теснить конкуренты из числа как развитых, так и развивающихся стран — такие как КНР, Ирландия и Нидерланды. Если развитые страны конкурируют преимущественно в сфере производства и в отдельных отраслях, то КНР имеет возможность не только значимо присутствовать на многих отраслевых рынках, но и осуществлять собственные разработки. В то же время другие развивающиеся страны, даже такие крупные, как Россия, Бразилия или Индия, пока не демонстрируют столь значительных достижений.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках работы над коллективной монографией отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН. Автор выражает благодарность сотрудникам отдела за обсуждение материалов статьи и полезные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chesnais F.* La mondialisation du capital. Paris: Syros, 1994.
2. *Patel P., Pavitt K.* Large firms in the production of the world's technology: an important case of "non-globalisation" // *Journal of International Business Studies*. 1991, vol. 22(1), pp. 1–22. <https://link.springer.com/article/10.1057/palgrave.jibs.8490289>
3. *Archibugi D., Michie J.* Technological globalization or national systems of innovation? // *Futures*. 1997, vol. 29(2), pp. 121–137. [https://doi.org/10.1016/S0016-3287\(96\)00072-9](https://doi.org/10.1016/S0016-3287(96)00072-9)
4. *Gammeltoft P.* Internationalisation of R&D: trends, drivers and managerial challenges // *Technology and Globalisation*. 2006, vol. 2(1/2), pp. 177–199. <https://doi.org/10.1504/IJTG.2006.009133>

5. *Awate S., Larsen M., Mudambi R.* Accessing vs sourcing knowledge: A comparative study of R&D internationalization between emerging and advanced economy firms // *Journal of International Business Studies*. 2015, vol. 46, pp. 63–86. <https://doi.org/10.1057/jibs.2014.46>
6. *Zhenzhong M., Yender L., Chien-Fu P.* Booming or emerging? China's technological capability and international collaboration in patent activities // *Technological Forecasting & Social Change*. 2009, vol. 76(6), pp. 787–796. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2008.11.003>
7. *Thomson R.* National scientific capacity and R&D offshoring // *Research Policy*. 2013, vol. 42(2), pp. 517–528. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2012.07.003>
8. *Rycroft R.* Technology-based globalization indicators: the centrality of innovation network data // *Technology in Society*. 2003, vol. 25(3), pp. 299–317. [https://doi.org/10.1016/S0160-791X\(03\)00047-2](https://doi.org/10.1016/S0160-791X(03)00047-2)
9. Клауберг Р. Глобализация и технологическая эволюция: влияние на экономику и общество в США // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2019. № 2(20). С. 26–39. https://dipacademy.ru/documents/1534/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA__2-2019.pdf
Clauberg R. Globalization and Technological Evolution: Impact on the Economy and Society in the USA // *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*. 2019, no. 2(20), p. 26–39. (In Russ.)
10. Technological Sovereignty: methodology and recommendations // VDE position paper: ITG VDE Publishing, 2019. <https://www.vde.com/resource/blob/2013656/66f-71138ba34b7b3ad0e2aa248b71abd/vde-position-paper-technological-sovereignty-data.pdf>
11. *Müller-Quade J., Reussner R., Beyerer J.* Karlsruher Thesen zur Digitalen Souveränität Europas. // *Datenschutz und Datensicherheit*. 2018, vol. 42(5), pp. 277–280. <https://doi.org/10.1007/s11623-018-0940-2>
12. *Edler J., Knut B., Kroll H., Schubert T.* Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // *Research Policy*. 2023, vol. 52(6), p. 104765. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765>
13. *Ruimin B., Zhaobin F.* Digitalization of services, Innovation and manufacturing GVC upstreamness // *Technology in Society*. 2024, vol. 78. 102660. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2024.102660>
14. *Xiongfeng P., Jiahong Y.* Global Value Chain, GVC, biased technological change and regional total factor productivity differences // *Technological Forecasting and Social Change*. 2024, vol. 206. 123538. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2024.123538>
15. *Seohee A.* Shifted paradigm in technonationalism in the 21st century: The influence of global value chain (GVC) and US-China competition on international politics and global commerce – A case study of Japan's semiconductor industry // *Asia and the Global Economy*. 2023, vol. 3(2). 100063. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2023.100063>
16. *Chychkalo-Kondratska I., Bezrukova N.* The new vectors of technoglobalizm // *Economic Annals-XXI*. 2013, vol. 9–10(1), pp. 7–10. <https://ea21journal.world/index.php/ea-v133-02/>
17. *Иванова Н.И.* Эволюция технологической глобализации // *Современная мировая экономика*. 2023. № 1(1). С. 95–111. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-95-111>
Ivanova N.I. Evolution of technological globalization // *Modern world economy*. 2023, no. 1(1), pp. 95–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-95-111>
18. OECD.Stat – Science, Technology and Patents – Research and Development Statistics. <https://stats.oecd.org>
19. WIPO IP Statistical Data Center – Patents. <https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm?tab=patent>
20. The World Bank – Featured Indicators – Charges for the use of intellectual property, payments (BoP, current US\$). <https://data.worldbank.org/indicator/BM.GSR.ROYL.CD>
21. The World Bank – Featured Indicators – Charges for the use of intellectual property, receipts (BoP, current US\$). <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.ROYL.CD>

INTERNATIONALIZATION OF RESEARCH AND DEVELOPMENT IN THE 21ST CENTURY: INTERNATIONAL STATISTICS AND KEY TRENDS

A.A. Kravtsov^{a,*}

^aPrimakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**E-mail: kravtsov@imemo.ru*

The objective of the study was to assess, on the base of diverse statistical data, whether there was a sustainable strengthening of international cooperation in research and development (R&D) in the first two decades of the 21st century; and to identify the main competitors of the countries leading in the scientific and technological (S&T) development. For this purpose, the dynamics of foreign R&D financing, foreign patenting of residents and the volumes of international charges for the use of intellectual property (IP) were analyzed for the leading and some of developing countries. It was found that in 2000–2020, there was an increase in interrelations in the R&D cooperation between the countries. The dynamics of payments and receipts from the use of IP showed the weakening of the world leaders' monopoly in R&D due to the gradual diffusion of not only high-tech production, but of R&D for them as well. Stagnation or decline in foreign R&D funding, recorded in most of the countries, may indicate not only financial difficulties, but also a desire to develop advanced technologies domestically. Traditional leaders in scientific and technological development are beginning to be challenged by competitors from both developed (Ireland, the Netherlands) and developing countries (China). And meanwhile developed countries compete primarily in the sphere of production and individual high-tech industries, China is capable of not only be present in many industry markets, but also to carry out its own developments.

Keywords: technological globalization, internationalization of R&D, R&D expenditures, patent activity, charges for the use of intellectual property.

ЭТЮДЫ ОБ УЧЁНЫХ

**“ЗАМЫСЕЛ ИЛИ ОШИБКА?”:
ФИНАЛ РОМАНА “ТИХИЙ ДОН” В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА АН СССР М.А. ШОЛОХОВА**

© 2025 г. Н.В. Корниенко^{а,*}

^аИнститут мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия

*E-mail: natalkornienko@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.03.2025 г.

После доработки 21.03.2025 г.

Принята к публикации 15.04.2025 г.

Роман Михаила Шолохова “Тихий Дон” — бесспорно, одно из величайших произведений русской литературы XX в. Публикация в 1940 г. последней книги романа спровоцировала бурные обсуждения в центральной периодике, на заседаниях секции критиков Союза советских писателей и впоследствии в Комитете по Сталинским премиям. В настоящей статье рассмотрены разные точки зрения современников писателя касательно финальных глав романа и то, как на это реагировал сам Шолохов.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, “Тихий Дон”, “Поднятая целина”, литературная критика, Союз писателей, Сталинская премия по литературе.

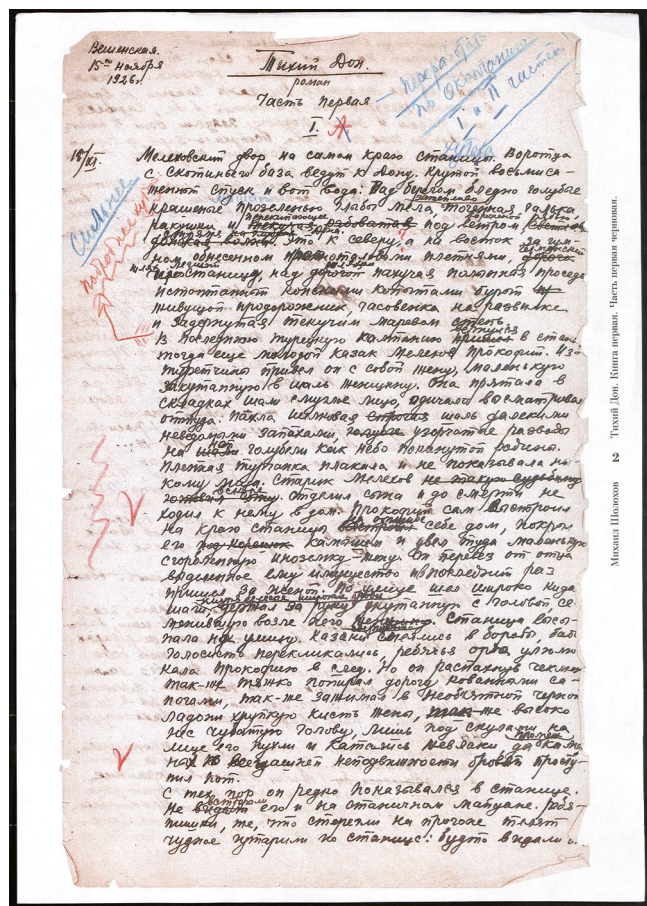
DOI: 10.31857/S0869587325050056, EDN: EKKPBP

В смутные годы последнего десятилетия XX в., запомнившиеся кампаниями по развенчанию крупнейших писателей советской эпохи, в частности дискредитацией автора “Тихого Дона”, в научных планах Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН) прочно утвердилась шолоховская тема. В 1999 г. при поддержке Правительства РФ и президиума РАН была приобретена и передана в Отдел рукописей ИМЛИ РАН рукопись первых двух томов “Тихого Дона” (материалы, которые в 1929 г. М.А. Шолохов направил в комиссию, которая рассматривала вопрос о плагиате). Под руководством директора института члена-корреспондента РАН Ф.Ф. Кузнецова формировалась программа исследования документальных и научных источников: первого собрания писем писателя [1], факсимильного издания рукописи романа (2003) и её научного описания [2], коллективных трудов [3] и авторских монографий [4–6]. В планах была подготовка первого тома академического собрания сочинений, однако текстологическая ко-

Михаил Александрович Шолохов (1905–1984)

КОРНИЕНКО Наталья Васильевна — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН.

Рукопись первой части “Тихого Дона”

миссия ИМЛИ РАН (руководитель — член-корреспондент РАН Л.Д. Громова-Опульская) приняла решение отложить этот проект. Для этого были веские причины: отсутствие авторитетных работ по шолоховской текстологии и биографии писателя, непроработанность исторического и литературного контекста 1920–1950-х годов — периода, когда рождались насыщенные эпохой шолоховские тексты. Было принято решение провести фронтальную сверку текстов романов “Тихий Дон” и “Поднятая целина” — от рукописи до всех прижизненных изданий. При поддержке Российского гуманитарного научного фонда запущен проект, направленный на поиск в архивах Москвы и станицы Вёшенской писем читателей Шолохову [7, 8]¹. В 2018 г. вышло первое научное издание романа “Тихий Дон” с тек-

¹ Проект объединил сотрудников ИМЛИ РАН и Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова (станция Вёшенская). Наследники писателя предоставили для работы уникальный семейный архив — десятки больших коробок с письмами читателей 1940–1980-х годов. Письма читателей 1930-х годов выявлялись в фондах московских архивов. Письма, отправленные в довоенное десятилетие на родину Шолохова, были утрачены (как и архив самого писателя) во время бомбёжки станицы Вёшенской летом 1942 г.

стологическим обоснованием [9], в 2022 г. — “Поднятой целины” [10]. Сегодня на повестку вынесены сложнейшие вопросы по подготовке исторического и литературного комментария шолоховских текстов, содержащих энциклопедические по масштабу сведения о главных событиях отечественной истории и культуры XX в.

Среди большого свода проблематики изучения наследия Шолохова вопрос финала главного романа писателя был да и остаётся едва ли не основной темой дискуссий критиков и литературоведов. Сам Шолохов в эти споры не вмешивался ни в 1940 г., когда была опубликована последняя (восьмая) часть четвёртой книги, ни в 1950–1970-е годы, предоставив толкователям его творчества полную свободу в решении судьбы Григория Мелехова. Особый интерес представляют споры, развернувшиеся в 1940 г. Почему они не рассматривались отдельно — вопрос не из простых. Публичных высказываний на страницах газет и журналов было не так много. Суждения именитых современников Шолохова о романе и его, мягко говоря, странном финале хранили только архивы, однако участники тех событий не спешили их обнародовать. Было много причин не вспоминать, а исследователям — не изучать и не публиковать стенограммы ряда закрытых собраний 1940 г., на которых горячо обсуждался шолоховский вопрос. К тому же мало кто из современников писателя, критически высказавшихся в тот год о “Тихом Доне”, вспоминал о социалистическом реализме — главном методе советской литературы. А если и вспоминали, то чисто риторически, ибо предпочтение отдавалось насущным вопросам литературы и жизни. Это будет сделано позже, когда страсти вокруг романа улягутся и необходимо будет вписать “Тихий Дон” в общее направление советской литературы как литературы социалистического реализма. В истории литературы не раз получалось так (не только в отношении “Тихого Дона”), что современники писателя, собравшись по перу и критики, оказывались более зоркими и точными в своих вопросах к финалу романа. С 1925 г. на критику была возложена функция образования и воспитания не только читателя, но и писателя (резолюция ЦК РКП(б) “О политике партии в области художественной литературы”).

Литературная и литературно-политическая жизнь страны в 1940 г. была наполнена самыми разными событиями. Их краткая хроника, которую мы попытаемся реконструировать, позволяет отчасти ответить на вынесенный в заглавие настоящей статьи вопрос А.Н. Толстого к финалу романа “Тихий Дон”, прозвучавший осенью 1940 г. на обсуждении в Комитете по Сталинской премии². В том же году отмечались два крупных юбилея классиков русской

² Все материалы, касающиеся обсуждения “Тихого Дона” в Комитете по Сталинской премии, подготовлены в рамках исследовательской шолоховской программы ИМЛИ РАН и опубликованы в 2003 г. [3, с. 486–551].

Издания Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

и советской культуры: 100-летие со дня рождения П.И. Чайковского и 10-летие со дня смерти В.В. Маяковского. Юбилей Маяковского вернул из забвения имена некоторых выдающихся современников поэта. Были опубликованы неизданные произведения В. Хлебникова, переписка А. Блока и А. Белого, в малой серии “Библиотеки поэтов” вышли тома И. Анненского, Ф. Сологуба, В. Хлебникова, А. Белого и С. Есенина. По поводу Есенина критики писали так, будто с ним в истории русской литературы ничего не происходило. В тихой и благожелательной рецензии на страницах “Литературного обозрения” ничего не было сказано ни о “Злых замечках” Н.И. Бухарина (1927), ни о масштабной кампании по борьбе с “есенинщиной”, ни о судьбах есенинского круга поэтов. Рецензент признавал, что за последние 10 лет Есенин “почти не издавался, в немногочисленных антологиях русской лирической поэзии его имя, как правило, отсутствовало, критики и историки современной литературы словно забыли о нём совершенно, будто и на свете не существовало никогда такого поэта. В перечне грехов нашей критики и историко-литературной науки — этот грех принадлежит к числу действительных и притом трудно оправдываемых”. И здесь же: “Для кого же является секретом тот

факт, что и по сие время Есенин остаётся одним из самых читаемых поэтов нашего недавнего прошлого” [11, с. 26].

Имя Анны Ахматовой, пребывавшей в забвении почти 15 лет, тоже вспомнили в годовщину смерти Маяковского. В январе 1940 г. Ахматову приняли в Союз писателей, на страницах ленинградских журналов появились её стихи, в головном издательстве Союза писателей “Советский писатель” был принят к публикации сборник её избранных стихотворений “Из шести книг”.

В январе 1940 г. подошла к завершению начавшаяся ещё в 1938 г. жёсткая дискуссия о роли критики в советской литературе и позиции журнала “Литературный критик”. Сложившееся в Союзе писателей двоевластие было ликвидировано 10 января на совещании, организованном новым (с 29 января 1939 г.) руководителем союза А.А. Фадеевым. Были утверждены состав руководящего звена секции критиков и её председатель — литературовед В.Я. Кирпотин. В тот же день в “Литературной газете” открылась рубрика “Литературные споры”, одной из главных тем которой стало обсуждение книги “К истории реализма” (1939) Г. Лукача — ведущего теоретика журнала “Литературный критик”. Затянувшаяся дискуссия (январь—март) переросла в разгромную

кампанию по обвинению журнала в грубых идеологических ошибках. Обсуждение на страницах газеты сопровождалось записками в ЦК, подписанными А.А. Фадеевым, В.Я. Кирпотиним и критиком В.В. Ермиловым.

Отметим, что М.А. Шолохов был неплохо осведомлён о позиции журнала “Литературный критик”, с первых его номеров следил за полемическими выступлениями и общался, судя по документам, с членами редколлегии. С 1935 г., когда были опубликованы первые главы седьмой части четвёртой книги “Тихого Дона”, в “Литературном критике” печатались статьи о Шолохове члена редколлегии В.Ц. Гоффеншера. Шолохов часто встречался с одним из авторов журнала А.П. Платоновым, что засвидетельствовали не только их современники, но и осведомители ОГПУ. Благодаря рекомендации Шолохова в 1938 г. в журнале появилось прекрасное исследование молодого фольклориста И.И. Кравченко “Песни донского казачества”, а в 1940 г. его же статья “Шолохов и фольклор”³. Можно сказать, что это были первые исследования языка Шолохова, выполненные на высоком научном уровне; обе работы до сих пор не потеряли своей актуальности.

В 1940 г. произошло событие, напрямую связанное с празднованием 60-летия И.В. Сталина в декабре 1939 г.: 1 февраля было принято Постановление СНК СССР об учреждении премий имени Сталина по литературе в области поэзии, прозы, драматургии и литературной критики [13]. 5 февраля “Литературная газета” открылась посвящённой этому событию редакционной статьёй: “Сталинская премия! Как много нужно работать, чтоб получить на неё право! Какого художественного уровня должны достигнуть произведения, какого глубокого проникновения в жизнь и мастерства воспроизведения!”

Кроме ставших аксиомой утверждений о советской литературе как “авангарде мировой литературы”, о “знамени реализма” и новом его качестве у советских писателей (“Мы творим реализм созидательный, ибо с нами великая партия Ленина—Сталина”), было недвусмысленно заявлено, что сталинскую премию получит тот, кто будет отвечать современной повестке: “Современная тема, естественно, должна волновать писателя раньше всего. <...> Рвутся, ломаются старые традиции, старые привычки, старые понятия. На их месте создаётся новая мораль, новые человеческие ценности, новые отношения людей к труду, собственности, государству. <...> Нам дано применить свой талант не только для критики отжившего, старого, но и для утверждения нового, пути к которому освещены учением Маркса—Ленина—Сталина. Это особое качество советской литературы, многоязычной

и многонародной, делающее её самой передовой в мире” [14]. Всё это звучало весьма соблазнительно и возбудило великие страсти в литературной среде, ведь претендентов на выражение “нового” к 1940 г. было немало — не только среди писателей, но и среди критиков. Объявление о премии придало литературным дискуссиям особую остроту.

Вопрос о публикации последнего тома “Тихого Дона” оставался на особом контроле у И.В. Сталина, что подтверждают многочисленные свидетельства. История отношений писателя и вождя имеет хорошую документальную основу, и без неё не обойтись, когда речь идёт о финале романа и его обсуждении в 1940 г. Заочное знакомство Сталина и Шолохова состоялось в 1929 г., когда с выходом первых двух книг (журнал “Октябрь”, 1928 и 1929 гг.) на писателя обрушилась всесоюзная известность, выразившаяся в многочисленных рецензиях на роман из разных писательских лагерей, включая русскую эмиграцию, а также в небывалом дотоле потоке писем от читателей со всех уголков Союза. Роман “Тихий Дон” стал *главной книгой* всей страны.

Литературная жизнь выхода первых двух книг романа отмечена пиком ожесточённой литературной борьбы пролетарских писателей с “попутчиками”, которая во многом отражала внутрисоветскую борьбу в партии с левой и правой оппозицией. В 1928 г. случился масштабный кризис заготовительной кампании, положивший начало репрессивной коллективизации. Вторая книга завершалась документальным описанием гибели отряда красных казаков Ф.Г. Подтёлкова и М.В. Кривошлыкова⁴. Однако финальные аккорды к картине кровавой бойни в дни православной Пасхи исполнены на языке двух символических образов — часовни Божией матери на могиле Валета с чёрной вязью славянского письма “В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата” и описания дикой природы: “И ещё — в мае бились возле часовни стрепета. <...> А спустя немного, тут же возле часовни, под кочкой, под лохматым покровом старюки-полюны, положила самка стрепета девять дымято-синих краплёных яиц и села на них, грея их теплом своего тела, защищая глянцем оперённых крылом” [9, т. 1, с. 691]. Эти образы вплетают историческое событие в контекст большой русской литературы, в том числе традиций чистого искусства и чистой лирики XIX в., представленных именами А.А. Фета, А.К. Толстого и А.А. Голенищева-Кутузова⁵. К стихотворению последнего, как известно, восходят строки на шолоховской часовне. Сто-

³ Подробно об истории публикации в журнале статей И.И. Кравченко и биографии фольклориста см. [12, с. 337–395].

⁴ По первоначальному замыслу именно этот исторический факт Гражданской войны на Дону должен был стать основным в повести “Донщина”.

⁵ Представителей “старой русской литературы” и “чистого искусства” признавали в те годы вредными и ненужными: “Такой лирике сейчас нечего делать. Такая лирика должна умолкнуть. Что могут они, утончённо-барские, сказать нашему времени о нашем времени” [15, с. 120, 130].

ит напомнить этот прекрасный текст [16, с. 63] русского поэта XIX в. и члена-корреспондента Императорской академии наук:

«В годину смут, унынья и разврата
Не осуждай заблудшегося брата;
Но ополчась молитвой и крестом,
Пред гордостью — свою смирай гордыню,
Пред злобою — любви познай святыню
И духа тьмы казни в себе самом.

Не говори: “Я капля в этом море!
Моя печаль бессильна в общем горе,
Моя любовь бесследно пропадёт...”
Смирись душой — и мощь свою постигнешь;
Поверь любви — и горы ты подвигнешь,
И укротишь пучину бурных вод!»

Безусловно, семантика неточной цитаты в тексте Шолохова ясна и без обращения к стихотворению Голенищева-Кутузова. Редуцируя и сжимая поэтический текст, писатель заменяет форму личного обращения лирического героя (“Я”) на формулу эпического сознания (“Мы”) и, можно сказать, возвращает литературный текст к исходному для него содержанию — Соборным посланиям апостолов Христа, для которых характерна форма “Мы”. “Братья” — архетип любого праведного человека, несущего, по словам апостолов, своё и чужое бремя: “Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот ещё во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нём соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идёт, потому что тьма ослепила ему глаза” (первое послание Иоанна, гл. 2, ст. 9–11). Замена, внесённая Шолоховым в лирическое стихотворение, привносит в исходный текст элемент абстрагирования и символизации, превращает лирическую исповедь, исполненную у Голенищева-Кутузова христианской интонации, в нравственный императив, адресованный каждому и всем.

В этом контексте нельзя отказать в прозорливости критику Н.Л. Янчевскому, который в 1930 г. на обсуждении “Тихого Дона” в редакции ростовского журнала “На подъёме” не только дал исчерпывающую, в духе времени, оценку контрреволюционного статуса старых казачьих песен в романе, но и отметил, что в финале второй книги Шолохов противопоставил “классовой правде” две правды: “не только казачью”, христианскую, «глубокое “лирическое отступление”, написанное в иконописных тонах», но и “правду природы, из которой выросла казачья правда” (цит. по [3, с. 432, 433]).

Если бы Шолохов поставил здесь финальную точку, “Тихий Дон” вошёл бы в золотой фонд русской классики. Философски и эстетически вторая книга романа обладает всеми признаками завершенности, о которой можно сказать словами класси-

ка И.Ф. Анненского: “Законная незаконченность поэтического образа” [17, с. 35].

Однако первые страницы третьей книги (посвящённой Верхнедонскому восстанию 1919 г., “донской Вандее”) отменяют победу образа над хроникой. Её публикация, начавшаяся в 1929 г., была тогда же приостановлена, и развернулась широкая дискуссия о “Тихом Доне” и его авторе. Со страниц пролетарских изданий звучали политические обвинения в идеализации прошлого, казачьего быта, кулачества и белогвардейщины, в игнорировании принципа классовости⁶. Не склонные к подобным нападкам считали, что талантливый молодой прозаик Шолохов должен избавиться от некоторых своих иллюзий и в третьей книге выстроить путь Григория Мелехова к советской власти. Другого выбора герою не оставляли ни А.С. Серафимович, ни А.В. Луначарский, ни критики попутнического направления. На ином пути автора романа “жадно подкарауливает гибель”, предупреждал Серафимович, и выдвинул спасительное для героя и автора решение: “Дон исчерпан. Исчерпано крестьянство в своеобразной казачьей общине. И если молодой писатель не войдёт в самую толщу пролетариата; если он не сумеет также удивительно впить в себя лицо рабочего класса, его движения, его волю, его борьбу, — если не сумеет этого сделать, погиб народившийся писатель. Если не сумеет всосать в себя великое учение коммунизма, проникнуться им, погиб писатель” [20, с. 6].

В марте 1929 г. арсенал борьбы с Шолоховым пополнился ещё одним, весьма популярным аргументом в литературной борьбе — обвинением в плагиате. Шолохов представил комиссии, которая рассматривала это обвинение, папку с рукописными материалами первой и второй книг романа. Тем не менее публичное опровержение клеветы не сняло вопрос Шолохова с повестки дня. В водовороте обрушившихся на писателя в 1929 г. требований редколлегии “Октября” — исправить допущенные в третьей книге фундаментальные политические ошибки — особняком стоит письмо Шолохова, посвящённое коллективизации на Дону. Оно было отправлено летом 1929 г. в Москву (Е.Г. Левицкой) и тогда же передано Сталину: “Жмут на кулака, а середняк уже *раздавлен*. Беднота голодает. Имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хопёрском уезде у самого истога середняка, зачистую даже маломощного. Народ звереет, настро-

⁶ См. выступления на дискуссии в Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) в сентябре 1929 г.: “Шолохов читал мне ряд глав, и я ему сказал, что это нужно выкинуть ко всем чертям, у тебя эти места не удались” (А.А. Фадеев, руководитель РАППа); «“Тихий Дон” парализует партийные документы (постановления партии), с коими подходишь к казаку...” (А.И. Бусыгин, руководитель Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей с центром в Ростове-на-Дону, СКАПП) [18, с. 56, 57]; «...явно беспартийный “Тихий Дон” Шолохова идеализирует кулачество» [19, с. 38] и др.

ние подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится” [1, с. 34]. 16 января 1931 г. — уже прямое письмо Сталину об “угрожающем положении в ряде районов Северо-Кавказского края”: “Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается, когда видишь всё это своими глазами, когда ходишь по колхозным конюшням, мимо *лежащих* лошадей; когда говоришь с колхозником и не видишь глаз его, опущенных в землю. По слободам ходят чудовищно разжиревшие собаки, по шляхам валяются трупы лошадей” [1, с. 64].

В июне 1931 г. на даче Горького состоялась встреча Шолохова со Сталиным, на которой было принято решение о продолжении публикации “Тихого Дона”. В 1932 г. отдельным изданием вышла третья книга “Тихого Дона”, а также первая книга “Поднятой целины”. Второй роман отвлек литературную общественность от проблемного “Тихого Дона”, его третьей книги, в которой рассказано, что одной из причин Верхнедонского восстания и пути Григория Мелехова (он становится командиром повстанческой дивизии) стала репрессивная политика “раскалывания” советской власти. Историки тоже постарались проигнорировать эту книгу, так как в то время они писали политически выверенную историю Гражданской войны⁷.

Между публикацией третьей и четвертой книг “Тихого Дона” образовался большой временной разрыв. Это никак нельзя списать на обстоятельства, как в случае с задержкой публикации третьей книги (1929 г. — начало, 1932 г. — завершение). С 1934 г. в письмах, публичных выступлениях и интервью Шолохов заявлял, что заканчивает работу над последней книгой, и каждый год — новое клятвенное обещание. «В этом году мне крайне необходимо разделаться с “Т[ихим] Д[оном]” и “Целиной”» (письмо Е.Г. Левицкой от 15 января 1934 г. [1, с. 151]); «В этом году хочу непременно закончить “Тих[ий] Дон”» (письмо Левицкой от 7 апреля 1934 г. [1, с. 157]). «Сижу, заканчиваю “Тихий Дон”. Что-то всё не так получается, как хотелось бы» (письмо Левицкой от 4 марта 1935 г. [1, с. 162]); «Кончу его в конце года, если добрые люди не будут мешать» (письмо в редакцию журнала “Новый мир” от 16 октября 1935 г. [1, с. 167]); “4 книга будет готова не раньше конца этого года” (письмо читательнице Кадышевой от 17 октября 1935 г. [1, с. 169]); “К печати она (четвертая книга. — Н.К.) будет готова, по всей вероятности, в феврале. В ней разрешаются все тематические линии романа”⁸; «К весне сдам “Тихий Дон”. Оста-

лось ещё одно последнее сказанье — и всё!» (письмо Левицкой от 27 декабря 1935 г. [1, с. 170]). “В Сочи непременно приеду, как только разделаюсь с окаянной книгой” (письмо Н. Островскому от 14 августа 1936 г. [1, с. 174]); «Яростно корплю над 4-й “Тих[ого] Дона” и уже зрю конец...» (письмо Ф. Князеву от 30 сентября 1936 г. [1, с. 175]). «Я ещё не закончил последнюю книгу “Тихого Д[она]”» (письмо Г. Борисову от 5 января 1937 г. [1, с. 178]).

Отдельные главы четвертой книги с 1935 г. печатались в центральных газетах (“Известия”, “Правда”, “Литературная газета”); седьмая часть целиком будет опубликована в “Новом мире” в 1938 г. Кажется бы, вот он — открытый финал романа, наконец-то правильный жизненный путь, выбранный Григорием Мелеховым, на который ему указывали ещё в 1929 г. Седьмая часть романа представляет историю разгрома Верхнедонского (Вёшенского) восстания: отступление Белой армии и казачьих частей, их эвакуацию на английские пароходы в Новороссийске. “Нет, не поеду”, — таков ответ Мелехова на адресованный ему вопрос “Поедешь или нет?” и сюжетная развязка. Григорий принял решение и едет навстречу вступающим в город частям Красной армии: “Навстречу ему из-за угла, пластаясь в бешеном налёте, вылетели шесть конных с обнажёнными клинками. У переднего всадника на груди кровенел, как рана, кумачный бант” [9, т. 2, с. 612].

Завершающая роман восьмая часть появится нескоро. В длинном письме Сталину от 16 февраля 1938 г., полностью посвящённом репрессиям 1936—1937 гг. в Вёшенском районе, о “Тихом Доне” упоминается лишь в самом конце: “За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вёшенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живётся и сейчас” [1, с. 203]. В письме от 16 октября ни слова о романе: “Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу” [1, с. 211]. О том, что эта “большая нужда” затмила литературные дела, Шолохов признаётся в письме к Левицкой от 23 ноября: «Не пишу “Тих[ий] Дон” вот уже 8 м-цев...». И здесь же: “*Пишут со всех концов страны* и, знаете, дорогая Евгения Григорьевна, *так много человеческого горя на меня ввалили*, что я уж начал гнутья. Слишком много для одного человека” (курсив мой. — Н.К.) [1, с. 214].

По своему пафосу история ходатайств Шолохова по делам народным — в высшей степени пушкинская, традиционная для русской классики. Ключевой для русской классической литературы вопрос отношений между жизнью и искусством, в котором Шолохов всегда отдавал приоритет жизни перед “гордостью мысли”, найдёт своё отражение в сложнейшей архитектонике разноречивого “Тихого Дона” и в самом феномене исторических писем Шолохова Сталину. В этой традиции можно найти хоть какие-то объяснения некоторым странным яв-

⁷ 23 и 24 мая 1932 г. газета “Известия” печатает подробный план многолетнего проекта “История гражданской войны”. Том IV назывался “Казачья Вандея” и состоял из трёх частей: часть I — “Контрреволюция на Дону”, часть II — “Гражданская война на Северном Кавказе”, часть III — “Красный Царицын”. В этом же году опубликованный в газете текст вышел отдельной книгой.

⁸ «“Тихий Дон” будет закончен в феврале», — из беседы с М.А. Шолоховым [21, с. 6].

лениям литературной жизни 1930-х годов. Самый читаемый писатель советской литературы, автор трёх книг “Тихого Дона” и первой книги “Поднятой целины”, “полпред книг” советской литературы за рубежом⁹ не выступал на Первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 г., не принимал участия ни в одном из пленумов Союза писателей, не высказывался публично на политических процессах 1936–1938 гг., освещавшихся во всех центральных газетах. При этом не только народный (массовый, как тогда говорили) читатель выбрал “Тихий Дон” главной книгой десятилетия, но и самая элитарная европейская литературная общественность. Ещё до публикации четвёртой книги “Тихого Дона” шведские критики называли Шолохова реальным претендентом на Нобелевскую премию [23, с. 504–508]. Избрание писателя в академики АН СССР 28 января 1939 г. стало признанием его таланта и особого статуса в жизни страны.

Сохранилось не так много свидетельств о завершении работы над последними главами романа в 1939 г. Среди них письма к Е.Г. Левицкой от 30 июля: «Полтора месяца не брался за перо и вот только сейчас сажусь отвечать на письма, а за “Т[ихий] Д[он]” что-то боюсь братья; хочу дать голове прийти в норму. <...> Поохотимся... а там уж возьмусь и dokonчу этот осточертевший мне и добрым людям “Т[ихий] Д[он]”» [1, с. 218]; и И.В. Сталину от 11 декабря: «На днях, после тринадцатилетней работы, я кончаю “Тихий Дон”» [1, с. 221]. В январе последняя часть романа поступила в журнал “Новый мир”, о чём 29 января 1940 г. Шолохов сообщил Сталину: «Привёз конец “Тихого Дона” и очень хотел бы поговорить с Вами о книге» [1, с. 222]. В феврале–марте 1940 г. в “Новом мире” были напечатаны последние главы “Тихого Дона”. Многие пытались вывести у Шолохова, какими всё-таки они будут, строили предположения, но не угадал никто. Его лаконичный ответ 1935 г. на вопрос, что ожидает героев в финале “Тихого Дона”, — “Правдивый конец” [24, с. 3], — критики постарались не заметить. Каждая эпоха по-своему трактует понятие правды.

Возвращение домой — сквозная тема последней части. С этого начинается первая глава об оправившейся от тяжёлой болезни Аксиньи, твёрдо решившей возвращаться в хутор Татарский; в родной хутор вернулись уходившие в отступ казаки, в том числе воевавшие с Григорием Мелеховым, а из Красной армии — большевик Мишка Кошевой, возлюбленный Дуняши Мелеховой. Мать и Аксинья ждут возвращения Григория. Страницы, посвящённые последним дням жизни “надломленной страданием” [9, т. 2, с. 636], “мудрой и мужественной старухи” [9, т. 2, с. 642] Ильиничны, — вершинные в рус-

ской литературе. Возвращение Григория Мелехова домой задаёт новый виток пути героя: столкновение с Кошевым, предупреждение Дуняши об аресте; банда Фомина и уход из банды; гибель Аксиньи, возвращение в хутор Татарский:

“Григорий подошёл к спуску, — задыхаясь, хрипло окликнул сына:

— Мишенька!.. Сынок!..

Мишатка испуганно взглянул на него и опустил глаза. Он угадал в этом бородастом и страшном на вид человеке отца... <...>

Что ж, вот и сбылось то немногое, о чём бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот дома, держал на руках сына...

Это было всё, что осталось у него в жизни, что пока ещё роднило его с землёй и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром” [9, т. 2, с. 780].

Литературная общественность не сразу откликнулась на завершение романа. Финал ошеломил сознательных и неискушённых читателей, критиков и собратьев-писателей. Весной 1940 г. ведущие критики были сосредоточены на мероприятиях, посвящённых 10-летию со дня смерти В. Маяковского, и ситуации вокруг журнала “Литературный критик”. Может быть, именно поэтому разговор о романе Шолохова открылся в “Литературной газете” (1 марта) статьёй редактора Гослитиздата Ю.Б. Лукина «Окончание “Тихого Дона”». 23 марта в “Правде” вышла статья известного журналиста Д.И. Заславского, вполне благожелательная, правда, с некоторыми “но” касательно позиции автора, который почему-то не рассказал о жизни Мелехова в Красной армии: «Четвёртая книга “Тихого Дона” показывает, как оправдалось замечательное предвидение товарища Сталина, как победила новая, пролетарская стратегия, основанная на учёте классовых сил. <...> Четвёртая книга достойно завершает эпопею гражданской войны на Дону. <...> Правда, это односторонняя эпопея. Свет и тени неравномерно распределены на полотне “Тихого Дона”. Солнечным светом залито всё, что находится в пределах станции Вёшенской»¹⁰ [25].

19 мая на первой дискуссии в секции критиков, посвящённой четвёртой книге, был затронут ряд вопросов, связанных с завершением истории Григория Мелехова и финалом романа. Все выступавшие единодушно признали высокое мастерство “великого художника”: “Эта восьмая часть написана так, что многие вряд ли предугадали, или могли предугадать то, что там написано” (В.Ц. Гоффеншефер [26, с. 242]); “Многие ожидания не оправдались. Многие хотели видеть Григория большевиком. Многие хотели, чтоб он погиб. Художник поступил

⁹ Из выступления литератора С.М. Третьякова на Первом съезде советских писателей. Он также отметил, что на Западе автор “Тихого Дона” воспринимается как “фигура легендарная и даже сенсационная” [22, с. 344].

¹⁰ Примечательная описка: основные события романа разворачиваются в хуторе Татарском, а в Вёшенской живёт сам Шолохов.

так, как ему показалось лучше” (С. Кирьянов [26, с. 273]); “Ничего другого в судьбе Григория, кроме того, что там написано, [произойти не могло, это] как действие закона физики, — так показан характер и так показана судьба. Это для меня было просто открытием. Такого чувства я давно не испытывал от чтения художественных произведений” (В.О. Перцов [26, с. 272]).

Пожалуй, лишь в выступлении А.А. Бека был сформулирован главный для советской литературы вопрос о том, как соотнести образ положительного героя литературы социалистического реализма и Григория Мелехова: “Безусловно, это самый настоящий положительный герой. Это герой, на стороне которого все симпатии читателя, который является реалистическим героем, которого автор любит, читатель любит и т.д. С точки зрения всего построения образа в романе здесь не может быть сомнения никакого. Другое дело с точки зрения советской власти... Тут мало найдётся людей, которые будут утверждать это. <...> Это — враг, и он должен быть наказан. Но в романе, конечно, это самый положительный герой, самый дорогой читателю. <...> Мне кажется, что центральная задача нашей литературы именно заключается в том, чтобы с такой же силой, или большей, создать образ людей, которые мыслят, строят, рубят, — в том числе и головы таким людям, как Григорий. Тогда это будет произведение, которое решает центральную задачу” [26, с. 278–280]. Бека не раз одёргивали, словно не желая, чтобы он привёл свою речь к логическому завершению.

Заключительные слова руководителя секции критиков ССП В.Я. Кирпотина обозначили главное направление разработки проблематики “Тихого Дона”, которой теперь должны были заниматься критики, помогая читателю правильно понимать роман: «Шолохов — писатель советский, писатель социализма, об этом спору не может быть... “Тихий Дон” — это самый совершенный советский эпический роман» [26, с. 291, 292].

Не все выступавшие на заседании секции обнародовали свою позицию, тем не менее схема обсуждения в целом сложилась. Летом в “Литературной газете” одна за другой выходили статьи критиков о романе. Фигура читателя присутствует практически везде, но это уже просто риторическая формула, которая демонстрирует, с одной стороны, единство взглядов читателя, критика и писателя, с другой, заботу о мировоззрении читателя, который может неправильно истолковать финал “Тихого Дона”, поэтому “читательской массе” необходимо разъяснить, как следует понимать возвращение Мелехова к порогу родного дома: “Можно пожалеть о том, что Шолохов не воспользовался образом Григория Мелехова, к которому он сумел привлечь внимание и симпатии миллионов читателей для того, чтобы сделать его образом типичным для большинства трудового казачества” [27, с. 4];

“Скорбь читателя о судьбе Григория Мелехова есть одновременно радость за тех, кому уже не страшны никакие яды старого мира, за весь наш народ, за его могучее сталинское единство, за преодоление неслыханных трудностей. <...> Читатели и критики правильно воспринимают Григория Мелехова в восьмой части, как другого, особенного человека, по сравнению с Григорием, известным нам по предшествующим частям романа. Этот новый, особый, другой Мелехов уже не имеет права на трагедию” [28, с. 3].

15 и 26 августа состоялись закрытые заседания президиума правления Союза писателей, посвящённые выдвижению кандидатов на Сталинскую премию. Их проводил П.А. Павленко — в те дни заместитель исполняющего обязанности секретаря президиума ССП. В первый день был составлен длинный список возможных лауреатов главной литературной премии страны, известных писателей и критиков. Во второй день после обсуждения было принято решение ограничиться лишь одним произведением, опубликованным в 1940 г.: «Имея в виду большое политическое значение, какое будет иметь присуждение премии им. т. Сталина за лучшее произведение 1940 года, представить Комитету по Сталинским премиям одну кандидатуру — кандидатуру т. Шолохова и роман его “Тихий Дон”, окончание которого приходится на 1940 год» [29].

9 сентября в ЦК партии состоялось совещание, посвящённое широкому кругу идеологических вопросов современной культуры, которые были сформулированы в докладной записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Жданову от 30 августа. В записке речь шла о пьесе Л.Л. Леонова “Метель”, указывалось на грубые просчёты известного писателя в изображении героев Гражданской войны и их врагов, а сама пьеса характеризовалась как “клевета на советскую действительность” [30, с. 449]. На совещании 9 сентября, в центре которого оказался фильм “Закон жизни” по сценарию писателя А.О. Авдеенко, теме изображения врагов было посвящено большое выступление Сталина. Его основные претензии заключались в следующем: “Дело вовсе не в том, что Авдеенко изображает врагов прилично, а дело в том, что нашего брата он в тени оставляет. <...> Не хватает красок изобразить наших людей. <...> Я хотел бы знать, кому из героев он сочувствует? Во всяком случае, не большевикам. Почему же у него в противном случае не хватило красок показать настоящих людей? Откуда взялись Чкаловы, Громы? Откуда же они взялись, ведь они с неба не падают? Почему не хватает красок на то, чтобы показать хороших людей?” [30, с. 451–454].

Преподнесённая Сталиным одна из важных тем русской литературы — изображение положительного героя — во многом объясняет ряд партийных поста-

новлений осени 1940 г.¹¹, а также главное направление в интерпретации финала “Тихого Дона”, когда едва ли не основным становится сопоставление авторской подачи образов Григория Мелехова (врага) и Мишки Кошевого (большевика): «Михаил Шолохов — писатель огромной известности, *книгами его увлекаются — и по заслугам*. Однако образы коммунистов являются наименее разработанными, наименее совершенными в его книгах. Если бы коммунист Мишка Кошевой, такой же казак, как Мелехов, был выведен в “Тихом Доне” с такой же полнотой и с таким же совершенством, как Григорий, каким бы он стал *любимым героем читателя*, и многое в романе стало бы яснее, много *читательских недоумений* было бы снято» (курсив наш — Н.К.) [31, 32]. Вероятно, с сентябрьским поворотом в литературно-политической жизни связано и принятое 8 октября на заседании президиума правления ССП (под председательством А.А. Фадеева) решение выдвинуть на Сталинскую премию не только “Тихий Дон”, но и другие произведения: романы С.Н. Сергеева-Ценского, В.Л. Василевской, поэму Н.Н. Асеева, сборник стихов С.П. Щипачёва.

На проходивших с 12 октября курсах-конференциях для молодых критиков, прибывших в Москву из 30 регионов страны [33], вопросы о финале “Тихого Дона” чаще всего были адресованы ведущим московским критикам Л.И. Тимофееву, Ф.М. Левину, Е.Ф. Усиевич и В.В. Ермилову. Стенограммы этих заседаний интересны не только вопросами, которые звучали с места, высказываниями известных представителей литературной жизни того десятилетия, но и общей атмосферой, сложившейся вокруг романа Шолохова. Приведём небольшие фрагменты из стенограмм встречи с членами редколлегии журнала “Литературный критик” Ф.М. Левиным и Е.Ф. Усиевич.

Из стенограммы беседы Левина с курсантами 13 октября 1940 г.

ЛЕВИН. Они (речь идёт о выступлениях критиков на страницах “Литературной газеты”. — Н.К.) чрезвычайно неверно поняли борьбу за советского героя, навалились на Шолохова и неправильно, несвоевременно поместили ряд статей о Шолохове. В этих статьях указывается, что Шолохов не дал нам образа настоящего большевика, Михаил Кошевой — это сравнительно плохой образ большевика, а Григорий Мелехов — это просто враг. Повелась атака на Шолохова под тем предлогом, что в ЦК на совещании было указано, что мы должны изобразить

наших людей и т.д. Я думаю, что “Литературная газета” допускает серьёзную ошибку. Пока это нигде не замечено, но, может быть, “Правда” об этом напишет. Начинают прорабатывать одного из лучших наших писателей. Можно дискутировать о Шолохове, надо дать место такой точке зрения, но большинство статей в “Литературной газете” именно на это напирало. Люди выступают с трибуны. Об этом писали Кирпотин, Ермилов, Чарный. Чарный написал две статьи, в которых указал, что у Шолохова герой белогвардеец, нет образа советского героя. Я взял книгу Чарного о Шолохове, написанную в 1934 г., и обнаружил и там такие же моменты, и даже мысль, что Шолохов по своей идеологии выражает настроение зажиточного казачества. Я посмотрел, что писали о Шолохове ещё раньше, в 1930 г., когда вышла первая часть “Тихого Дона”. Я нашёл высказывание критика Тоом. У нас иногда шутят: “Тоом говорит всё не о том”. Тоом и критик Бек выступили прямо с указанием, что роман Шолохова — это не социалистический реализм, что Шолохов идеолог кулачества, что его критика вредная, антисоветская книга. Они прямо с трибуны выступили с такими заявлениями. Во времена РАППа также об этом говорили. Я подумал, с каким же лицом Чарный берёт свои старые идейки, неверные мысли 1934 г., мысли с рапповским душком, разогревает этот старый бифштекс на сковородке, поливает соусом беседы в ЦК и печатает в “Лит. газете”. Редакция этого не оспаривает. Дискуссия приобретает односторонний характер [34]¹².

Из стенограммы беседы Е.Ф. Усиевич и В.В. Ермилова на курсах-конференциях критиков 24 октября 1940 г.

УСИЕВИЧ. У меня на днях был один наш писатель, не из худших, крупный писатель. Мы разговаривались. Была интимная беседа. Он мне сказал такую вещь: “Почему наши писатели плохи? Потому что у нас для того, чтобы стать хорошим писателем, нужен героизм, нужно быть героем, потому что человека преследуют, не дают ему писать то, что он хочет, и для того, чтобы писать правду, — надо быть героем, а нельзя от всякого требовать, чтобы он был героем”. При этом присутствовал один партийный человек, который сказал: “А ведь он прав, действительно, нельзя же от всякого требовать, чтобы он был героем”. У меня противоположное мнение. Писатель, как критик, так и прозаик, и поэт, должен быть героем. Писатель, кто бы он ни был по жанру, пишет для народа — для народа, от которого

¹¹ Речь идёт о партийных постановлениях по идеологическим вопросам современной литературы, принятым 14 сентября (о пьесах А.Г. Глебова “Начистоту”, В.П. Катаева “Домик” и М.Э. Казакова “Когда один”), 18 сентября (о пьесе Л.Л. Леонова “Метель”), 2 октября (о книге Н. Борисова “Выговор”), 29 октября (о сборнике А. Ахматовой “Из шести книг” и др.) [30, с. 455–462].

¹² О статье М.Б. Чарного в “Литературной газете” см. выше; его статья о “Тихом Доне” также печаталась в журнале “Октябрь” (1940. № 9). В 1934 г. в серии “Массовая критическая библиотека” вышла небольшая книга «В чём сила “Поднятой целины”». Критики Л.В. Тоом и А.А. Бек (будущий известный прозаик) в 1929–1930 гг. принимали активное участие в дискуссиях о “Тихом Доне” в РАППе.

мы требуем героизма. У нас героическое время, от народа требуется героизм в любой момент, а писатель, который учит его жизни, требует для себя права не быть героем! <...> Если стремишься к лёгкой жизни — не будешь хорошим критиком, не будешь хорошим писателем. Это — первое. Это аксиома. Все писатели, даже писатели прошлого, возьмите такого, как Бальзак, должны были обладать огромным мужеством для того, чтобы писать правду. <...> А что такое новатор — это с трудом объясняли. Выходило, что если у них построение фразы не совсем такое, как у других, то он — новатор. <...> Областной писатель — сам термин мне кажется каким-то странным. Нельзя же назвать Льва Толстого тульским писателем. Или же Шолохова нельзя назвать донским писателем. Тоже областной писатель! Живёт там. Я не знаю, почему нужно так подходить. Я считаю, что это большая ошибка, тем более я думаю, что они вовсе не нуждаются в скидке.

С МЕСТА. Ваше мнение о четвёртой книге Шолохова?

УСИЕВИЧ. У меня мнение такое: я удивляюсь тому, что люди чего-то ждали другого от Григория Мелехова. Честность Шолохова как писателя сказалась в том, что он, создав живой образ Григория Мелехова, не может делать с ним всё, что хочет. Он развивается, как живой человек. Писатель, который может закончить свою вещь, как хочет, пишет, пишет, а потом заканчивает так: была девушка, были её жених и бабушка, а через год оказалось, что Паша пошёл на охоту и нечаянно застрелился из ружья; или: а вечером бабушка повесилась. А бабушке не свойственно было вешаться! Пока этот роман тянулся, я была очень заинтересована. Я думала: неужели он приведёт его в колхоз? Он же не лезет в колхоз. Я как-то Шолохова спросила года полтора назад:

— Что вы думаете сделать с Мелеховым?

— Я сам не знаю. Я всё пытаюсь его на сторону красных перетянуть, а он у меня вырывается.

Один критик ему посоветовал:

— А вы его убейте.

Но это же не выход для писателя. Шолохов бился, бился. Вследствие этих его усилий его роман, по-моему, немножко растянут. Вот-вот Мелехов к белым перейдёт, а Шолохов его тянет. Мне кажется, что критики, которые сейчас накинлись на Шолохова, неправы вот почему: если бы они ставили вопрос, что Шолохов неправильно выбрал героя, надо было писать о ком-то другом — такую постановку вопроса я поняла, но тогда это нужно не сейчас говорить, а после первого тома. Но знать Григория Мелехова по трём томам и ожидать, что он будет красным, по-моему, нет оснований. Его стремление к личной независимости очень велико. По этому вопросу я разошлась в своих оценках даже с большинством тех критиков, с которыми я обычно бываю согласна.

Когда ставят вопрос: нет, Григорий Мелехов хороший, но Кошевой ему мешает, такая тупица, вместо того, чтобы встречать его с распростёртыми объятиями, он подозрительно к нему подходит; если бы он его не преследовал, тогда всё было бы хорошо, — можно сейчас, сидя здесь, в сороковом году такие вещи говорить, и то людям, которые не жили в 19–20-х годах. Если бы коммунист Кошевой поступил иначе, чем он поступил в 1919 г., он бы оказался плохим большевиком. Он правильно подошёл. Кошевой рассуждал: этот человек переметывался несколько раз. Где у него уверенность, что какая-нибудь вождя под хвост ему не попадёт и он ещё раз не переметнётся? Кошевой, со своей точки зрения, прав, был прав, и не только со своей точки зрения — он был прав с точки зрения партии. А вместе с тем Мелехов имел намерение сидеть спокойно, и, может быть, действительно он бы ещё годик-два посидел. Что было бы дальше — неизвестно. И зря пишет Ермилов, что трагедии нет, — он уже бандит, он уже не представитель никакого слоя, какая же это трагедия? Трагедия заключается в том, что он бандитом делается. Это трагедия. Но ни у какого Маркса, ни у какого Энгельса нигде не написано, что классовая борьба — это вещь не трагическая. И требовать, чтобы она была не трагична, или требовать, чтобы трагедии отдельных людей замазывались, — это глупое требование. <...>

С МЕСТА. Приводят знаменитое положение о типических условиях, о типическом характере. Мне кажется, нельзя говорить, что Григорий Мелехов ни в какие рамки не лезет.

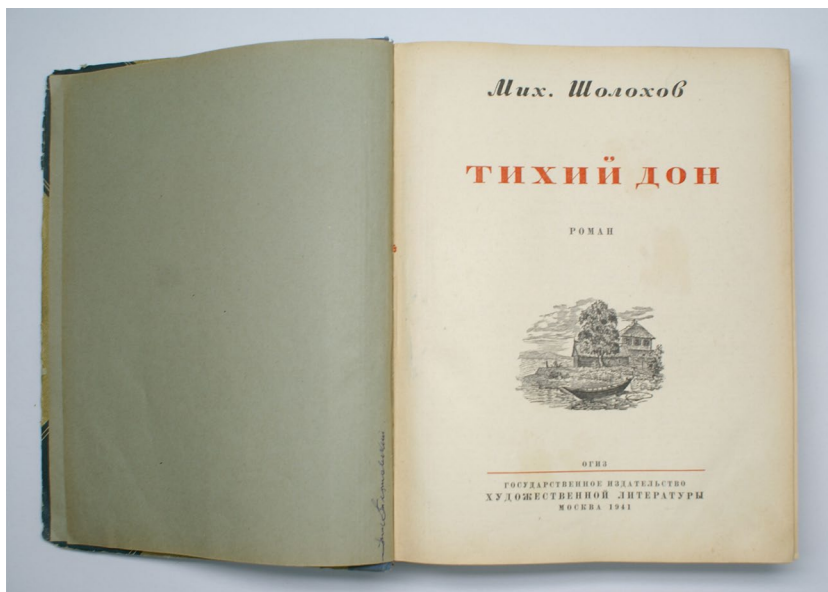
УСИЕВИЧ. Я говорю, что он не лезет в колхоз, в колхозные рамки. Это не значит, что он ни в какие рамки не лезет.

С МЕСТА. В некоторых статьях такой подход.

УСИЕВИЧ. Это неправильный подход. Типический характер — это вовсе не означает рядового представителя какой-нибудь прослойки. Подлинный типический характер часто вообще не встречается в жизни в чистом виде [35].

Тема финала “Тихого Дона” и читателя ещё более резко, чем в критике, будет сформулирована 18 ноября в выступлениях писателей на заседании Комитета по Сталинским премиям. Это был разговор о главных вопросах творчества, разговор столь же жёсткий, сколь и предельно искренний (курсив в цитатах наш. — *Н.К.*).

А. Толстой: «Книга “Тихий Дон” вызвала и восторги, и огорчения среди читателей. Общеизвестно, что много читателей в письмах своих требуют от Шолохова продолжения романа. Конец 4-й книги (вернее, вся та часть повествования, где герой романа Григорий Мелехов, представитель крепкого казачества, талантливый и страстный человек, уходит в бандиты) компрометирует у читателя и мя-

Однотомное издание романа “Тихий Дон” 1941 г.

тующийся образ Григория Мелехова, и весь созданный Шолоховым мир образов <...>. Такой конец “Тихого Дона” — замысел или ошибка? Я думаю, что ошибка. Причём ошибка в том случае, если на этой 4-й книге “Тихий Дон” кончается... Но нам кажется, что *эта ошибка будет исправлена волей читательских масс*, требующих от автора продолжения жизни Григория Мелехова. <...> Григорий не должен уйти из литературы как бандит» [3, с. 500, 501].

А. Фадеев: “Все мы обижены концом произведения, в самых лучших советских чувствах. Потому что 14 лет ждали конца, а Шолохов привёл любимого героя к моральному опустошению. 14 лет писал, как люди друг другу рубили головы, — и ничего не получилось в результате рубки. <...> Как у всякого истинного таланта, у Шолохова есть много правдивых картин. Например, смерть Подтёлкова. <...> Вот благодаря этому народ полюбил это произведение и поднял его на такую высоту. Но в завершении роман должен был прояснить идею. А Шолохов поставил читателя в тупик. И вот это ставит нас в *затруднительное положение*” [3, с. 503, 504].

А. Корнейчук: “Я согласен, что у читателей *остаётся чувство неудовлетворённости*. Мы хотели, чтобы Мелехов не так кончил. <...> Я тоже не согласен с концом. Вероятно, он будет писать пятую книгу. *Читатель требует*, чтобы он нашёл конец другого порядка [3, с. 505].

Н. Асеев: “Мы говорим, что, с одной стороны, это произведение заслуживает внимания, что это — выдающееся произведение, а с другой стороны, мы говорим: как же быть? *Какое влияние оно оказывает на наших читателей* и за границей? <...> Неправильно, что мы предъявляем счёт Шолохову в порочном

конце романа. Надо как-то разобраться. А в этом разобраться трудно. Но качественно литературно великолепная вещь может оказаться вредной идейно” [3, с. 514, 515].

А. Толстой: «Правильно был поставлен вопрос Асеевым, вреден ли “Тихий Дон”. Я думаю, что мы на это получим такой ответ: *читатель наш настолько вырос*, что он сам поправляет, вмешивается в творчество писателя. Читатель любит этот роман, “лезет туда с сапогами” и говорит: “Не так! Пиши 5-ю книгу!” *Читатель — это не такое существо, которое мы должны наполнять, а он будет кушать*. Нет, он пополняет художника, участвует в его творчестве — вопрос о вреде надо снять. <...> Это большое художественное произведение, огромное. С ошибкой, которая идёт с самого начала, в архитектонике, в конструкции этого романа. Нельзя свести революцию к судьбе одной семьи. *Шолохов должен раздвинуть рамки трагедии*” [3, с. 517, 518].

На тайном голосовании 25 ноября из 35 членов Комитета был подан 31 голос за “Тихий Дон” [3, с. 524]. На закономерный вопрос, почему большая дискуссия о “Тихом Доне” не была открыта, А.А. Фадеев ответил в выступлениях, также не предназначенных для печати. 17 декабря на заседании президиума ССП, посвящённом постановлению о критике¹³, Фадеев убеждал собравшихся, что ликвидацию журнала “Литературный критик” и секции критиков могут воспринять неправильно, что это якобы сделано “для посрамления критики”, но

¹³Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) “О литературной критике и библиографии” от 26 ноября 1940 г. подведёт итоги развернувшейся в 1939–1940 гг. войне критиков: ликвидирована секция критиков и прекращено издание журнала “Литературный критик” [30, с. 462, 463].

это неверно: это сделано для того, “чтобы ликвидировать обособление критиков от писателей” [36, л. 36]. Представляя от имени руководства Союза писателей новый проект — организацию в будущем году творческих дискуссий о самых значительных произведениях советской литературы — он был просто вынужден упомянуть “Тихий Дон”, так объяснив отказ от запланированной большой дискуссии о романе Шолохова: “Конечно, это такое крупное могучее произведение, на котором мы можем поднять очень интересную и большую дискуссию по существу вопросов, поставленных в этом произведении; тем более, что в печати уже такая дискуссия была, есть много точек зрения. Но тут есть одно соображение: Комитет по сталинским премиям постановил премировать тов. Шолохова за это произведение. Очевидно, через несколько дней это решение состоится, я так предполагаю. Премирование произведения — это уже есть произведение, как-то оценённое государством. Не получится ли таким образом, что уже немного поздновато об этом говорить. (*Сместа.* Конечно, получится неловко: произведение только что удостоено премии, а мы начнём говорить: конец плоховат и т.д.)” [36, л. 28, 29].

Лаконично сложившуюся ситуацию описал в своём выступлении П.А. Павленко: “Мы должны признаться, что мы устали, нам надоело работать в Союзе. Бывают же у людей профессиональные заболевания. Мы притупились немного, может быть, действительно, нам пора переизбираться? <...> Лучше писать книги, на страшном суде ведь именно это зачтётся” [36, л. 68].

30 декабря на последнем заседании Комитета по Сталинским премиям Фадеев обоснует свою позицию как руководителя Союза писателей: «Я выдвигал веские соображения против “Тихого Дона”, когда была одна премия. Я опасался, что это будет утверждать определённую линию в литературе. Но в числе трёх премий было бы странно возражать против “Тихого Дона”, потому что эта книга талантлива, заслуживает премии» [3, с. 532]. Масштабные творческие дискуссии, о которых говорил Фадеев, пройдут в 1941 г. (материалы обсуждений главных книг современной литературы печатались в “Литературной газете”) без участия Шолохова и его романа.

Сам автор “Тихого Дона”, входивший в состав Комитета по Сталинской премии, не присутствовал ни на одном его заседании. Летом 1940 г., когда разворачивалось обсуждение романа, он вновь был занят далёкими от литературы вопросами, что подтверждается его письмом Сталину от 19 августа с просьбой принять его “по вопросам колхозного хозяйства северных р-нов Дона” (речь шла о бедственном положении с хлебозаготовками).

“Он пришёл туда, куда ему надо было” [10, с. 639] — это утяжелённое авторское слово на по-

следней странице второй книги “Поднятой целины” (1955–1959), сопровождающее приход Андрея Размётнова на могилу забытой жены, можно прочитать и как шолоховский ответ на вечный вопрос о финале романа “Тихий Дон” и истории Григория Мелехова, который тоже “пришёл туда, куда ему надо было”... Перекликающиеся финалы двух романов очевидны в той всеобъемлющей картине мира, в которую вписаны судьбы их героев и которой завершается второй роман писателя:

“Он долго стоял с непокрытой головой, словно прислушивался и ждал ответа, стоял, не шевелясь, по-стариковски горбясь. Дул в лицо ему тёплый ветер, накрапывал тёплый дождь... За Доном бело вспыхивали зарницы, и суровые, безрадостные глаза Размётнова смотрели уже не вниз, не на обвалившийся край родной могилки, а туда, где за невидимой кромкой горизонта алым полымем озарялось сразу полнеба и, будя к жизни засыпающую природу, величаявая и буйная, как в жаркую летнюю пору, шла последняя в этом году гроза” [10, с. 639].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шолохов М.А.* Письма / Под общ. Ред. А.А. Козловского, Ф.Ф. Кузнецова, А.М. Ушакова. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
Sholokhov M.A. Letters / Ed. by A.A. Kozlovsky, F.F. Kuznetsov, A.M. Ushakov. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2003. (In Russ.)
2. *Шолохов М.* “Тихий Дон”. Динамическая транскрипция рукописи / Отв. ред. Г.Н. Воронцова. М.: ИМЛИ РАН, 2011.
Sholokhov M. “And Quiet Flows the Don”. Dynamic transcription of the manuscript / Ed. by G.N. Vorontsov. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2011. (In Russ.)
3. Новое о Михаиле Шолохове. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
New information about Mikhail Sholokhov. Research and materials. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2003. (In Russ.)
4. *Семёнова С.Г.* Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
Semenova S.G. The World of Mikhail Sholokhov's prose. From poetics to worldview. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2003. (In Russ.)
5. *Корниенко Н.В.* “Сказано русским языком...”. Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
Kornienko N.V. “Spoken in Russian...”. Andrei Platonov and Mikhail Sholokhov: Meetings in Russian Literature. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2003. (In Russ.)
6. *Кузнецов Ф.Ф.* “Тихий Дон”: судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

- Kuznetsov F.F.* "And Quiet Flows the Don": the fate and truth of a great novel. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2005. (In Russ.)
7. "Очень прошу ответить мне по существу...". Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955 / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020.
"I kindly ask you to answer me on the merits...". Letters from readers to M.A. Sholokhov. 1929–1955 / Ed. by N.V. Kornienko. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2020. (In Russ.)
 8. "К Вам с письмом советский читатель...". Письма читателей М.А. Шолохову. 1956–1984 / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
"A Soviet reader with a letter to you...". Letters from readers to M.A. Sholokhov. 1956–1984 / Ed. by N.V. Kornienko. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2022. (In Russ.)
 9. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Научное издание. В 2-х т. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
Sholokhov M.A. And Quiet Flows the Don. In 2 vols. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2018. (In Russ.)
 10. *Шолохов М.А.* Поднятая целина. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
Sholokhov M.A. Virgin Soil Uplifted. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2022. (In Russ.)
 11. *Павлов С.* Стихотворения Есенина // Литературное обозрение. 1940. № 11. С. 26.
Pavlov S. Yesenin's Poems // Literary Review. 1940, no. 11. (In Russ.)
 12. Творческое наследие М.А. Шолохова в начале XXI в. / Отв. ред. Ю.А. Дворяшин. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
M.A. Sholokhov's literary legacy in the early XXI century / Ed. by Yu.A. Dvoryashin. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2022. (In Russ.)
 13. Правда. 2 февраля 1940 г.
Pravda. February 2, 1940. (In Russ.)
 14. Сталинские премии литературы // Литературная газета. 5 февраля 1940.
Stalin Literature Prizes // Literaturnaya gazeta. February 5, 1940. (In Russ.)
 15. *Полонский В.* Концы и начала. Заметки о реконструктивном периоде советской литературы // Новый мир. 1931. № 1. С. 114–134.
Polonsky V. Endings and beginnings. Notes on the reconstructive period of Soviet literature // Novy Mir. 1931, no. 1, pp. 114–134. (In Russ.)
 16. Стихотворения графа А.А. Голенищева-Кутузова. СПб.: Тип. А.С. Суворова, 1884.
Poems by Count A.A. Golenishchev-Kutuzov. St. Petersburg: A.S. Suvorov Printing House, 1884. (In Russ.)
 17. *Анненский И.Ф.* Записная книжка 1898 г. Вып. 1: Учёно-комитетские рецензии 1899–1900 годов. Иваново: Юнона, 2000.
Annensky I.F. Notebook of 1898. Iss.1: Scholarly and Committee reviews of 1899–1900. Ivanovo: Junona, 2000. (In Russ.)
 18. Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества (материалы к биографии) / Сост. Н.Т. Кузнецова. М.: Галерея, 2005.
Mikhail Sholokhov. Chronicle of life and work (materials for a biography) / Comp. N.T. Kuznetsova. Moscow: Gallery, 2005. (In Russ.)
 19. *Камегулов А.Д.* Письмо товарищам // Печать и революция. 1930. № 5–6. С. 38.
Kamegulov A.D. Letter to comrades // The press and the revolution. 1930, no. 5–6, p. 38. (In Russ.)
 20. Серафимович А. "Тихий Дон" // Правда. 19 апреля 1928 г.
Serafimovich A. "And Quiet Flows the Don" // Pravda. April 19, 1928. (In Russ.)
 21. Литературная газета. 9 декабря 1935 г.
Literaturnaya gazeta. December 9, 1935. (In Russ.)
 22. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчёт. М.: ГИХЛ, 1934.
First All-Union Congress of Soviet Writers. Verbatim report. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1934. (In Russ.)
 23. *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017.
Marchenko T.V. Russian Literature in the Mirror of the Nobel Prize. Moscow: Azbukovnik, 2017. (In Russ.)
 24. *Дур.* Разговор с Шолоховым // Известия. 10 марта 1935 г.
Deer. Conversation with Sholokhov // Izvestia. March 10, 1935. (In Russ.)
 25. *Заславский Д.* Конец Григория Мелехова // Правда. 23 марта 1940 г.
Zaslavsky D. The End of Grigory Melekhov // Pravda. March 23, 1940. (In Russ.)
 26. *Антонова Е.В.* Стенограмма обсуждения четвёртой книги романа М.А. Шолохова "Тихий Дон" // Вёшенский вестник. 2023. № 23. С. 240–293.
Antonova E.V. Transcript of the discussion of the fourth book of the novel by M.A. Sholokhov "And Quiet Flows the Don" // Veshensky Vestnik. 2023, no. 23. (In Russ.)
 27. *Чарный М.Б.* О конце Григория Мелехова и конце романа // Литературная газета. 26 июня 1940 г.
Charny M.B. On the end of Grigory Melekhov and the end of the novel // Literaturnaya gazeta. June 26, 1940. (In Russ.)
 28. *Ермилов В.В.* О "Тихом Доне" и о трагедии // Литературная газета. 11 августа 1940 г.

- Ermilov V.V.* On the “ And Quiet Flows the Don” and the tragedy // *Literaturnaya gazeta*. August 11, 1940. (In Russ.)
29. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 449. Л. 1–11.
The Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 15. Ed. hr. 449. L. 1–11. (In Russ.)
30. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999.
Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – Cheka – OGPU – NKVD on cultural policy in 1917–1953 / Ed. by acad. A.N. Yakovlev. Moscow: International Foundation “Democracy”, 1999. (In Russ.)
31. *Кирпотин В.Я.* О “среднем” писателе и о герое литературы // *Литературная газета*. 22 сентября 1940 г.
Kirpotin V.Ya. About an “average” writer and a literary hero // *Literaturnaya gazeta*. September 22, 1940. (In Russ.)
32. *Громов П.* Григорий Мелехов и Михаил Кошевой // *Литературная газета*. 22 сентября 1940 г.
Gromov P. Grigory Melekhov and Mikhail Koshevoy // *Literaturnaya gazeta*. September 22, 1940. (In Russ.)
33. Курсы-конференция молодых критиков // *Литературная газета*. 6 октября 1940 г.
Courses-conference of young critics // *Literaturnaya gazeta*. October 6, 1940. (In Russ.)
34. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 478. Л. 53–55.
The Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 6. Ed. hr. 478. L. 53–55. (In Russ.)
35. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 488. Л. 2–22.
The Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 6. Ed. hr. 488. L. 2–22. (In Russ.)
36. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 474. Л. 36.
The Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 15. Ed. hr. 474. L. 36. (In Russ.)

**“INTENTION OR MISTAKE?”:
THE FINALE OF THE NOVEL “AND QUIET FLOWS THE DON”
IN THE ASSESSMENTS OF THE CONTEMPORARIES
ON THE 120th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ACADEMICIAN
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES M.A. SHOLOKHOV**

N.V. Kornienko^{a,*}

^a*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{*}*E-mail: natalkornienko@yandex.ru*

Mikhail Sholokhov’s novel “And quiet flows the Don” is undoubtedly one of the greatest works of the Russian literature of XX century. The publication in 1940 of the last book of the novel provoked heated discussions in the central periodicals, at meetings of the Critics’ Section of the USSR Writers’ Union and subsequently in the Committee on the Stalin Prizes. This article examines the various views of the writer’s contemporaries regarding the ending of the novel, and Sholokhov’s own reaction to it.

Keywords: M.A. Sholokhov, “And quiet flows the Don”, “Virgin Soil Uplturned”, literary criticism, Writers’ Union, Stalin Prize for Literature.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ЛИТОЛОГИИ

© 2025 г. А.Н. Дмитриевский^{a,*}, В.Г. Кузнецов^{a,b,**}

^aИнститут проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия

^bРоссийский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, Москва, Россия

*E-mail: a.dmitrievsky@ipng.ru

**E-mail: vgkuz@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.03.2025 г.

После доработки 21.03.2025 г.

Принята к публикации 03.04.2025 г.

Изменения, происходящие на поверхности Земли, документировались ещё в эпоху Античности. В период Нового времени эволюция литологических процессов была признана наукой и описывалась отдельными учёными, а со второй половины XIX в. сложились устойчивые представления об определённом постоянстве процессов и их последствиях в неживой природе и изменениях в органическом мире. С середины XX в. стали преобладать идеи эволюции осадочного процесса, который сопровождается соответствующими изменениями состава и свойств осадочных образований при прямом и косвенном участии живых организмов.

Ключевые слова: литология, осадочный процесс, эволюция.

DOI: 10.31857/S0869587325050069, **EDN:** EKMNAI

Представления учёных о развитии живой и неживой природы с древнейших времён легли в основу настоящей статьи и анализируются в рамках такой узкой темы, как эволюция осадочных процессов и осадочного породообразования в геологической истории Земли. Рассматривая этот вопрос в истори-

ческом аспекте, мы постараемся доступно изложить смысл тех или иных положений, а также приведём точные цитаты отдельных авторов, чтобы исключить двойственность толкований.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАЗВИТИИ ПРИРОДЫ В РАЗНЫЕ ЭПОХИ

Проблемы эволюции, а именно изменчивости природы и отдельных её элементов, привлекали внимание ещё античных мыслителей. Так, Гераклит сформулировал довольно часто употребляемую максиму о том, что “всё течёт и всё изменяется” и что “в одну и ту же реку нельзя войти дважды”, поскольку вода будет уже другой. О процессах, которые сейчас мы называем геологическими, писал величайший философ античного мира, отец всех наук Аристотель: “Одни и те же области Земли не остаются постоянно либо влажными, либо сухими, но меняют [свои свойства] в зависимости от появления и иссякания рек. Поэтому и суша, и моря меняются [местами], и земля не остаётся на все времена [землёй], а моря [морем], но там, где была суша, возникает море, а где ныне море, там снова будет суша” [1, с. 25, 26]. “Поскольку всякое есте-

ДМИТРИЕВСКИЙ Анатолий Николаевич — академик РАН, главный научный сотрудник ИПНГ РАН. КУЗНЕЦОВ Виталий Германович — доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник ИПНГ РАН, профессор кафедры литологии РГУНиГ им. И.М. Губкина.

ственное становление на земле происходит постепенно и в сроки, несравненно длиннее нашей жизни, эти [явления] нам незаметны, и [даже] гибель и уничтожение целых народов происходят прежде, чем [удаётся] засвидетельствовать от начала до конца какую-нибудь из таких перемен” [там же, с. 65]. “Итак, раз время бесконечно, а Вселенная вечна, то, очевидно, ни Танаис, ни Нил не текли всегда, но в давние времена места, откуда они вытекают, были сухи. Ведь действию рек положен предел, а время его не имеет. То же самое можно сказать и о других реках. Но если реки в самом деле возникают и исчезают, а одни и те же местности не остаются влажными постоянно, то в соответствии с этим должно меняться и море. И поскольку море всегда в одном месте отступает, а в другом наступает, ясно, что и на всей Земле море и суша не остаются сами собою, но со временем одно превращается в другое” [там же, с. 70]. Важно отметить, что Аристотель говорил о крайне медленных изменениях и о том, что наблюдать и устанавливать их не всегда возможно даже в течение целого ряда поколений.

Конец Античности и становление в Европе христианства были ознаменованы наступлением так называемых темных веков — периода экономического, интеллектуального и культурного упадка. В.И. Вернадский отразил это в своих лекциях по истории науки: сам подзаголовок седьмой лекции по истории научного мировоззрения (“Регрессивное течение под влиянием христианства”) ясно говорит о положении науки и о взаимоотношении её с религией. Вернадский на конкретных примерах раскрыл суть этого регресса: “Главным образом под влиянием распространения христианства в общее мировоззрение вошли новые взгляды, и сильное религиозное одушевление охватило значительную часть мыслящего общества. Под влиянием этого одушевления значительно ослаб интерес к научной работе и погасло доверие к научным методам искания... Научные истины не фиксировались в подрастающих поколениях, разношёрстные и разнообразные по этническому составу и культурным традициям правящие классы не овладевали тем научным материалом, который был добыт в других условиях жизни... Наука и научные знания не проникали широко в жизнь. Научные воззрения приравнивались к верованиям и потребностям, вынесенным из совершенно чуждых им мировоззрений. При этих обстоятельствах проникали, распространялись и овладевали образованием плохие и суеверные выборы и компендии древнего географического знания” [2, с. 110]. «В это время наряду с научным методом — и даже выше его — стал “богооткровенный” метод достижения истины на всех путях, во всех вопросах, в крупном и мелком» [там же, с. 111].

Это обстоятельство незамедлительно сказалось на развитии конкретных наук и привело к ложным выводам. “Таким образом, с одной стороны, охлаж-

дение к научным вопросам, с другой, появление нового — не научного, а религиозного метода решения вопроса — одинаково привели в конце концов к замене или появлению в науке ложного представления о характере нашей планеты” [там же, с. 111]. В.И. Вернадский приводит положение одного из идеологов христианства Лактанция, который считал, что целый ряд таких сугубо естественно-научных вопросов, как форма и размеры небесных тел, их состав и т.д., “не могут быть познаны человеком одним разумом, а те, которые к этому стремятся, должны считаться сумасшедшими и помутившимися рассудком” [там же, с. 111, 112]. “Для подавляющей массы человечества религиозная истина выше и убедительнее научной, и последняя должна уступить, когда между ними оказывается противоречие” [3, с. 97].

Основные “естественно-научные” представления, изложенные в Моисеевом повествовании, освящались средневековой официальной наукой и были основаны на постулатах Библии. И если изменения, происходившие в короткие отрезки времени, не отвергались, то в вопросах эволюции в масштабах геологического времени господствовал один принцип: созданные за шесть дней творения твердь небесная, суша — земля, собрание вод — моря, все растения и животные, включая венец творения — человека, без явных изменений просуществовали примерно 6 тыс. лет. Правда, цифра эта, по подсчётам богословов разных школ, колеблется от 3483 до 6984 лет до н.э. [4, с. 216]. По некоторым сведениям, архиепископ Ашера рассчитал точное время создания Земли — 9 ч утра 26 октября 4004 г. до рождения Христова [5, с. 104]. Тем не менее история человечества продолжалась, мир становился иным, появились новые воззрения, нередко крамольные. В этом отношении интересно сравнить мнения двух выдающихся натуралистов-естествоиспытателей — француза Ж.Л. Бюффона и его современника М.В. Ломоносова.

Энциклопедист второй половины XVIII в. Ж.Л. Бюффон (с 1776 г. — почётный член Петербургской академии наук), исходя из своих космогонических представлений об образовании Земли, установил время её существования — 75 тыс. лет. Он считал, что за это время принципиальных изменений условий, обстановок, равно как и самих процессов не происходило. Бюффон выдвигал идею об использовании информации о современных условиях и процессах для воссоздания обстановок прошлого¹: “Чтобы узнать, что прежде всего на ней [Земле — *А.Д., В.К.*] происходило, рассмотрим, что ныне на дне морском делается, и, производя из сих наблюдений основательные заключения, можем удостовериться о нынешнем виде и внутреннем строении Земли, нами обитаемой” [6, с. 86]. Анало-

¹ Здесь и далее в цитатах сохранены грамматика и орфография первоисточников.

гичные соображения о постепенных изменениях на Земле и о том, что прошлое можно восстанавливать, наблюдая и изучая действующие в настоящее время геологические силы, были высказаны и в той или иной степени обоснованы Дж. Геттоном (Англия) и К. Гоффом (Германия). Забегая несколько вперёд, отметим, что подобные представления легли в основу актуалистического метода в геологии.

Что касается М.В. Ломоносова, интересен отрывок из его работы 1763 г.: “И во первых твёрдо помнить должно, что выдимыя телесныя на земли вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великия происходили в нём перемены, что показывает История и древняя География, с нынешнею снесённая и случающиеся в наши дни перемены земной поверхности... И так напрасно многие думают, что всё, как видим, с начала Творцом создано; будто нетокмо горы, доли и воды, но и разные роды минералов произошли вместе со всем светом, и потому де не надобно изследовать причин, для чего они внутренними свойствами и положением мест разнятся. Таковыя разсуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно, и натуральному знанию шара земного, и особливо искусству руднаго дела, хотя оных умникам и легко быть философами, выучась наизусть три слова: Бог так сотворил; и сие давая в ответ в место всех причин” [7, с. 508, 509].

Вскоре после Ж.Л. Бюффона и М.В. Ломоносова, уже в первой трети XIX в., произошли кардинальные изменения в видении развития Земли. Это был “героический период” становления геологии как самостоятельной науки. Однако вопросы эволюции даже не поднимались. Изменения в истории Земли признавались (естественно, только в научной среде), однако их причины воспринимались весьма упрощённо и не рассматривались.

Представления о медленных, но постоянных изменениях содержатся в многократно переиздававшейся книге английского учёного Ч. Лайеля “Принципы геологии, являющиеся попыткой объяснить прошлые изменения поверхности Земли путём соотношения с причинами, ныне действующими”. Русский перевод 9-го издания вышел в 1866 г. под названием “Основные начала геологии или новейшие изменения Земли и её обитателей” [8]. Интересно, что главная идея автора отражена не в переводе книги, а в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.Ф. Ефрона: “С древнейших времён до наших дней не действовали никакие другие причины, кроме тех, которые ныне действуют, и действия их всегда проявлялись с той же энергией, которую они проявляют ныне” [9, с. 272]. Этот постулат надолго стал ведущей парадигмой геологии. Однако важнее оказалась гипотеза об очень длительном существовании Земли. Огромный интерес к работе Ч. Лайеля, ясность и аргументированность его выводов оказали решающее влияние на геологическую (и не только)

общественность и на долгие годы, точнее десятилетия, стали идеологической и методологической основой науки. Позднее учение Лайеля было названо И. Ротом актуалистическим [10]. Суть его представлений можно афористично выразить фразой: “Настоящее — ключ к прошлому”.

Во второй половине XIX в. после выхода в свет работ Ч. Дарвина, включая книгу “Происхождение видов путём естественного отбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь”, идеи эволюции стали глубже проникать в естествознание, но не в геологию. Эволюция признавалась в самой общей, примитивной форме: трансгрессии и регрессии, поднятия и опускания земной коры без изменения сути самих процессов, скорости их протекания, появления и исчезновения каких-либо факторов, в том числе специфических для определённых эпох. В этом контексте показательна двойственная позиция одного из крупнейших геологов рубежа XIX–XX вв. И. Вальтера, который, с одной стороны, считал силы и процессы неживой природы более-менее постоянными, а с другой, признавал влияние эволюции организмов на образование осадочных пород. Приведём несколько его наиболее ярких цитат. “Всё более убеждались в том, что великие геологические процессы той или иной давно прошедшей эпохи предопределялись теми же условиями, отличались теми же последствиями, какими отмечены соответствующие явления настоящего времени” [11, с. 514]. “Климатические изменения (физические и химические в широком смысле слова) с незапамятных времён совершались на земной нашей поверхности по одним и тем же законам” [там же, с. 515]. В другой работе автор выразил свою мысль в значительно более поэтической форме: “Мы твёрдо убеждены, однако, в том, что силы природы во все геологические периоды действовали одинаковым образом, что первобытное море было с такими же синими волнами, как наш теперешний океан, что кораллы прежних периодов выказывали такую же пестроту цветов и что леса каменноугольного периода также зеленели, как наши теперешние растения. О деятельности давно исчезнувшего водопада можно судить по ныне падающему Рейнскому, о результатах работы растаявшего уже глетчера — по теперешним альпийским ледникам. Первобытный вулкан выбрасывал в атмосферу такие же столбы пепла, как дымящийся Везувий, и древние, плотные теперь песчаники могут быть сравниваемы с дюнными областями современных пустынь” [12, с. 138]. На основе этих положений “возникла *сравнительная литология*, позволяющая судить об отложениях давно прошедших времён по соответствующим образованиям настоящего времени” [11, с. 514]. По сути, это манифест и предтеча широко распространившегося позднее сравнительно-литологического метода исследований А.Д. Архангельского и Н.М. Страхова.

Иная ситуация сложилась с пониманием жизни. Посвятив отдельную главу своей книги литологическому значению организмов и жизни в целом, Вальтер счёл необходимым озвучить следующую мысль: “Но если как физические, так и химические условия образования пород всегда были одни и те же, то, всё же, одно постоянно изменялось и принимало всё более новые формы, а именно *живая субстанция растений и животных*” [11, с. 515]. “Исходя из убеждения, что одни лишь явления современности могут решить загадку прошлого, мы открыто признаём, что во все геологические времена существовали биологические и физические явления, которые чужды современности. Однако не только были вымершие виды и группы животных, но также в некоторые отрезки времени господствовали и определённые климатические, океанографические и физические условия, которые нельзя определять по явлениям современности и судить по ним” [13, с. 29, 30]. Эти изменения так или иначе влияли и на осадочный процесс: “Связывая логические факты, мы... отмечаем, что организмы обуславливают литологические изменения прошлого, и приходим к однозначному результату, что параллельно с морфологическими преобразованиями органического мира постоянно изменялась также физиологическая деятельность организмов, что с *кембрия не только изменились виды растений и животных, но одновременно должны были изменяться и все вызывавшиеся организмами литогенетические процессы*. Между морфологической формой и её литогенетической деятельностью, между формой и образом жизни животных существуют настолько тесные, неразрывные связи, что каждое изменение видового признака должно было обуславливать изменение в осадкообразовании” [13, с. 1003]. Автор подводит своеобразный итог: “Когда мы без предубеждения рассматриваем хронологически вполне твёрдо установленную последовательность геологических событий, перед нами почти везде развёртываются литогенетические, филогенетические или биономические *причинные ряды, которые никогда не возвращаются к своей исходной точке*, и все попытки доказать периодическое возвращение этих процессов в слоях земной коры представляются нам насилием над фактами” [11, с. 6].

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В начале XX в. произошли важные открытия в области эволюции геологических процессов. В 1909 г. Р. Дэли установил, что в разрезе фанерозоя количество доломитов последовательно сокращается и одновременно относительно возрастает количество известняков [14]. По-видимому, это было первое или, по крайней мере, одно из первых свидетельств эволюции осадочных пород, а не только биоты. Другие примеры и формы эволюции осадоч-

ного породообразования хоть и отмечались, но стали понятны гораздо позже. Это были лишь крайне важные факты, причины возникновения которых оставались вне поля зрения учёных.

Интересно, что среди всех разделов геологии изменение во времени геологических обстановок и процессов было показано именно на примере осадочных пород. И это в общем закономерно. Если последовательность событий устанавливалась по данным палеонтологии и базирующейся на ней стратиграфии, то сами события и условия древних эпох выражены, зафиксированы и реконструируются главным образом на основе изучения осадочных пород. Как с некоторым сожалением и даже горечью отмечал академик А.Л. Яншин, “сломлена парадигма актуализма была не в области тектоники, а в области литологии” [15, с. 5].

Идеи эволюции только начинали прокладывать себе дорогу, перелом произошёл лишь в середине XX в. К 1940-м годам несколько учёных одновременно сформулировали идеи об эволюции осадочного породообразования, равно как и эволюции геологических процессов в целом. К теме отличия древних и современных обстановок осадкообразования и осадконакопления одним из первых обратился Л.В. Пустовалов. В 1940 г. был опубликован его учебник “Петрография осадочных пород”, где кратко, в дискуссионной форме был поставлен вопрос постоянства и изменчивости обстановок и процессов, правомерности сопоставления их современного и древнего проявлений. Опираясь на примеры некоторых типов пород, которые широко распространены в образованиях того или иного возраста и отсутствуют в настоящее время, автор обращал внимание на то, что раньше были иные условия, и без учёта их эволюции (хотя термин “эволюция” не фигурирует в его текстах) прийти к достоверному решению невозможно: “Только лишь в том случае, если мы учитываем историческую обстановку осадкообразования, мы можем рассчитывать достигнуть правильных и надёжных результатов. Формальное же сопоставление неминуемо должно привести к грубым ошибкам” [16, с. 371]. Пустовалов привёл очень показательный, хотя и частный конкретный пример изменения обстановок образования глауконита: в крайне мелководных морских условиях мелового периода и относительно глубоководных (порядка 200 м) — в современную эпоху [там же, с. 370, 371]. При этом признание эволюции осадочного породообразования никак не умаляет важности современных осадков и осадочного процесса, ибо “чем подробнее будут наши знания о современных отложениях, тем точнее и увереннее мы сможем воссоздать условия образования осадочных пород” [там же, с. 372].

Позднее он сформулировал эту мысль более точно: “Мы должны со всей смелостью и решительностью... заменить неполный и односторонний принцип актуализма начала прошлого столетия, ле-

жавший в основе всех геологических исследований предшествующего периода, сыгравший свою важнейшую роль в развитии геологии, но явно сейчас себя исчерпавший и ставший теперь тормозом для дальнейшего развития геологических знаний, — мы должны со всей смелостью и решительностью заменить этот принцип актуализма новым, творческим, единственно правильным, более широким и более плодотворным *принципом развития*, поднимающим геологию на более высокую ступень” [17, с. 101]. В похожем ключе вскоре высказался Н.М. Страхов: “Хотя современные осадки и напоминают ископаемые породы, но это сходство только в общих чертах, а отнюдь не тождество. *Древнюю седиментацию нельзя целиком уложить в рамки современной*” [18, с. 43].

Признавая огромную роль Л.В. Пустовалова в становлении и развитии литологии и эволюции осадочного процесса, к сожалению, нельзя не упомянуть и досадную ошибку в его представлениях и, соответственно, публикациях. Речь идёт о роли в осадочном процессе организмов и жизни в целом. В своём главном труде — “Петрография осадочных пород” — он посвятил этому вопросу отдельную главу, где писал, что “организмы, сами зависящие в своём развитии от неорганической жизни земного шара, не могли и не могут самостоятельно играть той будто бы ведущей и определяющей роли, которую приписывают им в данном случае” [16, т. 1, с. 375]. И далее: “Лишь та работа организмов является эффективной в отношении минерального осадкообразования, которая совпадает с общим направлением процесса осадкообразования” [там же, с. 378]. Удивительно, что подобное мнение отстаивал бывший сотрудник скончавшегося к тому времени Я.М. Самойлова и современник В.И. Вернадского, с которым он неоднократно общался [19], — учёных, столь много сделавших для познания роли жизни в осадочном процессе и в геологическом развитии Земли.

Отмечая приоритет Л.В. Пустовалова в постановке проблемы и одновременно критикуя его, Н.М. Страхов так видел эволюцию осадочного пороодообразования и отдельных типов пород в истории Земли: «Как известно, Л.В. Пустовалов ещё в 1940 г. впервые разобрал этот вопрос [периодичности и эволюции осадконакопления в истории Земли — А.Д., В.К.]. Однако предложенное им решение (“закономерности”) обладает многими и существенными дефектами, так что вся проблема в целом нуждается, на мой взгляд, в дальнейших исследованиях» [20, с. 70].

Рассматривая историю эволюции осадочного процесса и осадочного пороодообразования, нельзя не отметить работы самого Н.М. Страхова. Вначале он обращался к эволюции отдельных типов пород, а затем — осадочного процесса в целом, причём в самом общем виде [20–24]. Так, изучая железорудный осадочный процесс, Страхов показал, что его интенсивность со временем снижается и одно-

временно меняется фациальная природа руд. В докембрии это джеспилиты, в фанерозое — морские гидрогетит-шамозитовые руды, в карбоне появляются и развиваются в более молодых образованиях озёрно-болотные руды, с юры — руды кор выветривания [21]. В работе 1951 г. он описал некоторые различия современного и древнего карбонатонакопления, прежде всего с точки зрения способов осаждения материала и частично — его состава [22].

Неоспорим тот факт, что отечественная литология в 1960–1980-е годы развивалась в значительной мере под влиянием разработок именно Н.М. Страхова. Напомним, что его представления, в частности о влиянии биоты (прежде всего микробиоты) на осадочный процесс, существенно менялись. Так, в 1951 г. он высказал своё мнение в более чем резкой форме: «Вся история вопроса о бактериальных карбонатных толщах являет в литологии пример того, как эффектная и внешне правдоподобная, но совершенно необоснованная и неверная по существу идея, внесённая в литологию извне и ловко на первый взгляд заполняющая пробел в литологической теории, держится потом десятилетиями, тормозя прогресс науки. Сколько ещё таких “мифов” царит в разных разделах литологии, нося ярлык общепризнанных истин!» [22, с. 75]. В более поздних работах он сдерживался в формулировках и отмечал значение биоса наряду с изменениями физико-химических условий и процессов на поверхности Земли. Нужно подчеркнуть, что сами эти изменения были обусловлены развитием биоса — жизни в целом: “Его [биоса — А.Д., В.К.] воздействие было двояким: непосредственным и косвенным. Непосредственное заключалось в том, что известковыделяющие, кремневые и магниевые организмы оттягивали на себя массу растворов CaCO_3 , MgCO_3 , SiO_2 , поступавших с водосборных площадей, и тем самым подавляли хемогенную их садку, замещая её биогенной экстракцией. Косвенное влияние сводилось к дополнительному извлечению CO_2 из атмосферы и гидросферы и накоплению в них свободного O_2 ” [24, с. 478].

Сами по себе примеры исчезновения или резкого сокращения одних пород и, напротив, появления других уже указывают на определённую эволюцию осадочного пороодообразования, однако важно было осознать философское, методологическое значение этого явления. Значимым этапом на пути к этому стала литологическая дискуссия в печати в 1950–1951 гг., продолженная на 1-м Всесоюзном литологическом совещании в 1952 г. [25, 26]. Так или иначе, идея эволюции овладела массами, в результате стали появляться работы эволюционной направленности. Черту в вопросе об осадочных образованиях подвёл Н.М. Страхов, сначала в отдельной главе своего трёхтомника [27], затем более подробно в специальной статье [23] и монографии [24].

Хотя мы ни в коей мере не умаляем значимости работ зарубежных исследователей (прежде всего

американских и западноевропейских), которые достигли больших успехов по целому ряду направлений, они были далеко не в первых рядах в вопросах геологической эволюции. В 1971 г. в Нью-Йорке был издан капитальный труд известных геохимиков Р. Гаррелса и Ф. Маккензи “*Evolution of Sedimentary Rocks*”, позднее переведённый на русский язык и изданный в серии фундаментальных трудов зарубежных учёных по геологии, геофизике и геохимии [28]. В предисловии к оригинальному английскому изданию авторы писали, что они “основывались почти исключительно на физической стороне процессов, так как рассмотрение биологических процессов и истории развития организмов потребовало бы значительно большего объёма книги, а также более глубоких знаний, чем те, которыми мы располагаем” [там же, с. 8]. Именно игнорирование влияния жизни и её производных резко обесценило их труд, привело к крайне ограниченным и, следовательно, недостоверным выводам, что и было отмечено редактором русского издания членом-корреспондентом АН СССР (позже академик) А.Б. Роновым: “Вряд ли можно согласиться с их униформистской концепцией и с идеями о доминирующей роли деструктивных и вторичных процессов в эволюции осадочных пород и исключением рассмотрения эволюции жизни и нарастании окислительных процессов на земной поверхности” [там же, с. 6].

Применительно к проблемам эволюции нельзя не отметить фундаментальных исследований самого А.Б. Ронova [29], в том числе проведённых совместно с его сотрудниками и соавторами. На огромном фактическом материале он показал изменение объёмов различных петрографических типов осадочных и вулканогенно-осадочных пород и их соотношений в геологической истории Земли (точнее, в течение неогена), их состава как в осадочной оболочке, так и в основных структурных элементах литосферы.

Следующий этап исследований эволюции осадочного породообразования и осадочного процесса связан с именем академика А.Л. Яншина. Ещё в 1953 г. в Большой советской энциклопедии была опубликована его статья о красноцветных формациях. Сама по себе публикация в энциклопедии — не самое значимое событие. Однако в данном случае важно, что была дана не просто характеристика объекта. Во-первых, произошёл переход от характеристики и описания пород к объекту уже более высокого уровня — формациям. Во-вторых, было показано, что существуют по крайней мере два типа формаций, которые складываются в условиях разного климата, а следовательно, разного характера биоты. Формации первого типа образовывались в жарком и сухом климате, их породы, наряду с основными песчано-глинистыми, содержат линзы и небольшие пласты известняков, иногда доломитов, с ними связаны проявления и месторождения гипсов и солей. Второй тип формаций также образовывался в жарком, но уже влажном климате. Поро-

ды не содержат прослоев известняков и мергелей, но переслаиваются с сероцветными угленосными образованиями или переходят в них по простиранию.

Принципиально важным был не только факт дифференцировки двух типов формаций, но и акцент на разных климатических — аридных и гумидных — условиях их формирования. Позднее стало ясно, и на это указал А.Л. Яншин, что подобное разделение по климатическому типу произошло только после экспансии биоты, прежде всего растительной, на сушу. Таким образом, в изучение эволюции были вовлечены объекты не только породного, но и формационного уровня. Кроме того, эволюция осадочного процесса стала рассматриваться в увязке с эволюцией жизни, в частности с историей освоения континентов живыми организмами. Ярким примером последнего служит последовательное формирование угленосных толщ и бокситов в гумидных зонах сначала в прибрежных областях, а затем на удалённых от морей водоразделах [30–32].

Впоследствии проблема эволюции геологических процессов, обстановок и других объектов геологии как науки разрабатывалась не только А.Л. Яншиным и его сотрудниками, но и в различных научных учреждениях страны. Были изучены эволюция фосфато- и соленакопления красноцветных формаций, а главное — общие проблемы эволюции геологических обстановок и процессов, что нашло отражение в организации специальных совещаний, публикации монографий и тематических сборников [33–37]. А.Л. Яншин подчёркивал, что изначально проблема эволюции геологических процессов была поставлена Л.В. Пустоваловым [15].

При всей значимости сравнительно-литологического метода обнаружили его недостатки, точнее, объективные ограничения в плане исследования эволюции осадочного процесса. Обсуждая принципы выделения геологических формаций, А.Л. Яншин отмечал, что Н.М. Страховым “подробнейшим образом описан гумидный тип литогенеза со всеми его особенностями и во всех его многообразных проявлениях... Убедительно показано на огромном цифровом материале, что все особенности выветривания, переноса материала и отложения осадка, процессов диагенеза и эпигенеза, поведения отдельных элементов и даже окраски пород при гумидном типе литогенеза связаны с присутствием большого количества органического вещества растительного происхождения... Однако наземная растительность существовала не всегда... А каковы же были особенности гумидного литогенеза на континентах до появления наземной растительности? Ответа на этот вопрос мы не найдём...” [38].

Как говорилось выше, в 1953 г. А.Л. Яншин показал, что некоторые додевонские красноцветные толщи, образовавшиеся до заселения суши растительностью, принципиально отличаются от таковых, но более молодого возраста [39]. Через десять лет,

в мае 1963 г., на организованной в Геологическом институте АН СССР теоретической конференции “Пути и методы познания закономерностей развития Земли” Яншин показал разницу между методом и принципом актуализма, обозначил проблему изучения эволюции геологических процессов, наметил и сформулировал основные направления исследований, принципиально расширил проблематику до уровня эволюции геологических процессов в целом. Если раньше исследования приводили к установлению и фиксации *факта эволюции*, то теперь во главу угла были поставлены вопросы эволюции *процессов, обстановок*, а следовательно, *причин*. Идеи эволюции стали всеобщими. Список авторов и работ в рамках этого направления весьма широк и вряд ли поддаётся сколько-нибудь полному перечислению и тем более анализу [20–24, 29, 32–34, 36, 37, 40–49, 50–52].

Поскольку осадочный процесс тесно связан, а нередко и определяется жизнедеятельностью организмов, важная информация по эволюции осадочных пород и обстановок осадконакопления была получена в ходе реализации программы президиума РАН “Происхождение биосферы и эволюция гео-биологических систем” [53–55]. Труды литологов и биологов-палеонтологов раскрыли значение жизни и её влияния на осадочный процесс как в виде формирования тех или иных пород, так и глобально — посредством создания и эволюции геохимических обстановок внешних геосфер. Последние обусловили появление, развитие и изменение условий, в которых протекали и продолжают протекать осадочные процессы.

Подводя итог, можно с полной уверенностью утверждать, что работы трёх выдающихся отечественных учёных — Л.В. Пустовалова, Н.М. Страхова и А.Л. Яншина — легли в основу, наряду с уже существовавшим стадийным (стадийно-литологическим) и седиментационным (седиментологическим, седиментационно-генетическим) разделами литологии, особого — эволюционного раздела, в который вошли вопросы эволюции осадочного процесса и общей эволюции геохимических обстановок внешних геосфер планеты [56–59].

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Работа выполнена в рамках задания ГММЕ–2022–04.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метеорология. Л.: Гидрометеиздат, 1983.
Aristotle. Meteorology. Leningrad: Hydrometeizdat, 1983. (In Russ.)
2. *Вернадский В.И.* Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1988.
Vernadsky V.I. Works on the general history of science. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)
3. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991.
Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ.)
4. *Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.* Ключи к тайнам Клио. М.: Просвещение, 1994.
Leontieva G.A., Shorin P.A., Kobrin V.B. Keys to the mysteries of Clio. Moscow: Prosveshchenie, 1994. (In Russ.)
5. *Хэллем Э.* Великие геологические споры. М.: Мир, 1985.
Hallam E. Great Geological Controversies. N.Y.: Oxford University Press, 1983.
6. *Бюффон Ж.Л.Л.* Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона. Ч. 1. СПб., 1789.
Buffon G.L.L. Histoire naturelle, générale et particulière. Tome I. 1785.
7. *Ломоносов М.В.* О слоях земных. Т. II. СПб.: Изд-во А. Смирдина, 1850.
Lomonosov M.V. On the layers of the Earth. Vol. II. St. Petersburg: Publishing house of A. Smiridin, 1850. (In Russ.)
8. *Ляйэлль Ч.* Основные начала геологии или новейшие изменения Земли и её обитателей. Т. 1, 2. СПб., 1866.
Lyell C. Principles of Geology. Or, The Modern Changes of the Earth and Its Inhabitants Considered as Illustrative of Geology. London, 1853.
9. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.Ф.* Энциклопедический словарь. Т. XVIII. СПб., 1896.
Brockhaus F.A., Efron I.F. Encyclopedic dictionary. Vol. XVIII. St. Petersburg, 1896. (In Russ.)
10. *Кузнецов В.Г.* Два Чарлза — Лайель и Дарвин и их влияние на изменение научного и общественного мировоззрения в XIX столетии // Бюллетень МОИП. Отдел геологический. 2010. Т. 85. № 3. С. 69–91.
Kuznetsov V.G. Two Charles — Lyell and Darwin and their influence on the change of scientific and social worldview in the XIX century // Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Geological series. 2010, vol. 85, no. 3, pp. 69–91. (In Russ.)
11. *Вальтер И.* История Земли и жизни. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912.
Walter J. Geschichte der Erde und des Lebens. Leipzig, 1908.
12. *Вальтер И.* Начатки геологии. Петроград: Просвещение, 1915.
Walter J. Vorschule der Geologie: eine gemeinverständliche Einführung und Anleitung zu Beobachtungen in der Heimat. 1906.
13. *Walther J.* Einleitung in die Geologie als historische Wissenschaft. Iena: Gustav Fischer, 1893–1894.

14. *Daly R.* First calcareous fossils and evolution of limestones // *Geol. Soc. Amer. Bull.* 1909, vol. 20, pp. 2517–2527.
15. *Яншин А.Л.* Л.В. Пустовалов — основоположник учения об эволюции геологических процессов // *Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений.* 1993а. № 4. С. 3–9.
Yanshin A.L. L.V. Pustovalov — the founder of the doctrine of the evolution of geological processes // *Geology Geophysics and Development of Oil and Gas Fields.* 1993a, no. 4, pp. 3–9. (In Russ.)
16. *Пустовалов Л.В.* Петрография осадочных пород. Т. 1, 2. М.—Л.: Гостоптехиздат, 1940.
Pustovalov L.V. Petrography of sedimentary rocks. Vol. 1, 2. Moscow: Gostoptekhizdat, 1940. (In Russ.)
17. *Пустовалов Л.В.* К вопросу о положении в науке об осадочных породах // *Известия АН СССР. Серия геологическая.* 1950. № 4. С. 68–102.
Pustovalov L.V. On the issue of the situation in the science of sedimentary rocks // *Izvestiya AN SSSR. Seriya Geologicheskaya.* 1950, no. 4, pp. 68–102. (In Russ.)
18. *Страхов Н.М.* Основы исторической геологии. Ч. 1. М.—Л. Госгеолтехиздат, 1948.
Strakhov N.M. Fundamentals of Historical Geology. Part 1. Moscow—Leningrad: Gosgeoltechizdat, 1948. (In Russ.)
19. *Кузнецов В.Г.* В.И. Вернадский и Л.В. Пустовалов. Сравнительный анализ педагогической деятельности и научных представлений // *Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского.* 2011. № 2. С. 32–52.
Kuznetsov V.G. V.I. Vernadsky and L.V. Pustovalov. Comparative analysis of pedagogical activity and scientific ideas // *Bulletin of the Commission for the Development of the Scientific heritage of Academician V.I. Vernadsky.* 2011, no. 2, pp. 32–52. (In Russ.)
20. *Страхов Н.М.* О периодичности и необратимой эволюции осадконакопления в истории Земли // *Известия АН СССР. Серия геологическая.* 1949. № 6. С. 70–111.
Strakhov N.M. Periodicity and Irreversible Evolution of Sedimentation in the Earth's History // *Izvestiya AN SSSR. Seriya Geologicheskaya.* 1949, no. 6, pp. 70–111. (In Russ.)
21. *Страхов Н.М.* Железорудные фации и их аналоги в истории Земли // *Труды Института геологических наук / АН СССР. Геологическая серия. Вып. 73. № 22.* М.: Изд-во АН СССР, 1947.
Strakhov N.M. Iron ore facies and their analogues in the history of the Earth // *Proceedings of the Institute of Geological Sciences / Academy of Sciences of the USSR. Geological series. Iss. 73, no. 22.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1947. (In Russ.)
22. *Страхов Н.М.* Известково-доломитовые фации современных и древних водоёмов // *Труды Института геологических наук АН СССР. Геологическая серия. Вып. 124. № 45.* М.: Изд-во АН СССР, 1951.
Strakhov N.M. Calcareous-dolomite facies of modern and ancient reservoirs // *Proceedings of the Institute of Geological Sciences of the Academy of Sciences of the USSR. Geological series. Iss. 124, no. 45.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951 (In Russ.)
23. *Страхов Н.М.* Этапы развития внешних геосфер и осадочного породообразования в истории Земли // *Известия АН СССР. Серия геологическая.* 1962. № 12. С. 3–22.
Strakhov N.M. Stages of development of external geospheres and sedimentary rock formation in the history of the Earth // *Izvestiya AN SSSR. Seriya Geologicheskaya.* 1962, no. 12, pp. 3–22. (In Russ.)
24. *Страхов Н.М.* Типы литогенеза и их эволюция в истории Земли. М.: Госгеолтехиздат, 1963.
Strakhov N.M. Types of lithogenesis and their evolution in the history of the Earth. Moscow: Gosgeoltechizdat, 1963. (In Russ.)
25. Совещание по осадочным породам. Доклады. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
A meeting on sedimentary rocks. Reports. Iss. 1. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. (In Russ.)
26. Совещание по осадочным породам. Доклады. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
A meeting on sedimentary rocks. Reports. Iss. 2. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. (In Russ.)
27. *Страхов Н.М.* Основы теории литогенеза. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
Strakhov N.M. Fundamentals of the theory of lithogenesis. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. (In Russ.)
28. *Гаррелс Р., Маккензи Ф.* Эволюция осадочных пород. М.: Мир, 1974.
Garrels R., Mackenzie F. Evolution of sedimentary rocks. Norton, 1971.
29. *Ронов А.Б.* Стратисфера, или осадочная оболочка Земли (количественное исследование). М.: Наука, 1993.
Ronov A.B. The stratisphere, or the sedimentary shell of the Earth (quantitative study). Moscow: Nauka, 1993. (In Russ.)
30. *Броневой В.А., Теняков В.А.* К эволюции бокситообразующих процессов в фанерозое // *Литология и полезные ископаемые.* 1987. № 1. С. 41–50.
Bronevoy V.A., Tenyakov V.A. On the evolution of bauxite-forming processes in the Phanerozoic // *Lithology and Minerals.* 1987, no. 1, pp. 41–50. (In Russ.)

31. Михайлов Б.М. Эволюция обстановок бокситообразования в геологической истории Земли // Проблемы генезиса бокситов. М.: Наука, 1975. С. 41–55.
Mikhailov B.M. Evolution of bauxite formation environments in the geological history of the Earth // Problems of bauxite genesis. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 41–55. (In Russ.)
32. Кузнецов В.Г. Эволюция осадочного породообразования в истории Земли. М.: Научный мир, 2016.
Kuznetsov V.G. Evolution of sedimentary rock formation in the history of the Earth. Moscow: Scientific World, 2016. (In Russ.)
33. Эволюция геологических процессов в истории Земли. М.: Наука, 1993.
The evolution of geological processes in the history of the Earth. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ.)
34. Эволюция карбонатакопления в истории Земли. М.: Наука, 1988.
The evolution of carbon accumulation in the history of the Earth. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)
35. Эволюция нефте-газообразования в истории Земли. М.: Наука, 1986.
The evolution of oil and gas formation in the history of the Earth. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.)
36. Эволюция осадочного процесса в океанах и на континентах. М.: Наука, 1983.
Evolution of the sedimentary process in oceans and continents. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)
37. Эволюция осадочного рудообразования в истории Земли. М.: Наука, 1984.
Evolution of sedimentary ore formation in the history of the Earth. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ.)
38. Яншин А.Л. Предисловие (О принципах выделения геологических формаций) // Домезозойские красноцветные формации. Новосибирск: Наука, 1972. С. 5–12.
Yanshin A.L. Preface (On the principles of distinguishing geological formations) // Pre-Mesozoic red-colored formations. Novosibirsk: Nauka, 1972. Pp. 5–12. (In Russ.)
39. Яншин А.Л. Красноцветные формации // Большая советская энциклопедия. Т. 25. М.: Советская энциклопедия, 1953. С. 264.
Yanshin A.L. Red-colored formations // The Great Soviet Encyclopedia. Vol. 25. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1953. P. 264. (In Russ.)
40. Анатольева А.И. Эволюция домезозойских красноцветных формаций // Эволюция осадочного породообразования в истории Земли. Новосибирск: ИГиГ СО АН СССР, 1976. С. 44–55.
Anatolyeva A.I. Evolution of pre-Mesozoic red-colored formations // The evolution of sedimentary rock formation in the history of the Earth. Novosibirsk: IPGG SB RAS, 1976. Pp. 44–55. (In Russ.)
41. Анатольева А.И. Главные рубежи эволюции красноцветных формаций. Новосибирск: Наука, 1978.
Anatolyeva A.I. The main frontiers of the evolution of red-colored formations. Novosibirsk: Nauka, 1978. (In Russ.)
42. Анатольева А.И. Эволюция континентального красноцветного породообразования в истории Земли // Эволюция осадочного процесса в океанах и на континентах. М.: Наука, 1983. С. 121–128.
Anatolyeva A.I. The evolution of continental red-colored rock formation in the history of the Earth // Evolution of the sedimentary process in the oceans and on the continents. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 121–128. (In Russ.)
43. Жарков М.А. История палеозойского соленакопления. Новосибирск: Наука, 1978.
Zharkov M.A. History of Paleozoic salt accumulation. Novosibirsk: Nauka, 1978. (In Russ.)
44. Жарков М.А. Этапы грандиозного накопления эвапоритов и проблема изменения солёности вод Мирового океана в фанерозое // Проблемы эволюции геологических процессов. Новосибирск: Наука, 1981. С. 110–121.
Zharkov M.A. Stages of the grandiose accumulation of evaporites and the problem of changing the salinity of the waters of the World Ocean in the Phanerozoic // Problems of the evolution of geological processes. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 110–121. (In Russ.)
45. Жарков М.А. Эволюция галогенного осадконакопления в истории Земли // 27-й Международный геол. конгресс. Доклады советских геологов. Литология. Т. 4. М.: Наука, 1984. С. 69–75.
Zharkov M.A. Evolution of halogen sedimentation in the history of the Earth // 27th International Geological Congress. Reports of Soviet geologists. Lithology. Vol. 4. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 69–75. (In Russ.)
46. Красильникова Н.А. О генезисе фосфоритов и эволюции фосфоритообразования // Литология и полезные ископаемые. 1967. № 5. С. 156–163.
Krasilnikova N.A. On the genesis of phosphorites and the evolution of phosphorite formation // Lithology and minerals. 1967, no. 5, pp. 156–163. (In Russ.)
47. Красильникова Н.А. Историко-геологическое развитие условий фосфоритообразования // Состояние и задачи советской литологии. 1970. Т. 3. С. 3–9.
Krasilnikova N.A. Historical and geological development of phosphorite formation conditions // The state and tasks of Soviet lithology. 1970, vol. 3, pp. 3–9. (In Russ.)
48. Кузнецов В.Г. Эволюция карбонатакопления в истории Земли. М.: ГЕОС, 2003.
Kuznetsov V.G. Evolution of carbon accumulation in the history of the Earth. Moscow: GEOS, 2003. (In Russ.)

49. Проблемы эволюции геологических процессов. Новосибирск: Наука, 1981.
Problems of the evolution of geological processes. Novosibirsk: Nauka, 1981. (In Russ.)
50. Яншин А.Л. Эволюция геологических процессов в истории Земли. Л.: Наука, 1988.
Yanshin A.L. The evolution of geological processes in the history of the Earth. Leningrad: Nauka, 1988. (In Russ.)
51. Яншин А.Л. Эволюция фосфоритообразования // Эволюция геологических процессов в истории Земли. М.: Наука, 1993б. С. 158–174.
Yanshin A.L. Evolution of phosphorite formation // Evolution of Geological Processes in the Earth's History. Moscow: Nauka, 1993b. Pp. 158–174. (In Russ.)
52. Яншин А.Л., Жарков М.А. Эпохи и эволюция фосфоритонакопления в истории Земли // Бюллетень МОИП. Отдел геологический. 1986. Т. 61. Вып. 2. С. 7–19.
Yanshin A.L., Zharkov M.A. Epochs and evolution of phosphorite accumulation in the history of the Earth // Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Geological series. 1986, vol. 61, no. 2, pp. 7–19. (In Russ.)
53. Проблемы ранней эволюции фотосинтеза. М.: ПИН РАН, 2011.
Problems of the early evolution of photosynthesis. Moscow: PIN RAS, 2011. (In Russ.)
54. Ранняя колонизация суши. М.: ПИН РАН, 2012.
Early colonization of the land. Moscow: PIN RAS, 2012. (In Russ.)
55. Рифогенные формации и рифы в эволюции биосферы. М.: ПИН РАН, 2011.
Reef formations and reefs in the evolution of the biosphere. Moscow: PIN RAS, 2011. (In Russ.)
56. Антошкина А.И. Краткий курс литологии. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 2013.
Antoshkina A.I. A short course in lithology. Syktyvkar: Syktyvkar University, 2013. (In Russ.)
57. Кузнецов В.Г. Литология. Краткий курс. Учебник. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2018.
Kuznetsov V.G. Lithology. A short course. Textbook. Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas, 2018. (In Russ.)
58. Фролов В.Т. Литология. Кн. 3. М.: Изд-во МГУ, 1995.
Frolov V.T. Lithology. Book 3. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1995. (In Russ.)
59. Янаскурт О.В. Литология. М.: Академия, 2008.
Yapaskurt O.V. Lithology. Moscow: Akademiya, 2008. (In Russ.)

A CONCISE HISTORY OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE EVOLUTIONARY TREND IN LITHOLOGY

A.N. Dmitrievsky^{a,*}, V.G. Kuznetsov^{a,b,**}

^a*Oil and Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^b*The Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia*

*E-mail: a.dmitrievsky@ipng.ru

**E-mail: vgkuz@yandex.ru

The changes taking place on the Earth's surface have been documented since Antiquity. In the Modern period, the evolution of lithological processes was recognized by science and described by individual scientists, and since the second half of the 19th century, stable ideas have developed about a certain constancy of processes and their consequences in inanimate nature and changes in the organic world. Since the middle of the twentieth century, the ideas of the evolution of the sedimentary process began to prevail, accompanied by corresponding changes in the composition and properties of sedimentary formations with the direct and indirect participation of living organisms.

Keywords: lithology, sedimentary process, evolution.

БЫЛОЕ

“НУЖДАЕТСЯ СОЮЗ В ОБЩЕСОЮЗНОЙ АКАДЕМИИ...”

ВЫДЕРЖКА ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ ФРАКЦИИ РКП(б) 3-Й СЕССИИ ЦИК СССР 2-ГО СОЗЫВА 5 МАРТА 1925 ГОДА

© 2025 г. А.Г. Цыпкина^{а,*}

^аИнститут всеобщей истории РАН, Москва, Россия

*E-mail: anna021090@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.10.2024 г.

После доработки 28.10.2024 г.

Принята к публикации 03.04.2025 г.

Настоящая публикация представляет собой выдержку из стенограммы заседания фракции РКП(б) 3-й сессии ЦИК СССР 2-го созыва в Тифлисе 5 марта 1925 г., на котором обсуждался вопрос о присвоении Российской академии наук всесоюзного статуса в связи с необходимостью утверждения её нового устава. В предисловии рассмотрены предпосылки этого решения, а также различные мнения по этому поводу членов ЦИК, представителей академии, руководителей Главнауки, Наркомпроса РСФСР и других партийных делегатов.

Ключевые слова: Академия наук СССР, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов, А.В. Луначарский, А.И. Рыков, Ф.Н. Петров, 3-я сессия ЦИК СССР 2-го созыва (Тифлис), уставы Академии наук.

DOI: 10.31857/S0869587325050074, EDN: EKPZSP

Установление советской власти повлекло за собой необходимость определить институциональное место Академии наук в новой системе и утвердить её новый устав. 11 мая 1922 г. в записке партийного и государственного деятеля, соратника В.И. Ленина, члена Политбюро ЦК Л.Б. Каменева сообщалось, что председателю Совнаркома СССР (СНК СССР) товарищу А.И. Рыкову поручено наблюдение за обеспечением академии [1, с. 27]. Перед празднованием её 200-летнего юбилея, на который были приглашены иностранные учёные, желательно было в срочном порядке решить, какой статус должен быть у Академии наук и в ведение какого органа её стоит передать.

ЦЫПКИНА Анна Георгиевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

27 января 1925 г. А.И. Рыков получил срочную докладную записку от наркома просвещения А.В. Луначарского и заведующего Главнаукой (1921–1930) Ф.Н. Петрова, в которой говорилось о всесоюзном значении Академии наук и о функционировании “на территории Союза ССР в настоящее время” “двух Академий наук: Российской в Ленинграде и Украинской в Киеве” [2, л. 12], а также описывались основные их различия. Луначарский высказал мнение, что после признания академии общесоюзной её необходимо оставить “в ведении и на бюджете Наркомпроса РСФСР”, так как “Академия наук является учреждением, в котором живы ещё старые традиции, старая идеология”, и “над ней требуется непрерывный идеологический контроль и руководство над деятельностью, планом и содержанием научных работ” [2, л. 12 об.].

Вице-президент РАН академик В.А. Стеклов видел ситуацию иначе [2, л. 8], о чём вместе с неперменным секретарём РАН С.Ф. Ольденбургом сообщил А.И. Рыкову. В частности, в своей записке¹ от 20 февраля 1925 г. о “всесоюзности” Академии наук

¹ Некоторые записки В.А. Стеклова по этому поводу опубликованы в издании “Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) КПСС в 1922–1991 гг.” Т. 1. С. 27–35.

они отмечали², что Академия наук в России всегда “была поставлена в совершенно исключительное положение среди всех других учёных и научных учреждений страны” и “находилась под особым покровительством высшей власти в стране”, тогда как Министерство народного просвещения было “лишь передаточным органом”, что “вытекало из самой сущности и размеров той деятельности, которую с блестящим успехом развивала Академия”³. Подчёркивалось, что академия отрывается от каких-либо претензий на власть и что “признание всесоюзности Академии наук ни в какой мере не сопряжено с вопросом о каких-либо административных функциях по отношению к другим учёным учреждениям Союза или каким-либо обязательным воздействием Академии на эти учреждения”. По мнению Стеклова, “наиболее целесообразным было бы сделать Российскую академию наук учёным учреждением, состоящим при Совете народных комиссаров СССР, через который удобно было бы проводить смету Академии. Присоединять Российскую академию наук к ЦИКу СССР едва ли было бы целесообразно, так как этот высший орган советской власти работает сессионно и занят важнейшими вопросами внутренней и внешней политики более общего характера” [2, л. 6; 3, с. 202].

13 февраля 1925 г. Совнарком СССР счёл целесообразным дополнить план 3-й сессии ЦИК СССР в Тифлисе вопросом создания общесоюзной академии наук и поручить А.И. Рыкову и секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе согласовать его [2, л. 1]. Рыков вынес этот вопрос на обсуждение фракции 3-й сессии, предлагая решить, “где должна быть Академия: при СНК или при ЦИК Союза” [2, л. 51]. Большинство голосов было принято предложение о переименовании Академии наук во Всесоюзную, однако организационный вопрос, касающийся её принадлежности государственному органу (ЦИК или СНК СССР), на этом заседании не обсуждался.

23 мая 1925 г. управделами СНК СССР Н.П. Горбунов по поручению А.И. Рыкова запросил у А.С. Енукидзе распоряжение прислать ему постановление фракции РКП и стенограммы прений с обсуждением, если таковая велась [2, л. 15]. В том же письме с грифом “Совершенно секретно” имелась приписка о необходимости “изменить организацию Академии наук применительно к новым условиям”. Соответственно, публикуемая копия прений фракции по вопросу о присуждении Академии наук всесоюзного статуса, вероятнее всего, принадлежала Н.П. Горбунову, как и замечания на полях. Согласно другой возможной версии, пометки

были сделаны А.И. Рыковым, по поручению которого этот документ был запрошен.

В соответствии с решением фракции 3-й сессии Рыков вынес на рассмотрение Политбюро вопрос о признании РАН всесоюзным учреждением и о её передаче из Наркомпроса РСФСР в Совнарком СССР. 20 июня 1925 г. он направил секретное послание в ЦК РКП(б), где отметил, что “по самому содержанию своих работ Ленинградская Академия была и есть Общесоюзной. Она ведёт работу для всех частей Союза... Ввиду того, что дата празднования юбилея (первые числа сентября) приближается — крайне неудобно оставить Академию наук без Устава. Потому прошу срочно поставить на обсуждение вопрос о признании за Академией наук Всесоюзного значения и передачи её из Народного комиссариата Просвещения РСФСР в Совет народных комиссаров или Центральный исполнительный комитет Союза ССР”. При этом подчёркивалось, что Академия наук “не будет иметь никаких административных прав и что интересы научных исследований отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, будут полностью обеспечены” [2, л. 43].

В обсуждении статуса Академии наук на заседании в Тифлисе участвовали: председатель заседания и член Оргбюро ЦК ВКП(б) М.И. Калинин, председатель СНК СССР и СНК РСФСР А.И. Рыков, [П.А.] Богданов⁴, председатели ЦИК СССР Г.И. Петровский и А.Г. Червяков (также председатель ЦИК БССР), члены ЦИК СССР Я.В. Полуян и Ш.З. Элиава⁵, сотрудник Наркомпроса и заведующий Главпрофобром И.И. Ходоровский, юристы Н.В. Крыленко (помощник прокурора РСФСР в 1922–1928 гг.) и В.И. Порайко (председатель Укрсельбанка, в 1927–1930 гг. народный комиссар юстиции и генеральный прокурор УССР), секретарь ЦК КП(б) Украины (1925–1927) В.П. Затонский, М.П. Орахелашвили (представитель Закавказской СФСР и кандидат в члены ЦИК СССР), секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин и председатель Госплана УССР в 1925–1926 гг. Г.Ф. Гринько. В силу ограниченного времени на прениях смогли выступить не все желающие. Установить всех присутствовавших на заседании невозможно, так как полный экземпляр стенограммы либо не сохранился, либо недоступен исследователям.

В начале дискуссии был определён регламент заседания. По вопросу всесоюзности академии было заявлено 14 ораторов, в том числе около 10 от Украины [2, л. 37]. Член президиума ВЦИК и ЦИК СССР

² “Записка Академии наук в СНК о всесоюзном характере её работы” В.А. Стеклова и С.Ф. Ольденбурга была опубликована в 1968 г., но со значительными пропусками [3, с. 199–202].

³ Цитаты из записки В.А. Стеклова приведены с сокращениями.

⁴ В стенограмме не указаны его инициалы. Предположительно, Пётр Алексеевич Богданов (1882–1939) — инженер, председатель ВСНХ РСФСР (1921–1925), член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) (1927–1930).

⁵ Ш.З. Элиава на тот момент был кандидатом в члены Президиума ЦИК СССР (1924–1929 гг.) и председателем СНК Грузинской ССР.

Я.В. Полуян предложил ограничить число выступающих от каждой республики (Украинской, Белорусской и Закавказской) с лимитом времени 5 минут, но на голосовании было решено вести прения по нормальной записи. После А.И. Рыкова слово взял В.П. Затонский — секретарь ЦК КП(б)У (1925–1927), нарком просвещения Украины (1922–1924, 1933–1938) и академик ВУАН с 1929 г.

В ходе обсуждения высказывались доводы за и против идеи всесоюзности академии, причём представители Белорусской ССР проявляли лояльность, а украинские делегаты были в основном против. Они аргументировали своё неприятие этой идеи необходимостью учреждать локальные академии наук на местах и выступали против русификации, которую, по их словам, якобы проводила в своё время Петербургская академия наук. Однако, как отмечал в своей записке В.А. Стеклов, создание любых академий требует времени: «Не могут иметь всемирного и всесоюзного авторитета недавно созданные другие академии, как, например, молодая ещё Всеукраинская академия в Киеве. Им нужно ещё прожить и проработать немало лет, создав “научные институты с долголетней практикой”, пока они достигнут того положения в науке, которое уже признано всем миром за Российской академией наук» [2, л. 6 об.].

Такие вопросы, как юридический статус академии и её возможное переподчинение вследствие изменения этого статуса, требовали присутствия на заседании лиц, активно участвовавших в разработке организационной структуры органов советской власти, а также нового законодательства, в том числе советской Конституции (Г.И. Петровский, Н.В. Крыленко, В.И. Порайко и другие). В связи с этим жёсткая позиция Н.В. Крыленко и А.Г. Червякова, не допускавших на тот момент никаких, даже мельчайших изменений в законодательстве, представляется чрезмерной.

В речах А.И. Рыкова прослеживаются отсылки к аргументам, которые были выдвинуты в записке об Академии наук академиками В.А. Стекловым и С.Ф. Ольденбургем. Публикуемое обсуждение служит подтверждением того, что федерализация на территории бывшей Российской империи могла привести к большей автономности республик. При этом наша современница доктор юридических наук и исследователь О.Д. Максимова отмечает, что планов создавать отдельную академию и для РСФСР, как для некоторых других республик, у большевиков не было [4, с. 82–93]. Документ свидетельствует о том, что украинские представители выступали против всесоюзной академии, однако решение было принято большинством голосов против 33-х. Тем не менее национальные элиты добились ряда уступок, а АН СССР обязалась помогать развитию науки на местах и становлению академий союзных республик. На заседании Политбюро 8 июля 1925 г. был сделан

акцент на необходимости “обеспечения сотрудничества всех национальных республик” во Всесоюзной академии [1, с. 39]. Ответственность АН СССР за развитие науки в национальных республиках и её курирующая роль были закреплены как в уставе 1927 г., так и в пришедшем ему на смену уставе 1930 г.

27 июля 1925 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР всесоюзный статус бывшей Российской академии наук закреплялся институционально. На следующий день об этом объявила газета “Известия”. 30 июля из Академии наук на имя А.И. Рыкова пришла телеграмма с благодарностью. В своём ответе 1 августа он выразил уверенность в том, что “Академия наук Союза Советских Социалистических Республик сумеет принести всю ту пользу, на которую рассчитывают рвущиеся к культуре и знаниям народы СССР” [2, л. 50].

Первый устав Академии наук СССР, разработанный комиссией В.П. Милютина, был утверждён в 1927 г. Из изначального проекта устава был исключён предложенный Наркомпросом РСФСР пункт об утверждении членов академии Правительством, но добавлен пункт о порядке лишения академиков звания в том случае, если их деятельность направлена во вред СССР и если они не выполняют заданий, возлагаемых на них этим званием⁶. По всем вопросам академия имела право обращаться непосредственно в наркоматы и другие учреждения СССР, что шло вразрез с итогами обсуждения в Тифлисе. Однако уже в 1930 г. устав был изменён, чтобы более чётко обозначить новые задачи Всесоюзной академии. В 1930 г. она стала подчиняться ЦИК СССР, а не СНК, и в академики теперь запрещалось избирать “лиц, проявивших враждебное отношение к революционному движению пролетариата” (п. 16 Устава 1930 г.) [6, с. 132]. Теперь для получения этого звания было необходимо не только иметь труды “первостепенного значения, но и способствовать социалистическому строительству Союза ССР” (п. 11 Устава 1930 г.) [6, с. 131]. Такой поворот событий был предопределён после обсуждения проекта нового устава в феврале 1930 г. Комиссией по выработке нового устава АН [7, с. 368] и оглашения основных принципов работы советской Академии наук. Это предполагало максимальную плановость научно-исследовательской работы и, по выражению народного комиссара просвещения историка М.Н. Покровского, “солидаризацию Академии наук с произошедшими в стране переменами”, то есть её активное участие в построении нового государства [7, с. 366].

В 1934 г. состоялся переезд академии из Ленинграда в Москву. У большевиков было меньше доверия к ленинградской интеллигенции, так как с подачи одного из руководителей органов Объединённого государственного политического управ-

⁶ Протокол Политбюро № 103. <https://ihst.ru/projects/sohist/books/an/21.htm>

Участники торжественного 1-го заседания Всесоюзной академии наук. 1925 г.

Правая сторона — президиум АН СССР (слева направо): вице-президент АН СССР академик А.В. Стеклов, президент АН СССР академик А.П. Карпинский, неперменный секретарь академик С.Ф. Ольденбург. За столом в глубине комнаты — члены Отделения русского языка и словесности (справа налево): Е.Ф. Карский, В.Н. Перетц, Б.М. Ляпунов, Н.П. Лихачёв. Слева за первым столом напротив президиума — члены Историко-филологического отделения (слева направо): И.Ю. Крачковский, С.Ф. Платонов, Ф.И. Успенский, П.А. Лавров, Ф.И. Шербатский, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. У левой стены — Отделение физико-математических наук (слева направо): А.Е. Ферсман, С.П. Костычев, В.Л. Омелянский.

Источник: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1442. Д. 27.

ления С.А. Мессинга Правительство считало, что московские учёные менее враждебно относятся к революции и большевикам. В докладе об Академии наук 1926 г. Мессинг писал: “Ленинград был городом двора, гвардии, министерств, научных учреждений”, а “среда Ленинградских научных работников — своеобразнейшая формация русской интеллигенции, сохранившейся в СССР только в г. Ленинграде” [8, л. 68]. Современный историк Э.И. Колчинский отмечал, что уже к середине 1930-х годов Правительство обеспечило преобладание московских академиков-руководителей в институтах, которые занимались прикладными исследованиями и непосредственно участвовали в работе таких жизненно важных отраслей, как оборонная и химическая промышленность, новые технологии и т.д. Переезд Академии наук символизировал её превращение в правительственный

центр научных исследований [9, с. 31, 32]. Перенос обоих центров (как государственного управления, так и научно-организационного исследовательского центра) был тесно связан и со сменой управленческого режима в каждой из этих структур.

Оригинальный экземпляр выписки из стенограммы, хранящийся в Государственном архиве РФ в фонде Комиссии Совета народных комиссаров по содействию работам Академии наук СССР, содержит пометки, оставленные, предположительно, Н.П. Горбуновым или А.И. Рыковым. На деле стоит гриф “Совершенно секретно”, который был снят в 1992 г. Выписка из стенограммы представляет собой машинопись с небольшой правкой и пометками. Стенографистке не удалось полностью воспроизвести обсуждение, поэтому в некоторых местах стоят пропуски в виде многоточия. Вероятно, этот документ — единственный экземпляр стенограммы

заседаний фракции, доступный для исследования на данный момент. Для публикации он был незначительно сокращён, опечатки исправлены без оговорок. Стенограмма фракции, о которой доктор исторических наук В.Д. Есаков на заседании учёного совета Института российской истории РАН 20 мая 1999 г. говорил как о найденной⁷, литературно не обрабатывалась, представляет собой запись живой разговорной речи и публикуется согласно современным правилам правописания.

Выдержка из заседания фракции РКП(б) 3-й сессии ЦИК Союза ССР 2-го созыва. 5 марта 1925 г.

ЛИЧНО.

С. СЕКРЕТНО

ТОВ. ГОРБУНОВУ Н.П.⁸

Против — Затонский от Украины (см. стр. 5⁹ — его слабую аргументацию)

За — Ходоровский¹⁰

Петровский¹¹ — против

т. Горбунову Н.П., лично, сов. секретно

КАЛИНИН¹². Второй пункт о Союзной академии наук.

РЫКОВ¹³. Вопрос о том, ставить ли в повестку этой сессии вопрос о Союзной академии наук, пе-

редан на разрешение Комиссии ЦК РКП, причём Политбюро дало обязательную директиву в том смысле, что если обсуждение этого вопроса вызовет большие разногласия, тогда этот вопрос с повестки снять и разногласия не разрешать. Вопрос заключается в том, что мы теперь должны утвердить устав Ленинградской академии наук¹⁴ и при утверждении устава должны сказать, является ли она Союзной академией или Академией РСФСР. Из всех частей Союза свои академии имеют два государства — РСФСР и Украина.

Украина свою академию организовала в 1918 г. Ленинградская академия существует 200 лет, вступает в третье столетие своего существования. За 200 лет в Ленинградскую академию было свезено... исключительное количество богатств в виде всякого рода музеев, как Азиатского музея¹⁵, Этнографического музея¹⁶ и т.д. Библиотека Ленинградской академии насчитывает более 3 млн томов. Из учёных учреждений этого типа на всём земном шаре Ленинградская академия является одной из лучших. Так что, по существу дела, мы тут получили наследство, которое трудно передать одной части Союза, наследство, которое какая-нибудь из частей Союза едва ли сможет вновь собрать на протяжении многих столетий. Делить эти богатства по душам и нациям едва ли возможно, это значит рушить их. Справедливо ли передать РСФСР? Если бы существовали во всех частях Союза (теперь мы их имеем 6) сколько-нибудь похожие учёные учреждения, можно было бы передать одной из частей Союза. Вот этот вопрос мы сейчас вынуждены обсудить. Он связан ещё с тем, что по самому содержанию своих работ Ленинградская академия была до сих пор общесоюзной. <...>

Академия изучает очень усиленно восточную культуру, восточные языки, у неё имеются лучшие в Европе азиатские музеи... Для изучения восточной культуры нужно использовать крупнейшие богатства, которые собраны в Ленинградской академии. ...Мы в этом году будем праздновать 200-летие академии, и на это празднество съедется несколько сот учёных со всего земного шара. Академия имеет очень большую известность мировую. До войны был Союз

⁷ http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=26#_ftn1

⁸ Н.П. Горбунов (1892–1937) — академик АН СССР (1935), с 1917 г. — секретарь СНК РСФСР и личный секретарь В.И. Ленина, с 1920 г. — управляющий делами СНК СССР, в 1935–1937 гг. — непреременный секретарь АН СССР.

⁹ Номер страницы стенограммы с выступлением В.П. Затонского.

¹⁰ И.И. Ходоровский (1885–1938) — председатель Центральной комиссии по академической проверке вузов, в 1922–1928 гг. работал в Наркомпросе, с 1924 г. — заведующий Главпрофобром, до 1928 г. — заместитель наркома, с 1932 г. — заместитель председателя Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР.

¹¹ Г.И. Петровский (1878–1958) — член Политбюро, в 1922–1937 гг. — один из председателей ЦИК СССР, в 1937–1938 гг. — заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Участвовал в разработке организационной структуры органов Советской власти и первой Конституции РСФСР (1918).

¹² М.И. Калинин (1875–1946) — в 1919–1949 гг. занимал должность номинального главы государства в РСФСР (потом СССР), с 1919 г. — председатель ВЦИК, с 1922 г. — председатель ЦИК СССР, в 1938–1946 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР, с 1926 г. — член Политбюро ЦК.

¹³ А.И. Рыков (1881–1938) — советский политический деятель, в 1924–1930 гг. — председатель СНК СССР и СНК РСФСР (1924–1929), член Политбюро (1922–1930).

¹⁴ Академия наук СССР до революции именовалась Петербургской или Императорской (более официальное название). Ленинградская АН — неофициальное название, которое часто фигурирует в источниках.

¹⁵ Азиатский музей был основан в ноябре 1818 г. и сначала представлял собой хранилище рукописей, книг, монет и предметов материальной культуры Востока. С 1950-х годов бывший Азиатский музей как Сектор восточных рукописей Института востоковедения был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения, а в 2007 г. получил статус самостоятельного Института восточных рукописей РАН.

¹⁶ Этнографический музей — основан как этнографический отдел Русского музея, с 1934 г. — самостоятельное учреждение.

академий¹⁷, центр которого был в Берлине, и когда во время войны Берлинская академия решила передать свои функции Голландской академии, то Голландская академия заявила, что она может принять функции только в том случае, если важнейшие академии земного шара эту передачу поддержат, а важнейшими академиями земного шара считали Петербургскую академию, академии в Париже и Лондоне¹⁸. Такова Ленинградская академия по своему чину и своему значению, которое она имеет благодаря тем богатствам, которые у неё есть. В некоторых отраслях её коллекции и музеи выше западноевропейских. Наша академия поэтому играет большую роль и на международном рынке котируется очень высоко. Что касается личного состава академии, то есть целый ряд таких учёных, как Павлов, которые своими работами создали себе мировую известность, такие как Ольденбург¹⁹, Стеклов²⁰ и т.п. <...>

Так как Коммунистическая партия ни одного настоящего учёного не дала, то там коммунисты представлены очень слабо, но всё-таки там есть такая группа учёных, которая в противовес петроградцам поставила своей сознательной задачей работать вместе с нами, и когда они едут на международные съезды, они с гордостью представляют Советский союз. <...>

Вот, разногласия здесь главным образом с одной только республикой, которая входит в союз, — с Украиной. Остальные не возражают, потому что у них своих академий нет. Ленинградская академия ведёт специальное обслуживание, она составляет карты народностей, этнографические карты для Туркестана, Кавказа и целого ряда других частей Союза. Так что она обслуживает отдельные части республики, кроме Украины. На Украине своя академия, она основана в 1918 г., но она развивается и растёт очень быстро. Её отличие от Ленинградской академии в том, что она, наряду с общими задачами, изучает специально экономические... /не слышно/²¹ её климат и т.д. Украинская академия и целый ряд лиц из интеллигенции Украины, конечно, могут истолковать назначение академии нашей союзной как возврат к этой колонизаторской великорусской

опасности. Но, повторяю, до сих пор устав этой академии не утверждён. В воздухе болтаться невозможно <...>. В связи с 200-летием это неопределённое положение делается конфузным и перед Западной Европой, поэтому устав академии я задерживаю всё время в Совнаркоме и поставил вопрос на обсуждение ЦК РКП, который колебался. Сначала думал поставить этот вопрос на повестку... /не слышно/, а потом стали зондировать почву и встретили сопротивление со стороны Украины. Этот вопрос стоит так: или поставить его на этой сессии или, если вы установите значительные разногласия в этой области, тогда с этой сессии снять, но тогда каждый присутствующий здесь обязан поставить этот вопрос у себя на месте, и его придётся дискутировать всю с тем, чтобы хотя бы в следующей сессии этот вопрос окончательно разрешить. С разрешением его связано участие нашего Союза во всяких мировых научных съездах и конференциях. <...> Повторяю, библиотека академии насчитывает более 3 млн томов. Конечно, ни одна из частей Союза, если приступить к организации своей библиотеки, не соберёт даже на протяжении 100 лет такого [богатства] <...>.

Вот как стоит вопрос, и комиссия ЦК Партии постановила, что окончательно она разрешит вопрос о том, ставить ли и обсуждать ли вопрос о Ленинградской академии на этой сессии или нет, после обмена мнениями на настоящей сессии.

[Обсуждается регламент заседания. — А.Ц.].

КАЛИНИН. Есть предложение ограничить число ораторов количеством представителей республик, и есть другое предложение — вести прения по нормальной записи. Ставлю на голосование эти предложения. Принято вести прения по записи. Слово имеет тов. Затонский²².

ЗАТОНСКИЙ²³. Понятно, Академия наук кое в чём имеет общесоюзное значение — это старое научное учреждение заслуженное, значит, об этом спорить нечего. Но в споре об академии гораздо сложнее вопрос организационный. Прежде всего, в чём ведении она будет находиться. Сейчас она находится в ведении Наркомпроса, и нельзя ограничить Наркомпрос одной только народной школой, балетом в Большом театре и т.д. Наркомпрос ведает всей системой просвещения и науки, и иначе быть не может. Если тов. Енукидзе говорит, что иначе может быть, то я считаю, что это будет неправильно, если мы оторвём научную работу от общей работы²⁴. Нельзя огра-

¹⁷ Международный союз академий Association Internationale des Academies, или Международная ассоциация академий (МАА) — ассоциация, созданная в 1899 г., её учредителями были 10 академий (см. подробнее в [5]).

¹⁸ Ясно прослеживается отсылка на докладную записку академика В.А. Стеклова [2, л. 8—5].

¹⁹ С.Ф. Ольденбург (1863—1934) — востоковед-индолог, академик РАН (1903) и АН СССР, академик Всеукраинской академии наук (1925), академик Белорусской АН (1928), непреременный секретарь АН в 1904—1929 гг., член Государственного совета (1912—1917), министр народного просвещения Временного правительства (1917).

²⁰ В.А. Стеклов (1863—1926) — математик и механик, академик Петербургской АН (1912), вице-президент АН СССР (1919—1926), первый директор Физико-математического института РАН.

²¹ Здесь и далее — комментарии стенографистки.

²² В.П. Затонский (1888—1938) — академик ВУАН, в декабре 1917 г. был избран в правительство Украинской народной республики Советов и возглавил Секретариат (Наркомат) Просвещения, секретарь ЦК КП(б)У (1925—1927), нарком просвещения Украины (1922—1924, 1933—1938).

²³ Подпись, видимо, Н.П. Горбунова напротив речи В.П. Затонского: “Софистика и слабая [аргументация] — в стиле карандашных заметок”.

²⁴ Тут имеется в виду общая работа по поднятию культурного уровня населения и социалистического строительства.

ничить Наркомпрос только лишь распространением знаний, это неверная точка зрения. Значит, тут вопрос организационный. Если мы создаём Академию наук как орган общесоюзный, то одно из двух: мы должны её оставить в ведении одного из наркомпросов, понятно, РСФСР, и получится, что Наркомпрос, орган только одной республики, будет ведать общесоюзным учреждением; либо мы должны создавать... полностью, либо частичный наркомпрос Союза. Организуйте союзный Наркомпрос, я был сторонником организации Совета наркомов по просвещению, при котором могли бы быть уже соответствующие учреждения, но эта точка зрения не прошла. Раз мы взяли определённую линию, то мы эту линию должны вести, а нельзя по каждому случаю от того, что исполнилось сегодня 200 лет академии, а завтра исполнится столетие какого-нибудь театра, начать передёргивать нашу общую систему. */Голос: можно при Союзном Совнаркоме или при ЦИКе/*. Тогда какими мерами эта академия будет работать? Совершенно независимо от Наркомпроса? Это неверно. Это отрыв науки от преподавания. Это самая народническая точка зрения, точка зрения народного учителя. Этот вопрос ясен: то, что академия имеет общесоюзное значение по сути своей работы, совершенно правильно. Никакая Украинская академия не может идти с нею в сравнение. Украинская академия организована в 1917 г. при гетманщине²⁵, в противовес российской, и не с точки зрения сохранения самой Украинской академии, её престижа я здесь выступаю, хотя я и работал в своё время и сейчас работаю на Украине, а я выступаю потому, что вопрос этот глубоко конституционен. Почему этот вопрос вставал раньше в Политбюро ЦК РКП, а сейчас переносится на фракцию Союзного ЦИК? Совещание наркомов просвещения ведь у нас имеется? Имеется. Провели вы этот вопрос через него? */Голос: я вам сейчас расскажу/*. Вы раньше и рассказывайте. В том-то и дело, что в обход обычно принятому порядку по случаю 200-летия стараются притянуть в той или другой форме союзные органы в таких учреждениях, как НКПрос, НКЗдрав и т.д. Так и ставьте вопрос. Когда будет обсуждаться вопрос о Союзном Наркомпросе, может быть, я и возражать не буду, но так и ставьте вопрос, а не дёргайте по частям. Я предлагаю принять второе предложение тов. Рыкова: с этой сессии вопрос снять и провести его в определённо установленном порядке. Прежде всего — дать поручение наркомам просвещения всех республик основательно продумать, в каком порядке можно обеспечить ведение этой общей научной работы, или же дать объявление “академия союзного органа”, ибо суть не в том, как будет называться академия. Может быть, и правильно было бы назвать её союзным органом, но нужно заранее обдумать, как она будет дальше функционировать и как она войдёт в систему общего управления. Поэтому

²⁵ Гетманщина — в данном случае период власти гетмана П.П. Скоропадского на Украине в апреле—декабре 1918 г.

я предлагаю с этой сессии этот вопрос снять, поручить наркомам просвещения всех республик продумать у себя соответствующие правила, доложить их и обсудить на следующей сессии, тогда вопрос можно будет принять.

КАЛИНИН. Слово имеет тов. Ходоровский.

ХОДОРОВСКИЙ. Тов. Затонский спрашивает, обсуждался ли этот вопрос на совещании наркомов просвещения? Этот вопрос обсуждался на пяти совещаниях наркомов просвещения и вообще тогда, когда тов. Затонский был наркомом просвещения, и в последнее время обсуждался в октябре месяце, тогда, когда его замещал тов. Шумский²⁶. Вопрос обсуждался гораздо шире и не только относительно академии, а и относительно научно-исследовательских и учёных учреждений, которые по существу своей работы имеют общесоюзное значение и которые следовало бы для всего Союза использовать таким манером. <...> У нас с тов. Затонским намечалась полная договорённость, потому что список учреждений общесоюзного значения, находящихся на Украине, был составлен под руководством тов. Затонского, если не им лично; теперь мы упёрлись в тупик. Когда мы запросили республики, как они относятся к идее превращения Академии наук в общесоюзную академию, нам ответили таким репримандом, что мы должны были ретироваться. Вопрос поставлен А[лексеем] И[вановичем Рыковым] совершенно правильно: такие учреждения, как Академия наук, являются общесоюзными, они и прежде были общесоюзными, и нужно, чтобы перед лицом всего мира это было за ними закреплено. Наши академики, а их очень немного, их только 40 человек примерно²⁷, — это в действительности мировые знаменитости. Когда, например, математик Стеклов приезжает на Международный конгресс в Канаду²⁸, его принимают как представителя всего Союза, бывшего представителя Российской империи. То же самое со знаменитым физиком Иоффе²⁹. Вы не можете создать теперь такого положения, при котором международная наука рассматривала бы представителей нашей Российской академии как представителей российской, узко РСФСР-ской науки. Вы не можете создать такого положения и не создадите, и это

²⁶ А.Я. Шумский (1890—1946) — народный комиссар просвещения Украины (1924—1927), проводил политику украинизации. Предлагал выдвинуть на пост председателя Совнаркома Г.Ф. Гринько. В 1927 г. позиция Шумского по национальному вопросу была осуждена партией и Коминтерном.

²⁷ На 1 ноября 1925 г. общее число членов Академии наук СССР составляло 42 человека.

²⁸ Вероятно, речь идёт о VII конгрессе математиков в Торонто в 1924 г. На V конгрессе в Кембридже в 1912 г. математик А.В. Стеклов стал вице-президентом конгресса от России.

²⁹ А.Ф. Иоффе (1880—1960) — физик, академик (1920), вице-президент АН СССР (1942—1945), лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического Труда.

было бы невыгодно, это понижало бы удельный вес нашей науки на международных весах. Вопрос, поднятый тов. Затонским, — организационный вопрос, вопрос очень важный, и тут я должен с ним солидаризироваться. Мы тут намечали, что администрируется общесоюзное научное или учёное учреждение тем наркомпросом, на территории которого оно находится, а совещание наркомов просвещения разрабатывает общие нормы, общие директивы, общую линию, и остаётся только финансирование и непосредственное текущее администрирование, которое и должно быть передано наркомпросу той республики, на территории которой оно находится. Иного порядка я себе не мыслю, иной системы я себе не представляю. Не может существовать такое учреждение, которое бы администировалось ЦИ-Ком. <...> Ближко подойти к работе научного учреждения Правительству и партии необходимо. Может ли ЦИК это сделать? Нет. У него нет ни аппарата, да и он сам по своей природе не приспособлен для этой цели. Вот почему я думаю, что если мы признаем необходимость превратить Российскую академию наук, как она до сих пор называлась, в Академию наук Союза, а мы должны это сделать, то нам придётся отсюда сделать и второй вывод и на основании этого сказать, что Академия наук, так же, как и другие учреждения, которые в будущем будут признаны общесоюзными, непосредственно администрируется Наркомпросом той республики, на территории коей она находится. Иного плана работ, иного порядка я не вижу.

КАЛИНИН. Я думаю, сейчас вопрос администрирования не ставить. Слово имеет тов. Петровский.

ПЕТРОВСКИЙ. Товарищи, я хотел бы отметить историю этого вопроса. Вопрос этот возник на совещании Наркомпроса, и тов. Луначарский хотел провести это решение. После этого тов. Луначарский снял этот вопрос и обещал его не ставить. Что касается организации у нас национальных научных сил для использования их в сторону развития национальной культуры, то мы сталкиваемся с очень большими затруднениями. Средства каждой республики в отделимости очень малы и очень ограничены. Всякая мало-мальски порядочная сила уплывает в Москву или Питер. Но перед партией стоит задача развития национальных республик, развития в ней научных сил. Для того чтобы получило должное направление национальное развитие отдельных республик, нужно иметь силы. Если же эти силы будут уплывать из-за отсутствия средств, то мы будем биться как белка в колесе и никогда не организуем что-либо серьёзного в области национальной культуры.

Если здесь указывалось тов. Рыковым на то, что академия должна быть одна, причём он основывался на том, что там есть профессор Марр³⁰ — знаток

языков, который будет обогащать республику исследованиями этнографии и всяких других национальных культур, если хотят российскую академию превратить в общесоюзную, то мы знаем, что помимо профессора Марра там существует целый ряд других профессоров, хотя бы назову одного из них — профессора Ольденбурга. <...> Он, может быть, и выдающийся человек, я этого не отрицаю, но позволите и нам сделать такими же выдающимися несколько своих национальных украинских, кавказских и других лиц³¹. Не думайте, что я такой заскорузлый человек, что не признаю Марра и т.д., но слишком узка будет их работа. Здесь говорили, что у дагестанской национальности нет письменности, кто её разработает? Говорят, что её разработает Марр, но если в Дагестане нет сил, которые занялись бы разработкой дагестанского письма, то трудно думать, что это можно сделать из Питера.

КАЛИНИН. Слово имеет тов. Орахелашвили³².

ОРАХЕЛАШВИЛИ. Товарищи, я совершенно согласна с тем, что на сессию вносить этот вопрос и решать его здесь не нужно, но, с другой стороны, мне кажется, что на фракции надо этот вопрос предпрешить. И предпрешить, конечно, в утвердительном смысле, но с некоторой оговоркой. Дело в том, что вопрос о создании [академии] ставится неправильно, здесь даже нельзя говорить о создании, а только о признании того, что сейчас есть... Безусловно, в настоящее время Академия наук обслуживает весь Союз и является, конечно, союзным учреждением. Я уже не буду говорить о том, что вообще наука интернациональна... что есть масса таких наук, хотя бы в области естественной, которые, безусловно, сейчас объединены и разрешение которых мы найдём в центре. Возьмите, например, востоковедение, языковедение, грузиноведение, то колыбелью разрешения этих вопросов является Академия наук РСФСР, и говорить о том, что они нам принесут какой-либо вред, ни в коем случае нельзя. Наоборот, это принесёт исключительно только пользу, и повторяю, академия сейчас обслуживает нас.

Ещё вопрос, который пугает и нас, ответственных работников Наркомпроса, и... нашу грузинскую интеллигенцию, — это то, что будут филиалы академии на местах, которые не дадут возможности развернуться местным научным обществам. У нас уже есть эти научные общества, а академия союзная непременно развернёт свои щупальцы на местах и постарается создать свои филиалы. В этом вопро-

³¹ Чья-то пометка карандашом на копии стенограммы: “Верно. Но не сразу, не приказом, а нужно время. Н.” В тексте не очень ясно, буква “Н” стоит или буква “П”.

³² М.П. Орахелашвили (1887–1937) — начальник одного из управлений Наркомпроса РСФСР в Москве, нарком просвещения Грузинской ССР. Происходила из княжеского рода, закончила Смольный институт. Входила в Кавказский краевой комитет РКП(б).

³⁰ Н.Я. Марр (1865–1934) — востоковед, лингвист, академик РАН, весной 1930 г. избран вице-президентом АН СССР.

се нужно быть осторожным. <...> Второй вопрос — это вопрос организационный. Тов. Ходоровский... сказал, что он не представляет себе иначе: раз на такой территории имеется академия, то управление должно быть предоставлено Наркомпросу РСФСР. Я высказываю своё личное мнение, так как Комиссариат просвещения Грузии не имел по этому поводу обсуждений, и не удалось в ЦК этот вопрос поставить, и поэтому я говорю лично за себя. Но, во всяком случае, я думаю, что так разрешить вопрос и что это останется в сети учреждений комиссариата просвещения РСФСР, — это будет преждевременно. Этот вопрос нужно хорошо обсудить и хорошо над ним подумать. У нас в Закавказье много учреждений, которые расположены на нашей грузинской территории, но подведомственны закавказским учреждениям, и они управляются не хуже, чем мы бы управляли. Организационный вопрос нужно выделить особо. Одновременно должны быть академия РСФСР и союзная, но управление должно быть при Совнаркоме союзном, в котором будут представлять те республики, у которых имеются академии наук. Вот поэтому по вопросу организационному я не совсем согласна с тов. Ходоровским, и об этом нужно ещё подумать. В остальном же не может быть двух мнений, Академия наук сейчас обслуживает нас и в будущем только принесёт пользу.

ЕНУКИДЗЕ³³. Товарищи, когда поднимается у нас вопрос о создании общесоюзных учреждений, то каков бы характер ни был этих учреждений — хозяйственный, политический или учёный — каждый высказывает свои опасения и свои боязни по-своему. Украинцы по всякому поводу, что бы мы ни создали, всегда возражают и приводят национальные соображения, которые совершенно не связаны с действительными опасениями. Другие боятся по-своему. Крыленко³⁴ выступит — он будет бояться по-своему. /Крыленко с места: не бояться будет, а обвинять вас будет/. Он будет нас обвинять в том, что это в Конституции не предусмотрено. Но мы Конституцию всегда можем дополнить, расширить, а он раб первого пункта Конституции и дальше этого не идёт. Теперь вопрос об академии. Из всего царского наследства это, пожалуй, единственное учреждение, которое необходимо сохранить в общесоюзном масштабе, потому что фактически эта

академия, как было сказано т.т. Рыковым и Орахлашвили, всё время, столетиями выполняла роль общеимперского учреждения. Пусть товарищи украинцы скажут, где были самые лучшие знатоки украинского языка, где были произведены самые основательные работы? Только в Академии наук, которая называлась Российской академией наук. Самые лучшие работы по грузинскому языку, армянскому, по восточным языкам и языкам других народностей — зырян, чувашей и т.д. — были в этой академии. Эти работы немислимы вне академии. Ни одна наша народность не сможет развить и довести свой язык до того совершенства. Я скажу о Дагестане. Тов. Самурский³⁵ шутил говорил о Дагестанской академии. Разве Дагестан сможет без научного учреждения выработать у себя общий язык. /Голос с места: ясно, что не можем/. Мы исходим из интересов развития всех языков нашего Союза, из интересов культурной и научной связи со всем миром. Мы уже вступили на этот путь и не можем отступить. Если капиталистический мир начнёт скоро переделываться на наш лад, то с ним придётся связаться теснее через общие учёные учреждения. Мы должны в принципе это одобрить. Я поражаюсь, что украинцы, которые великолепно понимают смысл и значение этого учреждения, выступают здесь принципиально против. Что касается организационного вопроса, то здесь тов. Петровский говорил, что у ЦИК нет аппарата, он не приспособлен. Если бы так рассуждали, мы ничего не сумели бы создать, ни одного общесоюзного комиссариата. Разве ЦИК не в состоянии создать аппарат, который мог бы обслуживать помимо Наркомпроса это учреждение? Конечно, сможем. Мы можем создать ещё целый ряд организаций. Я в комиссии был за то, чтобы этот [вопрос] снять, и откровенно скажу: потому хотел снять, что предвидел такие выступления, которые здесь не должны были быть. Это несвойственно нашей партии — единой партии. /Голоса: правильно/. К сожалению, такие голоса здесь уже раздаются. Если этот вопрос встал, я не думаю, чтобы мы здесь пришли к какому-нибудь определённом соглашению, но принципиально пусть большинство фракции скажет — нужно в общесоюзном масштабе такое учреждение или нет? Конечно, это не предпринимает вопроса о том, чтобы в каждой союзной республике соответствующим образом развивалось собственное научное учреждение. <...>

КАЛИНИН. Ко мне поступило огромное количество записок с предложением прекращения прений. Мы предлагаем дать слово тов. Крыленко, так как он выступил против, после — тов. Элиаве — представителю Закавказья, а после, я думаю, нужно спросить

³³ А. С. Енукидзе (1877–1937) — член Центральной контрольной комиссии ВКП(б) в 1924–1934 гг., член ЦК ВКП(б) в 1934–1935 гг., в 1922–1935 гг. — секретарь ЦИК СССР, в 1927–1934 гг. — член президиума ЦК.

³⁴ Н. В. Крыленко (1885–1938) — кандидат в члены ЦИК СССР 1–4-го созывов, член ЦК ВКП(б) в 1927–1934 гг. Входил в состав первого СНК, был членом Комитета по военным и морским делам, в 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим и наркомом по военным делам, в 1921–1922 гг. — член коллегии обвинителей Верховного трибунала при ВЦИК, с 1922 г. — заместитель наркома, с 1931 г. — нарком юстиции РСФСР, в 1922–1928 гг. — помощник прокурора, в 1928–1931 гг. — прокурор РСФСР.

³⁵ Н. П. Самурский (Эфендиев) (лезг. Самурви) — первый секретарь Дагестанского областного комитета ВКП(б), входил в состав особой тройки НКВД СССР, первый кандидат исторических наук в ДАССР, в 1921–1928 гг. — председатель ЦИК Дагестанской АССР.

мнение тов. Кржижановского. Он руководит всей планировкой нашей промышленности. Товарищи, с каждым годом наша промышленность всё больше и больше будет находиться под влиянием науки, а Академия наук из органа отвлечённой науки будет превращаться в орган научного руководства. Я считаю, что тов. Кржижановский³⁶ должен высказаться, хотя он и не записался. Голосую, кто за закрытие прений вообще? Кто за ведение прений по порядку? Принято. Слово имеет тов. Крыленко.

КРЫЛЕНКО. Тов. Енукидзе... удивляется, как это могут раздаваться подобные голоса, которые не должны бы быть свойственны нашей партии. Прежде всего, этот упрёк позвольте возвратить обратно, потому что если здесь, в частности, я лично выступаю, то выступаю на точном основании директив партийного съезда, который сказал, что те принципы управления и разрешения национальных вопросов, которые усмотрела наша партия, должны быть всячески сохраняемы и проводимы в жизнь. Товарищи, эти принципы нашли своё выражение в писаном документе, и этот писанный документ именуется Конституцией, и сколько бы тов. Енукидзе не хотелось пренебрежительно отнестись к этим якобы формальным вопросам /Енукидзе: *никакого пренебрежительного отношения нет*/, я считаю своей обязанностью и долгом всякий раз, когда её желают походя нарушить, я указываю на это нарушение и прошу тов. Енукидзе и других опровергнуть утверждение, которое я сейчас выставлю. Я говорю, что 3-я статья нашей Конституции точно и ясно запрещает распространительно толковать в общесоюзном масштабе те отрасли культурной, просветительной работы, которые Конституцией и решением партии переданы в учреждение и управление республикой. Так абсолютно точно говорит 3-я статья. К области народного просвещения относится, в области общесоюзного законодательства — установление основных начал просвещения, а не управление отдельным аппаратом и учреждениями, говорится только о промышленных предприятиях. <...> Отсюда вытекают тенденции, которые сплошь и рядом перескакивают, особенно у необъединённых наркоматов, о том, чтобы превратиться в общесоюзный наркомат. Этой тенденции должен быть положен конец. Здесь просят снять вопрос и не предпринимать сразу, вдруг, внезапно. Позвольте поставить вопрос по существу и обсудить. Единственный аргумент, который заслуживал бы некоторого уважения, — это то... что, по существу, обслуживает весь Союз. Есть целый ряд учреждений в Западной Европе, имеющих мировое значение... Организационные выводы отсюда могут быть какие-нибудь? Никаких. И здесь точно так же не может быть. <...> Мы, говорит, дополним Конституцию. Будьте любезны, тов. Ену-

кидзе, раньше провести дополнение, а потом на основании этого дополнения действовать.

КАЛИНИН. Слово имеет тов. Элиава³⁷.

ЭЛИАВА. Товарищи, защита Конституции — очень почётная вещь, но так, как тов. Крыленко защищает, я никому не рекомендую защищать. Это есть не защита, а провал нашей Конституции определённым образом. /Крыленко: *старо*/. Хорошо. По Конституции, к ведению органов союзных относится установление общих начал в области просвещения. Третий пункт, который, по словам тов. Крыленко, запрещает что бы то ни было, здесь сказано так: “Суверенитет союзных республик ограничен лишь в тех пределах, указанных в настоящей Конституции”³⁸, и лишь по предметам, отнесённым к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно. Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права республик”.

Разрешите, пожалуйста, кто рекомендует нарушить суверенные права республик? Никто. Говорят, дайте обсудить на фракции, нужно ли учредить Союзную академию наук. Если нужно, мы будем в соответствующих органах на соответствующих компетентных собраниях эти изменения в Конституцию вносить. Но тов. Крыленко запрещает на все времена вносить изменения... Теперь последний аргумент тов. Крыленко — совершенно недопустимый. Он говорит, что в западноевропейских странах есть учреждения мировые и, однако, они организационно не объединяются. Ведь форменный скандал говорить на фракции, что Союз Советских Социалистических Республик похож на собрание независимых республик буржуазной Европы. Я считаю, что просто неудобно говорить о том, что в буржуазных государствах есть учреждения мирового значения, они не объединяются, и, следовательно, у нас не должны объединяться учреждения такого порядка, как Академия наук. /Крыленко: *Конституция*/. Опять Конституция, да погибнет всё, живёт Конституция. Я полагаю, что принципиально как будто никто не спорит, что надо иметь академию, вопрос идёт о том, как её организовать. Давайте решим, организовать Академию наук или создать Академию наук союзного значения, признать необходимым и поручить составить необходимый статут для управления этой академией. <...> Тов. Петровский³⁹

³⁶ Г.М. Кржижановский (1872–1959) — академик и вице-президент АН СССР, член ЦИК СССР 1–7-го созывов, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, член ЦК ВКП(б) в 1903–1904 и 1924–1939 гг.

³⁷ Ш.З. Элиава (1883–1937) — председатель СНК Грузинской ССР (1923–1927) и Закавказской СФСР (1927–1931), член ЦИК СССР, кандидат в члены Президиума ЦИК СССР в 1924–1929 гг., член Президиума ЦИК СССР в 1929–1931 гг.

³⁸ Конституция СССР 1924 г. утверждена резолюцией 2-го Съезда Советов СССР от 31 января 1924 г.

³⁹ Г.И. Петровский (1878–1958) участвовал в разработке организационной структуры органов советской власти и первой Конституции РСФСР (1918). В 1922–1937 гг. — один из председателей ЦИК СССР, в 1937–1938 гг. — заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР, кандидат в члены Политбюро и член Политбюро.

говорит, что у нас есть решение развивать национальные республики. А разве Академия наук мешает развивать национальные республики? /Голоса: наоборот, развивает/. Наоборот, развивает. Тов. Петровский говорит: разрешите нам создавать знаменитости для Европы. Я думаю, что постановлением ЦИК какой-нибудь республики авторитеты не создаются, и украинские учёные не могут конкурировать в мире. Эти аргументы никуда не годятся. <...> Я констатирую, что у нас очень нездоровый уклон в этой области. Каждая республика полагает, что она будет развивать свою собственную науку. Это чепуха и вздор. Я утверждаю, что никакая маленькая республика не разовьёт своей науки, ибо наука не бывает русской, грузинской или армянской. Наука не терпит этих границ, а маленькие республики ввиду того, что у них ограниченные материальные возможности, не могут питать таких учреждений. Это должно быть ясно для всякого, кто не относится к этому вопросу с предубеждением. Для того, чтобы сомкнуть наши ряды не только в области конституционной, политической и военной, но чтобы сойтись культурно и восстановить связь между нашими нациями, разорванную войной, я полагаю, что надо создать именно такое учреждение. Я полагаю, что другая постановка вопроса для нас невозможна, и споры в этой области я считаю абсолютным недоразумением.

Страсти разгораются по самому очевидному вопросу. Я, товарищи, хочу сказать, что мы в Закавказье несколько не менее культурные нации, тов. Петровский, уверяю вас. Я вам могу назвать мирового значения имена. Однако мы считаем необходимым создание такой академии. <...> Закавказье, товарищи, в этом вопросе целиком и полностью поддерживает тов. Рыкова, а о статусе поговорим особо.

КАЛИНИН. Слово имеет тов. Чичерин⁴⁰.

ЧИЧЕРИН. Товарищи, тогда, когда дело касается международных отношений, — я централист, но тогда, когда дело касается умственной жизни, я стою за децентрализацию. Академия, в особенности в области общественных наук, — это должен быть высший расцвет умственной жизни в каждой нации или группе национальностей.

Надо выделить общественные науки как тесно связанные с культурной жизнью /обсерватории своим чередом/ каждой нации. У т.т. Рыкова и Элиавы допотопный взгляд на науки как на жрецов, которые священнодействуют. Когда дело касается общественных наук, мы отвергаем жрецов и говорим, что науки должны выйти из собственной культурной жизни каждой нации. Между прочим, тут тов. Ходоровский восклицал по поводу ориенталистов. Я утверждаю, что у нас нет востоковед-

ния, ваши ориенталисты изучают язык, изучают литературу — то, что было тысячу лет тому назад, изучают этнографию в самом узком смысле слова, даже мало отличаясь этой односторонностью... Все наши востоковеды выросли на затхлой почве царизма, они изучали то, что нужно было царским чиновникам. Что их прежде всего интересовало, то они и изучали. Наши востоковеды так называемые абсолютно ничего нам не дают, они не дают нам живого знания Востока. Потребовалось создание в Москве ассоциации востоковедов⁴¹ и издание “Нового Востока”⁴², чтобы сколько-нибудь подойти к живому Востоку и начать изучение интересующих нас вопросов, изучение хотя бы земельных отношений. Наши востоковеды этого нам не давали. Тут говорилось о мировых конгрессах. Что это значит? Это значит, что у нас сидит 40 бессмертных, в Париже сидит 40 бессмертных и т.д. и изучают среднециклевицкий⁴³ язык, на котором говорили 2000 лет тому назад, или какое-нибудь сказуемое, это сказуемое... Затем они съезжаются, чтобы условиться относительно этого сказуемого и его употребления в среднециклевицком языке. Вот вам та мировая наука, которая здесь ставится на такую высоту. Я отличаю именно общественные науки, а когда речь о химии и физике, тут другой вопрос, но когда речь идёт об общественных⁴⁴ науках, в особенности о востоковедении, то нельзя создавать мумии вроде той, которая сейчас есть. Когда в Ленинградской академии сидит десяток мумий и изучает Восток. Нужно создать востоковедение на самой живой почве народов Востока. <...> Поэтому, когда речь идёт об общественных науках, надо исключить возможность общесоюзной академии: должны быть академии у отдельных групп национальностей, должна быть академия на Украине, насчёт Кавказа не знаю, как. Нельзя во всяком случае отрывать высший цвет умственной культуры от живого народа, изучать Восток, сидя на берегу Невы, где они совершенно оторваны от Узбекистана, Туркменистана и всех народов Востока. /Богданов⁴⁵ с места: а физика и химия?/ Насчёт физики и химии я не говорю, но то, что больше всего нас

⁴¹ Имеется в виду НАВ или ВНАВ — Научная ассоциация востоковедов или Всесоюзная научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, созданная в 1921 г. декретом ВЦИК с целью объединения востоковедов СССР для работы в русле идеологии марксизма.

⁴² “Новый Восток” — журнал Научной ассоциации востоковедов при ЦИК СССР, издававшийся в Москве в 1922—1930 гг. (всего вышло 29 книг).

⁴³ Вероятно, докладчик имел в виду пехлевицкий язык — среднеперсидский язык (пехлеви, пехлевицкий или парфянский), но это было записано в стенограмме в таком виде.

⁴⁴ Интересно, что историю и язык он относит к общественным наукам.

⁴⁵ Предположительно, П.А. Богданов (1882—1939) — государственный деятель, инженер, председатель ВСНХ РСФСР (1921—1925), член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) (1927—1930).

⁴⁰ Г.В. Чичерин (1872—1936) — нарком иностранных дел РСФСР и СССР (1918—1930), член ЦИК СССР 1—4-го созывов, член ЦК ВКП(б) (1925—1930).

интересует, — это есть именно общественные науки, и в этой области было бы величайшим злом, если бы мы общественные науки оторвали от живых национальностей.

КАЛИНИН. Тов. Чичерин, проехавши по Советской Республике, нашёл совершенно необходимым вообще науку выбросить, а на местах создать только науку по изучению общественности. Товарищи, Академия наук занимается не только общественностью. И когда мне, представителю рабочих, приходится выступать против тов. Чичерина, то это происходит потому, что эти сказуемые, о которых спорят учёные, слишком надоели тов. Чичерину, и в этих сказуемых слишком нуждаются рабочие, и поэтому мне приходится выступать за эти сказуемые. Сейчас обвинить всю буржуазную науку в том, что она мало занимается общественными вопросами, а занимается больше научными вопросами, — товарищи, это является обвинением по отношению ко всей прошлой истории, ко всему прошлому человечеству. Такое же обвинение, несомненно, может быть брошено нам идущими вслед за нами поколениями, которые создадут новый мир в более лучших условиях. Каждым обществом изучается то состояние, в котором находится данное общество. Капиталистическое общество — двигало ли оно вперёд культуру? Конечно, двигало. И эта культура фиксируется. Где она фиксируется, где она закрепляется за человечеством? Конечно, в Академии наук... Но я ещё думаю, что тов. Чичерин как народный комиссар должен был бы и на другую сторону обратить внимание. На Западе имеют ли политическое значение Академия наук, выступление нашего Камерного театра, художественная выставка в Париже? Тов. Чичерин отстаивает необходимость открыть эту художественную выставку от имени Союза. Эта художественная выставка — это политическое дело, и вдруг Академия наук, которая, конечно, имеет огромное политическое значение, дипломатическое значение, Академия наук может не быть академией союзной. Значит, на мировом конгрессе появиться 15–20 наших маленьких академий, которые, конечно, будут представлять нули по сравнению с другими академиями. Поэтому, я думаю, что в настоящий момент, когда наука является всё более фактором организации нашей промышленности, гигиены — одним словом, пожалуй, нет ни одного шага вперёд у нас, который был бы не обоснован наукой, в этот момент признать, что общесоюзная Академия наук не нужна — это, товарищи... разжижение мозгов. Вы же понимаете, что каждый наш поступательный шаг будет прежде всего обоснован наукой, и вы хотите, чтобы это обоснование, центр науки, чтобы он выпал из рук Союза... Я же понимаю, что Союз есть тоже преходящее явление, но мы — живые люди, живём в живом обществе, в определённом окружении, сейчас перед нами куют ковы не только буржуазные правительства, но и буржуазная наука. Она отыскивает пути лучшей борьбы с нами. Кто этим должен

заниматься на деле? Верхушки науки или одна целая академия, целая общесоюзная академия. Нуждается Союз в общесоюзной академии, в концентрировании всего того, чего достигает человечество, в руках Союза? Я считаю, что нуждается, и что до тех пор, пока мы находимся в буржуазном окружении, наука является одним из могучих рычагов защиты нашего Союза. Если вы откажетесь от того, что наука является рычагом защиты Союза, тогда вы можете от этого отказаться. Но если вы признаете, что наука является одним из могучих рычагов, как армия, как дипломатия, я не сомневаюсь, что наука не менее нужна Союзу, чем дипломатия, тем не менее от внесения предложения создать народные комиссариаты по иностранным делам во всех республиках тов. Чичерин совершенно искренно упал бы в обморок, думая, что от этого рассыпется Союз, и вдруг он после этого выступает с тем, что Академия наук не нужна. И тов. Чичерин Академию наук подменяет в смысле общественных наук университетом им. Шанявского⁴⁶. Никто не мешает каждой республике учреждать университеты им. Шанявского, но это не есть академия. <...> Вопрос стоит в том, нуждается ли Союз в академии как в органе защиты Союза от буржуазного мира. Тогда я думаю, что, если товарищи украинцы поставят серьёзно этот вопрос перед собою, они скажут: да, науку выпустить из рук Союза нельзя. Если мы выпустим науку из рук Союза, то она будет развиваться по перифериям, но это ничего не даст Союзу, а между тем наш Союз не может чувствовать себя особенно крепким при буржуазном окружении.

Последнее возражение: товарищи украинцы здесь показали себя самым великодержавным народом. Они, по существу говоря, будучи самым сильным народом, исключая русского, в Союзе, отстаивают своё право, но ведь в нашей Республике до 200 национальностей. И когда вы кичитесь своей наукой, вы этим самым принижаете, не считаясь с интересами малых народов, и когда вы бьёте себя в перси и кричите, что вы защищаете национальности, то я вам скажу, что вы защищаете узкую свою национальность, подавляя в то же время мелкие национальности. Союз Советских Республик — это не есть орган для господства сильных, а это есть орган для поднятия маломощных. <...>

ГРИНЬКО⁴⁷. Тов. Рыков дал здесь блестящую аттестацию 200-летней деятельности Академии наук,

⁴⁶ Университет им. Шанявского был задуман золотопромышленником и меценатом А.Л. Шанявским в начале 1900-х годов для получения образования всеми желающими вне зависимости от сословия, вероисповедания и национальности. Плата за обучение сначала была минимальной, а потом и вовсе не взималась.

⁴⁷ Г.Ф. Гринько (1890–1938) — член ЦИК СССР 2-го, 6-го и 7-го созывов, в 1920–1922 гг. — нарком просвещения Украины, в 1922–1923 и 1925–1926 гг. — председатель Госплана УССР, в 1926–1929 гг. — заместитель председателя Госплана СССР.

а тов. Енукидзе постарался даже развить теорию, что Академия наук на протяжении долгого периода была единственной хранительницей национальной независимости и национальных чувств угнетённых народов. Вопрос заключается в том, что Российская академия наук, кроме тех своих достоинств, которые вам известны и которые делают её мировой, в течение столетий выполняла высшую функцию — русификацию. Это факт, который забывать нельзя. И если вы его будете упускать из виду, вы сами будете затруднять путь завоевания широких кадров национальной молодёжи, которые имеются, конечно, в наших республиках. Если мы сегодня объявим Российскую академию наук всесоюзной, а ещё под руководством тов. Ходоровского, под руководством Наркомпроса РСФСР, как это будет расценено широкими кадрами учёных в национальных республиках? Это будет расценено как ущемление той линии, которую мы ведём, как возврат к известной мажоризации РСФСР со стороны России. <...> Я считаю, что этот вопрос должен быть снят, что он несвоевременен, что по своей поспешности он нарушает ту линию национальной политики, которую мы ведём. <...>

ЧЕРВЯКОВ⁴⁸. Товарищи, первый вопрос, к которому, по моему мнению, следует выявить наше отношение, это вопрос о нашей Конституции. Здесь, по моему мнению, выявляется несколько лёгкое отношение к Конституции, а между тем, если мы вспомним, как строилась союзная Конституция, то должны будем прийти к выводу, что Конституция, по существу, есть ни что иное, как точная формулировка партийного мнения по национальному вопросу, а также и о взаимоотношениях между отдельными национальностями нашего Союза. Я думаю, что до сего времени условия нашего Союза ещё не настолько изменились, чтобы наступил момент пересмотра нашей Конституции. <...>

Теперь второй основной вопрос, который был поставлен, — о союзной академии. Почему даже в выступлении представителя от Грузии здесь наблюдалась некоторая осторожность в предложении разрешить вопрос о создании Всесоюзной академии. Это происходит потому, что Российская академия наук недостаточно обеспечивает всем национальностям, в том числе союзным республикам, возможность развития науки на основе изучения жизни, истории и всего прочего, что назвал тов. Чичерин общественными науками в этих республиках. В частности... по отношению к [настоящему вопросу] пример, когда в Академии наук имело место развитие и направление такой мысли, которая стремилась доказать, что белорусского народа нет, что белорусского языка нет, и поэтому вопрос о создании Белорусской Республики есть пустая

затея. Здесь есть реплика, что в этой новой Академии наук, существующей теперь, живут старые, как говорил уже тов. Ходоровский, 40 профессоров мировой известности. Но эти старые профессора в новой Академии наук, по существу, ничего нового не дают. <...> У нас по этому вопросу окончательно выявившегося мнения нет, ибо вопрос стал неожиданно, не обсуждается в конкретной форме, никто его не предлагал раньше и поэтому, естественно, что принять так его только потому, что это произведёт известное политическое впечатление за границей, и решать этот вопрос вряд ли является целесообразным. Нам казалось, что здесь прежде всего нужно решить вопрос о том, чтобы сессия на точных основаниях известных пунктов Конституции приняла постановления, обеспечивающие возможность развития науки в учёных учреждениях союзных республик и отдельных республик вообще. Есть ли такое решение? Нет. Михаил Иванович [Калинин] говорит, что никто не мешает союзным республикам создавать университеты по типу Шанявского. Это есть образчик отношения к попыткам отдельных республик создавать учреждения, аналогичные Академии наук. Мы хотели бы, чтобы Союз своей мощью, всеми своими средствами помог нам, не имеющим возможностей, ни материальной, ни всякой другой, поставить у себя развитие науки на должную высоту. Тогда мы не боимся создания — что для всех, мне кажется, очевидно — учреждения, объединяющего научную мысль в масштабе Союза. И Украина не возражает против этого, но она хочет иметь гарантию того, что это не ослабит работу⁴⁹, которая там ведётся. Мы со своей стороны хотели бы иметь тоже такую же гарантию. <...>

РЫКОВ. Товарищи, речь идёт о такого рода вопросе, который является в нашей политике очень деликатным вопросом. Этим объясняется решение ЦК партии, и моё сообщение было сделано от имени Политбюро, к нему надо относиться с величайшей осторожностью. Если бы вы мне предложили на выбор поссориться с Академией наук или с Украинской коммунистической партией, то я бы стоял за мир с Украинской коммунистической партией и за войну против академии. Поэтому вопрос долгое время оттягивался, и его трудно было решить. Потому-то я и сказал, что вопрос, может быть, придется снять. Товарищи украинцы приписывают мне предъявление ругательского ультиматума, который не даёт никаких перспектив. Когда по моему поручению эти тезисы были написаны тов. Луначарским⁵⁰, они были провалены. Так как вопрос был поставлен на национальной почве, то и мне казалось, что на фракции нам можно обменяться мнениями. Прежде всего, я должен заявить, что нельзя этот вопрос ста-

⁴⁸ А.Г. Червяков (1892–1937) — в 1920–1924 гг. председатель ЦИК и СНК, с 1924 г. — председатель ЦИК БССР, с 1922 г. — один из председателей ЦИК СССР.

⁴⁹ Работу по украинизации и созданию национальной академии. — А.Ц.

⁵⁰ А.В. Луначарский (1875–1933) — первый нарком просвещения РСФСР (1917–1929), академик АН СССР (1930).

вить в зависимости от нашего коммунистического невежества... против всяких академий вообще. Вот это коммунистическое чванство, с которым здесь выступил, к сожалению, наш народный комиссар по иностранным делам, с ним-то и нужно бороться. Мы ведь с вами произвели революцию вовсе не потому, чтобы тут же ликвидировать науку и... академию наук. <...> Так что та постанова, которую даёт этому вопросу Чичерин, она вредна и совершенно явно противоречит всем нашим задачам, которые мы ставим себе не только на сегодня. <...> Наши коммунисты своим коммунистическим чванством слопают науку в два счёта. Партия должна обороняться от этого во что бы то ни стало... Нельзя допустить невежества... Я здесь вопрос поставил чисто принципиально: нужны ли нам союзная академия и союзная наука? <...> Я здесь не вмешивался в область Конституции... Если он в Конституции видит самоцель, то это буржуазное чванство. Если вы думаете, что, может, нам выгоднее в национальном масштабе развивать математику, то это глупость. Для того чтобы изучать эти национальные черты, может быть, и нужно создать эти самые республиканские академии, до которых мы доживём через целый ряд лет. <...> Я против того, чтобы подчинить тов. Ходоровскому и тов. Луначарскому, ибо боюсь, скоммунизуют и разрушат, введут так называемых новых учёных. <...> По-моему, должна быть общесоюзная Академия наук чистых, с максимальной свободой использования буржуазных наук, изучения сказуемых и подлежащих, и древностей, и мумий. Нам до сих пор было недосуг, партия этим не занималась, но учёные были обязаны заниматься. Что нам нужно сделать сейчас? По-моему, на сессии из того, что выяснилось, вопрос ставить нельзя. Мне бы хотелось, чтобы фракция выразила своё принципиальное отношение к возможности объявления Ленинградской академии наук общесоюзной и установила условия этой возможности с тем, чтобы она никаких административных прав не имела, ни в какой Наркомпрос обратиться не могла, и чтобы интересы научного исследования отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, были обеспечены всеми способами. Поручить на этой почве ЦК партии подготовить вопрос к следующей сессии, разослав проект для своевременного обсуждения в отдельных частях Союза.

КАЛИНИН. Надо поставить вопрос принципиально: нужна ли Академия наук в союзном масштабе? Я должен предложение тов. Рыкова голосовать по пунктам.

ПОРАЙКО⁵¹. Я предлагаю сформулировать так: объявлять ли Ленинградскую академию наук всесоюзной или нет? Это постанова Политбюро ЦК.

⁵¹ В.И. Порайко (1888–1937) — юрист, в 1927–1930 гг. — народный комиссар юстиции и генеральный прокурор УССР, в 1930–1937 гг. — заместитель председателя СНК УССР.

КАЛИНИН. Проголосуем вопрос принципиально. Кто за то, чтобы признать необходимой организацию Академии наук во всесоюзном масштабе? /Голос: не та формулировка/. Кто за то, чтобы Ленинградскую академию наук превратить в общесоюзную? /Принято против 33-х/. Следующий вопрос — ставить ли этот вопрос на этой сессии? /Предложение отвергнуто/. Просить ЦК партии подготовить этот вопрос и поставить на следующей сессии? Кто за эту формулировку? Принято. /Голоса: предлагает принять предложение тов. Рыкова/. Возражений нет. Принято.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИВИ РАН, номер государственной регистрации темы 124042200025-8.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС в 1922–1952 гг. Т. 1 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000.
The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — VKP(b) — CPSU in 1922–1952. Vol. 1 / Comp. V.D. Esakov. Moscow: ROSSPEN, 2000. (In Russ.)
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–8429. Оп. 1. Д. 54.
The State Archive of the Russian Federation. F. R–8429. Op. 1. D. 54. (In Russ.)
3. Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925). Сб. документов / Отв. ред. К.В. Островитянов. Ленинград: Наука, 1968.
The organization of science in the early years of Soviet power (1917–1925). Collection of documents / Ed. by K.V. Ostrovityanov. Leningrad: Nauka, 1968. (In Russ.)
4. Максимова О.Д. О признании Российской академии наук высшим учёным учреждением Союза ССР в 1924–1925 гг. // Роль государства в развитии науки: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием. М., 2021. С. 82–93.
Maksimova O.D. On the recognition of the Russian Academy of Sciences as the highest scientific institution of the USSR in 1924–1925 // The role of the state in the development of science: historical and legal aspect. Collection of articles of the All-Russian interdisciplinary Scientific Conference with international participation. Moscow, 2021. Pp. 82–93. (In Russ.)
5. Басаргина Е.Ю. Петербургская академия наук и Международная ассоциация академий // Петербургская академия наук в истории академий мира. Т. 2. СПб.: С.-Петербург. науч. центр, 1999. С. 171–180.

- Basargina E.Yu.* St. Petersburg Academy of Sciences and the International Association of Academies // St. Petersburg Academy of Sciences in the history of the Academies of the World. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg Scientific Center, 1999. Pp. 171–180. (In Russ.)
6. Уставы Академии наук СССР (1724–1974) / Отв. ред. Г.К. Скрябин. М.: Наука, 1975.
The Charter of the Academy of Sciences of the USSR (1724–1974) / Ed. by G.K. Scriabin, Moscow: Nauka, 1975. (In Russ.)
7. *Орёл В.М.* Битва со здравым смыслом // Вестник РАН. 1994. № 4. С. 366–375.
- Orel V.M.* The battle with common sense // Herald of the Russian Academy of Sciences. 1994, no. 4, pp. 366–375. (In Russ.)
8. Государственный архив Российской Федерации. Р-8429. Оп. 1. Д. 8. Доклад об Академии наук, 1926 г. The State Archive of the Russian Federation. R-8429. Op. 1. D. 8. Report on the Academy of Sciences, 1926. (In Russ.)
9. Летопись Российской академии наук (1901–1934). Т. IV / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2007.
The Chronicle of the Russian Academy of Sciences (1901–1934). Vol. IV / Ed. by E.I. Kolchinsky, G.I. Smagina. St. Petersburg: Nauka, 2007. (In Russ.)

“THE UNION NEEDS AN ALL-UNION ACADEMY...”

EXCERPT FROM THE TRANSCRIPT OF THE MEETING OF THE RCP(B) FACTION OF THE 3rd SESSION OF THE CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE OF THE USSR OF THE 2nd CONVOCATION ON MARCH 5, 1925

A.G. Tsypkina^{a,*}

^a*Institute of World History RAS, Moscow, Russia*

^{*}*E-mail: anna021090@yandex.ru*

This publication is an excerpt from the transcript of the meeting of the RCP(b) faction of the 3rd session of the USSR Central Executive Committee of the 2nd convocation in Tiflis on March 5, 1925, at which the issue of awarding the Russian Academy of Sciences the all-Union status was discussed in connection with the need to approve its new charter. The preface discusses the prerequisites for this decision, as well as the various opinions of CEC members, representatives of the Academy, heads of Glavnauka, People's Commissariat for Education of the RSFSR and other party delegates.

Keywords: USSR Academy of Sciences, S.F. Oldenburg, V.A. Steklov, A.V. Lunacharsky, A.I. Rykov, F.N. Petrov, 3rd session of the USSR Central Executive Committee of the 2nd convocation (Tiflis), charters of the Academy of Sciences.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ИМЕНИ И.М. СЕЧЕНОВА 2024 ГОДА – С.С. КОЛЕСНИКОВУ

Президиум РАН присудил золотую медаль им. И.М. Сеченова 2024 года члену-корреспонденту РАН Станиславу Сергеевичу Колесникову за цикл работ “Механизмы электрогенеза и трансдукции в сенсорных клетках”.

Автором открыты и изучены функционирующие в сенсорных клетках ионные каналы нескольких типов. Показано, что в палочках сетчатки действуют катионные каналы, которые напрямую активируются при связывании циклическим гуанозинмонофосфатом (сGMP). Это стало первой демонстрацией регуляторной функции циклических нуклеотидов, не опосредованной процессами фосфорилирования.

Ионные каналы, активируемые циклическими нуклеотидами, также были идентифицированы в колбочках, обонятельных нейронах и волосковых клетках органа Корти. Таким образом, стало понятно, что циклический гуанозинмонофосфат и циклический аденозинмонофосфат (сAMP) служат

вторичными медиаторами в каскаде фототрансдукции и обонятельной трансдукции соответственно.

С.С. Колесников впервые доказал, что вкусовые клетки типа II экспрессируют Ca^{2+} -проницаемый канал TRPC3, активируемый липидным медиатором DAG. Установлено, что DAG-регулируемый вход наружного Ca^{2+} через TRPC3-каналы пролонгирует первоначальный стимул-зависимый Ca^{2+} -сигнал, тем самым обеспечивая нужную продолжительность и форму электрического ответа клетки на вкусовой стимул. Афферентная нейротрансдукция во вкусовых клетках типа II происходит по неканоническому механизму с использованием АТФ в качестве нейротрансмиттера, высвобождаемого через потенциал-зависимые АТФ-проницаемые ионные каналы CALHM1. Пресинаптический компартмент в этих клетках формируется атипичной митохондрией, которая является источником секретируемого АТФ. Рецептор внеклеточного Ca^{2+} CASR регулирует потенциал-зависимые Ca^{2+} -каналы вкусовых клеток типа III, обеспечивая инвариантность выброса нейротрансмиттера серотонина при флуктуациях внеклеточного Ca^{2+} , характерных для вкусовой почки.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ К.И. СКРЯБИНА 2023 ГОДА – Н.М. БИСЕРОВОЙ

Президиум РАН присудил премию им. К.И. Скрябина 2023 года доктору биологических наук Наталье Михайловне Бисеровой (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) за серию работ “Ультраструктура и цитохимия ленточных червей, паразитов человека и животных”.

В работах систематизированы сведения о тонкой морфологии, ультраструктуре и иммуноцитохимических характеристиках различных органов и тканей цестод, даётся сравнительный, функциональный, структурный и эволюционный анализ полученных результатов. Впервые описана сложная архитектура мозга этих паразитов, выявлены тенденции его прогрессивной эволюции, показала роль нервной системы

в функционировании желёз, а также значение прикрепительного аппарата, обеспечивающего успешную фиксацию ленточных червей в организме хозяина. В мозге паразитов обнаружены глиальные клетки, участвующие в работе их нервной системы. Данные о секреции цестодами простагландинов – модуляторов иммунного ответа хозяина – открывают новые возможности в поиске мишеней для антигельминтных препаратов при лечении человека и животных.

Достижения Н.М. Бисеровой имеют большое научное и практическое значение, вносят значительный вклад в понимание особенностей ультраструктурной и морфофункциональной организации паразитических червей, в развитие гельминтологии и паразитологии в целом. Они направлены на решение фундаментальной научной задачи – изучения механизмов взаимоотношения паразита и хозяина, что чрезвычайно важно при разработке новых эффективных антипаразитарных препаратов.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В.И. ВЕКСЛЕРА 2024 ГОДА –
А.В. БУТЕНКО, А.О. СИДОРИНУ И Г.В. ТРУБНИКОВУ

Президиум РАН присудил премию им. В.И. Векслера 2024 года доктору физико-математических наук Андрею Валерьевичу Бутенко, доктору физико-математических наук Анатолию Олеговичу Сидорину (Объединённый институт ядерных исследований) и академику РАН Григорию Владимировичу Трубникову за цикл работ “Многофункциональный комплекс ускорителей тяжёлых ионов – инжектор коллайдера NICA”.

Труды авторов объединяют разработку, создание, комплексную пусконаладку и ввод в автономную эксплуатацию (с 2022 г.) каскада резонансных ускорителей тяжёлых ионов. В состав каскада входит линейный ускоритель тяжёлых ионов, каналы транспортировки пучка и последовательность из двух сверхпроводящих ионных синхротронов – нового (Бустер, удельная кинетическая энергия 600 МэВ/нуклон, магнитная жёсткость 25 Тл·м) и модернизированного действующего (НУКЛОТРОН, 3.0–3.9 ГэВ/нуклон). Номенклатура ускоряемых ионов – от дейтерия до ксенона. Интенсивность на выходе – до 10⁷ ионов за цикл. Комплекс создан в условиях жёстких компоновочных ограничений технической площадки лаборатории высоких энергий Объединённого института ядерных исследований.

Комплекс ускорителей многофункционален и имеет два назначения:

- источник пучков ионов релятивистских энергий для проведения фундаментальных и прикладных ядерно-физических исследований с фиксированными мишенями (внешними и внутренними); в этом качестве комплекс используется с 2022 г. с наработкой 5 тыс. ч на физический эксперимент;
- источник пучков (инжектор) для создаваемой установки со встречными сталкивающимися циркулирующими ионными пучками NICA; к настоящему времени на практике подтверждено достижение проектных параметров инжекционного комплекса проекта NICA.

Продемонстрирована работоспособность сверхпроводящей магнитной системы (магниты так называемого “нуклотронного типа”) в режимах длительной циркуляции пучка, работоспособность и востребованность системы электронного охлаждения ионного пучка (разработка и поставка Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН).

Ввод в строй многофункционального комплекса ускорителей тяжёлых ионов – инжектора коллайдера NICA – несомненное достижение отечественной физики и техники пучков заряженных частиц и ускорителей и важный шаг на пути реализации проекта NICA.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.А. УХТОМСКОГО 2024 ГОДА –
И.В. БУХТИЯРОВУ, И.Б. УШАКОВУ И А.В. БОГОМОЛОВУ

Президиум РАН присудил премию им. А.А. Ухтомского 2024 года академику РАН Игорю Валентиновичу Бухтиярову, академику РАН Игорю Борисовичу Ушакову и доктору технических наук Алексею Валерьевичу Богомолу (Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” РАН) за цикл работ “Физиологические основы современных интенсивных видов трудовой деятельности”.

Работы авторов, которые отличает комплексный подход, позволили определить критерии оценки условий труда по показателям напряжённости трудового процесса. Установлено, что в современных условиях большую роль играют такие социально-психологические факторы, как частые стрессовые

ситуации, высокие требования, низкий контроль управления на рабочем месте, слабая социальная поддержка, неблагоприятные межличностные отношения, пониженная трудовая мотивация и её неэффективная направленность на избежание неудач, психологические особенности личности (например, тревожность и невротизм). Продемонстрировано глубокое понимание проблемы адаптации человека к новым условиям работы. Обоснована необходимость определения степени функционального напряжения с целью предупреждения неблагоприятных сдвигов состояния организма, а также создания дифференцированных и эффективных блоков профилактических мероприятий с учётом класса напряжённости труда.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.А. МАРКОВА 2024 ГОДА – В.А. ВАТУТИНУ

Президиум РАН присудил премию им. А.А. Маркова 2024 года доктору физико-математических наук Владимиру Алексеевичу Ватутину (Математический институт им. В.А. Стеклова РАН) за цикл работ “Предельные теоремы для ветвящихся процессов в случайной среде”.

Автор продолжает традиции одного из направлений русской вероятностной школы, заложенные А.А. Марковым

и получившие развитие благодаря трудам многих выдающихся российских учёных. Разработана новая классификация ветвящихся процессов в случайной среде, что позволило получить результаты, отражающие асимптотическое поведение вероятностей невырождения для критических и докритических ветвящихся процессов. В.А. Ватутин внёс значительный вклад в теорию ветвящихся процессов с иммиграцией, анализируя их поведение в неблагоприятных условиях. Это способствовало более глубокому пониманию механизмов, определяющих выживаемость и рост популяций в изменяющихся средах.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.Н. КОЛМОГОРОВА 2024 ГОДА – Н.К. ВЕРЕЩАГИНУ

Президиум РАН присудил премию им. А.Н. Колмогорова 2024 года доктору физико-математических наук Николаю Константиновичу Верещагину (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) за цикл работ “Колмогоровская сложность и её применения в статистике, логике и защите информации”.

В представленных работах получили фундаментальное развитие идеи А.Н. Колмогорова по

алгоритмической статистике, что привело к формированию соответствующей теории. В частности, установлена эквивалентность предложенных Колмогоровым подходов к определению качества статистических гипотез на основе понятий структурной функции и (α, β) -стохастичности. Показано, что структурные функции могут быть полностью охарактеризованы некоторыми указанными свойствами. Эти результаты нашли применение в таких направлениях, как алгоритмическая статистика для ограниченных классов гипотез, а также использование тотальной колмогоровской сложности для оценки качества гипотез.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Б.Б. ГОЛИЦЫНА 2024 ГОДА –
А.Д. ГВИШИАНИ, А.А. СОЛОВЬЁВУ И И.Н. РОЗЕНБЕРГУ

Президиум РАН присудил премию им. Б.Б. Голицына 2024 года академику РАН Алексею Джерменовичу Гвишиани, члену-корреспонденту РАН Анатолию Александровичу Соловьёву и члену-корреспонденту РАН Игорю Наумовичу Розенбергу за серию работ по теме “Системный геоинформационный анализ геофизических данных для выделения зон повышенной сейсмической опасности, изучения литосферных структур и распознавания аномалий геомагнитного поля”.

Результаты научных исследований, которые ведутся на протяжении более 20 лет, опубликованы в российских и международных изданиях в период 2019–2023 гг. и широко известны во всём мире.

В серию вошли более 30 работ, включая три монографии и уникальный электронный “Атлас магнитного поля Земли (1500–2010 гг.)”, адаптированный для демонстрации на сферических экранах. Авторы создали комплекс оригинальных математических и программно-аналитических методов системного геоинформационного анализа геофизических данных. Все полученные результаты обобщены в единой геоинформационной системе. Интеллектуальные инструменты обработки данных ГИС позволяют принимать решения в области развития транспортных сетей в Арктической зоне России, устойчивого природопользования, сейсмостойкого строительства и защиты инфраструктуры от воздействия космической погоды.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ С.В. КОВАЛЕВСКОЙ 2024 ГОДА – И.Г. ГОРЯЧЕВОЙ

Президиум РАН присудил премию им. С.В. Ковалевской 2024 года академику РАН Ирине Георгиевне Горячевой за цикл работ “Механико-математические модели фрикционного взаимодействия”.

Представленные работы внесли фундаментальный вклад в развитие механики контактного взаимодействия, трибомеханики, трибологии

и в значительной мере определили уровень исследований в данной области в России. Теоретические и экспериментальные изыскания посвящены математическому моделированию механических

процессов и явлений, происходящих при различного рода контакте и фрикционном взаимодействии деформируемых твёрдых тел с учётом геометрии микрорельефа и физико-механической неоднородности. Деятельность автора во многом способствовала формированию трибологии – науки, изучающей механизмы взаимодействия и изнашивания поверхностей и феноменологические подходы к процессу трения, и позволила ей занять своё место в системе механических дисциплин

Актуальность исследований И.Г. Горячевой неоспорима, поскольку решение контактных задач, связанных со снижением энергетических потерь на трение, приводит к увеличению срока службы составных деталей, сопряжений и конструктивных элементов различной сложности.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В.Л. КОМАРОВА 2023 ГОДА –
М.С. ИГНАТОВУ, Е.А. ИГНАТОВОЙ И В.Э. ФЕДОСОВУ

Президиум РАН присудил премию им. В.Л. Комарова 2023 года доктору биологических наук Михаилу Станиславовичу Игнатову, кандидату биологических наук Елене Анатольевне Игнатовой и доктору биологических наук Владимиру Эрнстовичу Федосову (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) за серию работ “Мхи России: систематика и биоразнообразие”.

Авторы – известные специалисты в области изучения и систематики мхов России, их анатомии, морфологии, географии, репродуктивной биологии, экологии. Исследования, проводимые с 1990-х годов до настоящего времени, уже вышли далеко за пределы нашей страны и имеют первостепенное значение для понимания эволюции мохообразных и других групп растений. Большинство работ выполнены

с помощью комплекса классических и современных биологических методов. Так, ревизии целого ряда родов мхов основаны на данных молекулярного анализа, что существенно повлияло на современную систематику мохообразных. Выявленные и описанные роды и виды стали основой для многотомной серии книг “Флора мхов России” – выдающегося достижения авторов. Здесь объединена вся известная информация о мхах, таксоны тракуются с учётом современных методик и сведений, что служит ориентиром дальнейших исследований в этой области на многие годы вперёд. Вклад М.С. Игнатова, Е.А. Игнатовой и В.Э. Федосова в познание флоры мхов России и севера Голарктики получил признание отечественного и международного научного сообщества.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Г.М. КРЖИЖАНОВСКОГО 2023 ГОДА –
В.В. КЛИМЕНКО, С.П. ФИЛИППОВУ И О.В. ЖДАНЕЕВУ

Президиум РАН присудил премию им. Г.М. Кржижановского 2023 года академику РАН Владимиру Викторовичу Клименко, академику РАН Сергею Петровичу Филиппову и доктору технических наук Олегу Валерьевичу Жданееву (Российское энергетическое агентство Минэнерго России) за цикл научных работ по теме “Обоснование приоритетных направлений научно-технологического развития энергетики России в условиях глобальных климатических изменений и геополитической нестабильности”.

Список научных трудов авторов включает 100 наименований и охватывает такие важные темы, как анализ влияния глобальных климатических изменений и геополитической нестабильности на развитие энергетики России, приоритетные направления научно-технологического развития электроэнергетики и теплоснабжения, а также топливных отраслей топливно-энергетического комплекса России на длительную перспективу.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.Ф. КОНИ 2024 ГОДА – А.И. КОВЛЕРУ

Президиум РАН присудил премию им. А.Ф. Кони 2024 года доктору юридических наук Анатолию Ивановичу Ковлеру (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) за серию научных работ, посвящённых исследованию международного права, прав человека и теории права, разрешению фундаментальных вопросов правовой политики.

Работы А.И. Ковлера обладают научной новизной и значимостью, вносят существенный вклад в развитие современной правовой науки и правоприменительной практики. В них изложены результаты междисциплинарного нормативно-ценностного подхода к анализу международно-правовых норм. Они способствуют более глубокому пониманию

вопросов, связанных с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, и её практическому воплощению в общественных отношениях в современных условиях, а также разрешению важнейших задач правовой политики России.

Всесторонний анализ зарубежного права, использование прогрессивных подходов к правовому регулированию с целью обогащения национального права, владение анализом и методами сравнительного правоведения привели А.И. Ковлера к идее неразрывной связи ценностного подхода к проблеме современного права и антропологизации правовой науки и правовой практики. Сделанные автором выводы построены на основе фундаментальных философских и научных обобщений, позволяют по-новому взглянуть на многие антропологические проблемы, широко раскрывают научно-правовую проблематику, определяя направления дальнейших исследований.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ А.А. АНДРОНОВА 2024 ГОДА — Н.В. КУЗНЕЦОВУ

Президиум РАН присудил премию им. А.А. Андропова 2024 года члену-корреспонденту РАН Николаю Владимировичу Кузнецову за цикл работ “Теория скрытых колебаний и устойчивость систем управления”.

Цикл работ посвящён фундаментальному вопросу теории динамических си-

стем — проблеме существования скрытых колебаний и развитию методов их обнаружения. Автор объединил идеи теории колебаний и теории глобальной устойчивости при решении задач глобальной устойчивости и мультиустойчивости для динамических моделей из классической механики и теории управления.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО 2024 ГОДА — С.А. НЕФЁДОВУ

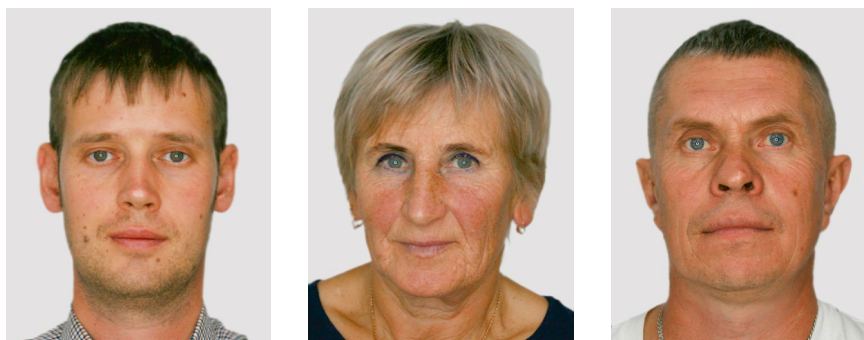
Президиум РАН присудил премию им. В.О. Ключевского 2024 года доктору исторических наук Сергею Александровичу Нефёдову (Институт истории и археологии УрО РАН) за серию монографий “История России. Факторный анализ” (в 2 томах) и “Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900—1940 годах”.

Монографии посвящены исследованию макроисторической динамики России на основе апробации циклической модели, фиксирующей регулярные демографические циклы: перенаселение приводит к экосоциальному кризису; численность населения уменьшается, и начинается новый цикл. Автор выделяет два больших демографических цикла:

первый — с середины XV в. до Смуты начала XVII в., второй — после Смуты, причём в XIX в. демографическое сжатие, охватившее Центрально-Чернозёмный регион, привело к экосоциальному кризису, который стал одной из важнейших причин революций начала XX в.

В своих работах С.А. Нефёдов активно использует математические методы, статистический анализ и математическое моделирование. Он показал, что демографически-структурная теория с учётом диффузионного фактора достаточно адекватно описывает социально-экономическое развитие России и в первом приближении объясняет события двух революций. Ценность проведённого исследования заключается в доказательстве отсутствия аналогии, вопреки мнению историков-ревизионистов, между современной социально-политической динамикой и динамикой периода накануне революции.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Н.В. РУДНИЦКОГО 2024 ГОДА –
А.П. СОФРОНОВУ, С.В. ФИРСОВОЙ И А.А. РУСИНОВУ

Президиум РАН присудил премию им. Н.В. Рудницкого 2024 года кандидату сельскохозяйственных наук Александру Петровичу Софронову, кандидату сельскохозяйственных наук Светлане Витальевне Фирсовой и Анатолию Аркадьевичу Русинову (Федеральный аграрный научный центр Северо-Востока им. Н.В. Рудницкого) за научно-исследовательские работы “Селекция и питомниководство ягодных культур в условиях Волго-Вятского региона”.

В условиях северо-востока европейской части России впервые проведено селекционное изучение обширного и генетически разнообразного материала смородины клейкой, смородины малоцветковой, смородины восковой, скандинавского и сибирского подвидов смородины чёрной. Созданы сорта чёрной смородины Шаганэ и Ариэль, сочетающие высокую

продуктивность и крупноплодность с устойчивостью к мучнистой росе и почковому клещу. Совместно с сотрудниками Всероссийского института растениеводства им. Н.И. Вавилова организована экспедиция на Камчатку с целью сбора семян от свободного опыления наиболее крупноплодных местных форм жимолости синей. В результате селекционной работы впервые в Кировской области были созданы сорта жимолости Флагман и Союз. С помощью метода гибридизации с последующим индивидуальным отбором получены сорта земляники садовой крупноплодной с высоким адаптивным потенциалом, способные противостоять повреждающим факторам. По итогам оценки более 5 тыс. сеянцев земляники из гибридного фонда выделено четыре элитные формы. На Государственное сортоиспытание передан сорт Мелодия.